

Сергей Слесарев

**ПРИСТАВНОЙ
КОТ**

РАССКАЗЫ

Орёл, 2020

УДК 82-32
ББК Т84(2Рос=Рус)6
С 474

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Министерства культуры РФ.

Автор выражает благодарность за помощь в подготовке
и издании книги Е.А. Машуковой и А.В. Фролову.

Редактор Е.А. Машукова
Художник Анна Жиганова

С 474 Слесарев С.А.
Приставной кот: Рассказы / Сергей Слесарев –
Орёл: Орловский Дом литераторов, 2020. – 200 с.

В книгу молодого орловского прозаика Сергея Слесарева вошли рассказы о современниках, об уважении друг к другу, о настоящей любви, о нравственных проблемах выбора, о честности, бережном и чутком отношении к людям. Книга представляет интерес для широкого круга читателей.

©Слесарев С.А., 2020
©Орловский Дом литераторов,
оригинал-макет, 2020

ПРИСТАВНОЙ КОТ

по мотивам реальных событий

Кота арестовали ровно в полдень.

Серого, с черными полосками, Ваську сфотографировали, внесли в опись, и даже... оценили – в две тысячи рублей! Пышные усы ухватом были так притягательны, что один из приставов приложил к ним линейку и охнул от восторга: от левого края до правого размах вибрисс – двадцать девять сантиметров!

– Вот это мышелов!

Кот от такого наглого панибратства только шипел, топорщил усы и прижимал уши.

– Слушайте, ребят, ну Ваську-то не трогайте! Кот причём здесь? Ну это... ну как без кота-то... будьте людьми. – Рядом с приставами суетился невысокий мужчина с лёгкими залысинами по бокам впереди.

– А кредиты не отдавать – Васька причём? – отгрызнулась пышногрудая девушка-пристав. – Ничего с вашим котиком не случится, посидит под арестом, быстрее деньги найдёте.

Откуда-то притащили небольшую переноску для кошек. Васька сначала сопротивлялся, но потом то ли от страха, то ли от отчаяния сдался и позволил себя запереть. Запах был еще тот! Пахло другими котами и бумагами, тонером

от лазерного принтера, и удушающим мужским одеколоном. Только бы Жучка из соседнего дома не увидела его в таком жалком виде – засмеет же мерзкая собачонка!

Вадим (так звали хозяина кота) уже отчаялся и больше не просил оставить Ваську в покое, несколько раз он бегал до соседей, но никого не было дома. Куда-то звонил по мобильнику, долго жаловался, что остаётся без кота, потом в отчаянии сбрасывал звонок.

Кота приставы погрузили в машину вместе со стареньким магнитофоном, чёрным ноутбуком, утюгом и зелёным электрочайником. Васька жалобно мяукал и умоляюще смотрел на Вадима своими жёлтыми с зелёным ободком у зрачков глазами.

– Ну, где найти нас знаете. Принесёте две тысячи – получите своего кота, – девушка-пристав резким движением оправила на себе форму, – если что – выставим вашего Ваську на торги.

Вадим хотел было что-то возразить, но дверь уже захлопнулась, мотор зарычал, и машина плавно покатила от дома. А он отрешённо смотрел, как она покачивается и оседает на ямах, и только когда приставы окончательно скрылись за поворотом, словно очнулся от оцепенения. Да у него же только что увезли друга!

В те дни зима была необычно тёплая, раскисшая, так что даже к новому году разбухли почки на деревьях. В январе едва-едва подморажи-

вало, а снег рваными грязными пятнами лежал на дорогах и во дворах. Все ожидали крещенских морозов, но на Крещение было смуро, сыро и тепло, так что даже расстроились: мол, опять который год и зимы толком не видят. Но через неделю подул северный ветер, тёмные, набухшие снегом облака растянулись, сбились в клин и умчались на юг. Всю ночь стропила на крыше стонали и ухаи, а под утро внезапно всё стихло, и столбик термометра упал под минус сорок. Вадим тогда ещё радовался, что не зря прикупил накануне с полочки новые валенки и тёплую куртку. Бежал на работу и с лёгким злорадством смотрел на прыгающих на остановках студентов, – знай, мол, русскую зиму, есть у неё ещё порох в порохницах, чай, не Париж вам. Ему тогда особо нравилось это сравнение с Парижем своего маленького городка в десяток-другой автобусных остановок.

Однако, вскоре злорадство постепенно сменилось унынием. Работать на улице в такую погоду было сущим наказанием, сначала в вагончике примёрзла дверь, и они с трудом её отколотили-отогрели, потом пришлось таскать простывший до изморози кирпич, так что через несколько часов Вадим с завистью вспоминал студентов, которые, наверняка, подрёмывают сейчас в тёплой аудитории под монотонное бурчание преподавателя.

К обеду прикатило на чёрном мерсе «высшие начальство» – Рустам и Олег, – долго о чём-то

переговаривались в вагончике с прорабом Василичем. Тот всё горячился и громко спорил, потом вылетел на улицу и хлопнул дверью.

– Опять аванса, небось, не видать, – заворчали мужики, которым зарплату платили с перебоями уже полгода.

– Эй, мужики, подсьюды. – Василич стоял у бочки с огнем, что разожгли накануне, и закуривал.

Рустам и Олег мялись у вагончика, и подошли ближе только когда все собрались в кружок.

– Тут такое дело, пацаны, – начал Олег, – нужна ваша помощь.

Потом долго зачем-то им рассказывал о том, что они строят, и как здесь станет распрекрасно и замечательно к осени, какие клумбы разобьют во дворе, а молодые мамочки с колясками будут гулять по новой детской площадке. Вот только есть совсем небольшая, «тонюсенькая» проблема, у фирмы проблемы с деньгами, и придётся беруть кредит.

– Ну так бы сразу и сказал, что зарплаты не будет, – заворчали мужики.

– Э-э, почему не будет, а? мамой клянусь, будет и зарплата, и аванс, и премия даже, – вмешался Рустам.

– Если только поможете. – подхватил Олег.

– Да мы-то тут при чём? Никак... – усмехнулся Вадим, но наткнулся на жёсткий взгляд Василича и замолчал.

Всё казалось, со слов Олега, проще некуда: «эти жирные банкиры», как выразился он, просят при-

вести немного поручителей, буквально пустяк – поставить несколько подписей под бумагами, и фирме дадут кредит. Дом достроят, продадут квартиры, и все будут довольны: и банк получит свой кредит, и они – работяги – свою заслуженную премию, и еще и Олегу с Рустамом на пару бутылок хорошего коньяка останется.

– А если не продадим? – опять вмешался Вадим.

– Как не продадим, а, дорогой?! – раскипятился Рустам. – Мамой клянусь, если не продадим, тогда свою машину, дом, квартиру продам, кредит отдадим, слушай, а?! Чего ты боишься?!

Мужики гудели, долго топтались на месте, снег под ногами скрипел всё натужнее, небо блёкло, изо рта вырывались клубы пара, и всё предвещало морозную ночь. Соглашались с трудом, – почти у каждого и так висели на шее кредиты, и брать на себя что-то новое не хотелось. Но Олег мог заговорить любого, да и Рустам горячился и чуть ли в грудь себя не бил: «все, веришь, все домашние, мамой клянусь, даже собака и та подписала!».

В тот день с работы их отпустили пораньше, стайками мужики уходили со стройки и ещё долго по дороге обсуждали и спорили, так что морозный воздух звонко морщился от матов. Потом Вадим иногда думал, что, может, никогда бы и не встретил Ваську, если бы не увлёкся в тот раз спором и не прошёл нужную остановку, да так что пришлось срезать дорогу через заброшенный заводской пустырь. Там-то, в стороне от дороги, возле

куста и сидел маленький серый комочек, и даже уже не мяукал, а просто ждал, когда мороз окончательно приберёт его к праотцам. Как он тут оказался? Почему? Может, загнали собаки, а может, и кто выкинул, но от домов было далеко, теплотрасса лежала в ста шагах и, если бы не Вадим, не было бы сейчас красавца-мышелова Васьки.

У соседки Вадим тогда занял молока, отпаивал продрогшего Ваську и держал с ним совет, как быть: идти в поручители или не идти. Но то ли он не так понял Ваську, то ли маленький котик и сам ничего не понимал в кредитах, когда на следующий день пошёл разговор, будто и Василина Алексеевна, главбух, поручилась, сомнения треснули и разлетелись. «Уж, Алексеевна-то, знает, как никак финансами заведует, понимает» – толковал Ваське вечером Вадим.

– Да и работу терять в такое-то время не охота. А, Вась?

На кота обиду он не держал, а вот день тот проклинал, когда наутюженный при галстук и в пиджаке подписывал документы в банке, а милая девушка в белой блузе, со сбившейся набок челкой, мило улыбалась и показывала пальцем, где расписаться.

Сначала совсем не стало зарплаты, потом отключились мобильники Рустама и Олега, и даже Василина Алексеевна лишь растеряно разводила руками. Она всё прижимала левый кулак к груди и только качала головой: ну кто ж знал, кто ж знал...

Так Вадим сначала лишился работы, а теперь увезли ещё и кота.

Часа за полтора он обзвонил всех знакомых и друзей, но найти две тысячи для выкупа Васьки не удавалось. Сумма казалась незначительной: что такое эти две тысячи? – разок заглянуть в магазин и не хватит, чтобы разгуляться. Но один, второй, третий – все отказывали, и не потому, что было жалко (хотя, может, и были такие), но просто прошли времена, когда запросто было занять тысячу рублей до получки. Теперь эти тысячи съедали кредиты за пальто, квартиру, машину, последний айфон. Кто-то сочувствовал

и подбадривал – мол держись там, друг, выкрутишься, – а кто-то и откровенно смеялся:

– Ахаха, ну насмешил, ну насмешил! Кота под арест? Аха-ха! А что его, как это там, в этих, как их... налапниках вывели, да? Передачи теперь таскать будешь? Аха-ха! Ну суши мышей, Вадимка! Если что, обращайся, мышеловку могу подкинуть.

Поначалу Вадим терпел такое, отшучивался, потом просто стал сбрасывать звонки. До кого не мог дозвониться – летел через полгорода: достал из-под капота, перемазанного в пыли и масле одноклассника, даже прорвался сквозь рычащую очередь к соседке по даче. Она подрабатывала на пенсии терапевтом.

– Ты что, Вадька, ошалел?! Откуда у меня такие деньги? – Потом задумалась. – Подожди минутку. – Скрылась обратно в кабинете, а вернулась уже с двумя сотками. – Вот. Это не две тысячи, но и капля камень точит.

Вадим едва удержался, чтобы не расцеловать её – больше всего он боялся, что не успеет набрать нужную сумму и Ваську выставят на торги, а тут... Теперь Вадим не припечатывал тысячной просьбой, а просил занять, кто сколько может. К вечеру, правда, набралось немного, чуть больше семисот рублей, но это было хоть сколько, и открывало осязаемой надеждой.

Уставший, взмокший от пота, он вернулся домой лишь к ночи. В прихожей стояли женские сандалии, на кухне горел свет, и доносился запах жареной картошки.

– Надя? А ты что тут?

– Не обольщайся Марков, не ради тебя. – Энергичным движением она вскрывала банку огурцов на столе. – Мама позвонила, сказала – Ваську у тебя забрали. Вот пришла узнать, как дела.

С Надей, его первой женой, они расстались уже давно, да и брак был скоротечным. Бурно встречались, бурно жили и бурно расстались. Как он за ней ухаживал! Она училась на медсестру, а он часами стоял под окнами училища и ждал её с букетом цветов или её любимым белым шоколадом, – так что все девчонки из группы сходили с ума – «ах, Надька, зараза, какой парень!». Свадьбу сыграли пышную, красивую, едва-едва дождавшись выпускного, а через полгода разбежались с боем посуды, криками и ненавистью – такой, что даже встречаясь на улице, спешили перейти на другую сторону, лишь бы не дышать одним воздухом. И вот она хозяйничает на его кухне, словно всё это был сном.

– Подожди, а как ты зашла? – он растерянно сел на табуретку и смотрел, как она загоревшей рукой с накрашенными розовыми лаком ногтями наливает воду в чайник.

– Да соседка тётъ Галя дала ключ, меня тут каждая собака знает, полгороду заднее место исколола.

Она стояла у окна у плиты, а он сидел и смотрел, как она изменилась: вытянулась, но слегка раздобрела, огрубела немного. Некогда миленькое,

гладкое, как у куклы, лицо, округлилось, небольшие морщинки паутинкой разлетелись возле глаз, и смотрела Надя так неопределённо, и в то же время, так щемяще, что у него ёкнуло под сердцем. Что она делает тут? Зачем? Почему?

Он достал из банки огурец, хрустел и смотрел, как она снизу-вверх мешает картошку, и всё искал внутри себя те потоки ненависти, которая еще несколько лет назад корёжила от звука её имени. Но поднимались из глубин только те трогательные вечера, когда они гуляли под руку у реки, смеялись в полупьяной компании на скамейке в парке, и как целовал её под мостом, а Надя то отталкивала его, то прижимала к себе – где эти дни теперь?

– Ты тут полгорода поднял на уши со своим Васькой! – Она гремела тарелками в навесном шкафчике, потом достала пару штук, поставила на стол, и вдруг посмотрела на Вадима пристально. – Что же ты, гад, так за мной тот раз не бежал, как за кошаком своим?

– Зачем ты так, а? – Он потупил взгляд, схватился было рукой за голову, потом бессильно опустил её на стол. – Васька... Васька... – это... другое...

– Другое... – передразнила его, – эх ты, дурак. Родился дураком, а помрёшь дебилом.

Она помолчала немного и вышла из кухни.

В коридоре защёлкала сумка, зашуршало, хлопнула входная дверь. «Вот и всё» – пронеслось в голове, и Вадиму стало грустно вдвойне, будто

сейчас уходил вместе с ней и кусочек его прошлой жизни, но теперь уже окончательно.

На плите засвистел чайник, злился, сердился, захлёбывался и плевался кипятком. А Вадим сидел и смотрел, как муха чёрной точкой лениво ползёт по стене, и завидовал её простой мушиной жизни, где нет ни кредитов, ни сложной любви, ничего человеческого – такого тёплого и такого болезненного.

Потом вдруг соскочил, выключил чайник, вышел в коридор и замер: перед небольшим прямоугольным зеркалом в деревянной раме на полочке аккуратно лежали две банкноты по тысяче.

Ночью Вадим не спал.

Лежал на кровати, смотрел в потолок и думал о Наде, об остывшей картошке на кухне, о Ваське. Луна мирно заливала двор и тени от деревьев покачивались, вытягивались, сжимались, извивались причудливыми фигурами. Временами по комнате пробегала полоса света – по двору проплывали, поуркивая, машины, – кто-то хлопал дверьми, громко смеялись, переговаривались, потом в подъезде по лестнице зацокали женские каблочки – и опять всё замолкало, и только тени подрёмывали на потолке. А он лежал и слушал, как старый будильник, потикивая, отсчитывает минуты одну за другой, и с каждым рывком минутной стрелки утро всё ближе и ближе. Вадим прикрывал глаза и представлял, как обрадуется кот, когда он заберёт его из-под ареста, и как они

вместе с ним пойдут на работу к Наде, а весной распашут огород на даче и посадят картошку, и может, тогда вновь на кухне будет стоять она и стучать по краю сковородки ложкой, а он с Васькой на коленях любоваться, как солнечный зайчик играет на её загорелых руках.

УТКА

Пётр нашел утку – дохлую, со свёрнутой шеей.

Утка была его – жирная, ладная первогодка с чёрным пятном на крыле. Пётр думал оставить её к Новому году, чтобы поднабрала ещё жирка и потом, замаринованная с апельсинами, чёрным перцем и розмарином, с ароматной хрустящей корочкой, порадовала всех за столом. Но теперь придётся резать другую. Если к декабрю останутся утки...

На дворе стоял ещё сентябрь, и птица всю набирала вес. Каждый день Пётр выпускал её гулять на пустырь за двором. Пустырь небольшой, наполовину заросший травой, но с огромной ямой, заполненной водой, – почти прудом с топкими, из чёрной грязи, берегами, с подёрнутой зелёной ряской гладью. Никаким зерном, никакими добавками так не откормишь птицу, как она добрела на такой воде: грязной, мутной, но кишасцей червями, мошками, личинками, водорослями, исторгающей на поверхность жизнь из затхлого нутра – с заиленного липкого дна.

Что-то мистически-притягательное было в том, как птица кидалась к воде, шлёпая по грязи и барахтая крыльями. Странное томление в груди словно вспыхивало искрами, когда одна,

вторая, третья – утки с разбегу бросались в пруд и плыли, плыли к середине, подныривая под неопрятную гладь, вспарывая воду забрызганной зелёной ряской головами. И Чернокрылая, чьё тельце остывало сейчас у ног Петра, ещё вчера казалась самой резвой, самой красивой – так играло солнце на её спинке, и черное пятно на крыле маяком призывно бросалось в глаза среди кипящей утками воды...

Пётр поднял тушку с земли и повертел. Ни капли крови, ни выдранного пера – ничего... Это явно человек: свернул шею и подкинул поближе ко двору, чтобы хозяева наткнулись при выходе.

– Может, всё же собака? – спросила жена.

Она подошла незаметно и теперь нависала над калиткой крепко сбитым туловом: грубоватая, словно вытесанная наспех заготовка, с мощной грудью и огромными мужицкими ладонями сильной, удушающей хватки, способными раскалывать орехи лёгким нажатием пальцев. И говорила она под стать: густо, неповоротливо, взвешивая слова на невидимых весах. Казалось, ещё чуть-чуть – и услышишь, как скрипят тугие шестерёнки и позвякивают гирьки у неё в голове.

– Вряд ли. Собака бы горло перегрызла, обожрала... а тут, сама смотри, ни единой царапины.

– Сосед, падла! – выругалась жена и тяжёлой, покачивающейся походкой побрела к дому.

Потом резко вернулась и вырвала утку из рук Петра:

– Собакам сварю – чёй-то добру пропадать!

И он не стал спорить и противиться, хоть и горело желание дохлой тушкой начистить соседскую харю до треска лоснящихся, покрытых жирными угрями щёк. Да стреноживало сомнение: а вдруг не сосед, вдруг кто другой? Или сосед не крестьянин – неужто не жалко такую птицу губить?!

С соседом шла давняя война, непонятная, дикая. И началась она так незаметно, по-тихому, что, пожалуй, и не вспомнить сейчас, из-за чего разгорелся уголек раздора. Может, ненависть вспыхнула тогда, когда сосед резко пошёл в гору, прикупил машину, вторую, третью... Вон во дворе и трактор – синий, слегка побитый жизнью «белорус» – с прошлой недели красуется. И каждый вечер, горделиво забирая подбородком чуть ли не до неба, сосед «выгуливает» его: прямыми, как деревянными, руками держит руль, меж губ чуть прижата сигарета, кепка заломлена набок, – медленно проезжает по улице в один конец, потом оборачивается и замирает у своего двора. Долго ещё Петру, даже за плотно закрытыми окнами, слышится утробное тарыхтение «белоруса», долго... до самой ночи.

И ходит-то теперь сосед степенно, и здороваются с односельчанами через раз, будто привет-

ственное слово гвоздями к языку приколочено да гвоздодёр дома позабыт. А был-то... был-то...

Кем он был-то?

Появился здесь однажды со скудными, заносенными вещами, что уместились на половине тракторной тележки, с забитой мужниной рукой жёнушкой, иссохшей, с резко выдающимися скулами. И всё шастал по деревне, сутулясь и поглядывая, как собачонка, не перепадёт ли чего, а чёрные глаза углями-антрацитами вспыхивали-отсвечивали на каждую ладную бабёнку на улице. Может, и Петрову жену обмазал этим сажным взглядом не раз. Пётр, думая об этом, чувствовал странное покалывание, обиду и на соседа, и на свою Галю – нескладную, но и притягательную огрубевшим, оплывшим от непосильной деревенской работы телом, источающим первобытный жар русской печи.

Сгонял уток с пруда, и всё лезли в голову дурные мысли. Где сосед теперь? Что делает? Может, стоял и смотрел, как Пётр вздыхал над убитой уткой? Подкинул – и радуется! Нагадил – и доволен! И смеётся, пересчитывает оставшуюся птицу, намечает новую жертву...

Утки шли неохотно, громко бранились, кивали головами. Утак шипел и топорищил перо на шее, поршнем гуляла глотка от недовольного то ли рыка, то ли крика. И чудился Петру в этом утином протесте упрёк: мол, не уберёг Чернокрылую, такой ты беспутный хозяин, что и за птицей доглядеть не можешь. И косился утак при этом

чёрной бусиной глаза, и боком обходил человека, тревожно и зло поддёргивая крыльями. А Пётр в ответ с виноватым прищуром помахивал прутом, покрикивал по-доброму: мол, давай, не робей, веселей, вон хозяйка и мешанку уже рассыпает, картох намяла с пареной кукурузой, давай!

И тянулась-втягивалась во двор через широкую калитку утиная стая, покачиваясь лодками, по измятой земле. Ими измятой, их широкими лапами-лопатами. Ими... и Чернокрылой.

Крепко засела она в голове, уцепилась, угнездилась под твердым черепом – свербит, не даёт покоя. Вчера вот только и была, что утка с чёрным пятном, а теперь стоит перед глазами мученицей с собственным именем, символом межсоседской войны. Всё-таки какие порой смерть шутики выкидывает! Выцепит из потока жизни ничто, пустую душу, и словно на сцену бросит, высветит как прожектором: мол, смотрите и любуйтесь, цените и горюйте, расплачивайтесь своим покоем и благодушием...

Жена клушкой суетилась по двору – то подливала воды в корыто, то подсыпала мешанку – и всё считала вымазанным в кукурузно-картофельной гуще пальцем птицу: одна, вторая, третья, белая, пёстрая, утак, утка... Посматривала на мужа зорко, цепко, недовольно хмурилась, что не спешит закрывать калитку. А Пётр стоял и глядел на пустырь, достал сигаретную пачку из кармана и долго крутил в руках, приноравливался, выби-

рал, а выбрав, затягивался жадно – и в холодных сумерках болезненным пятнышком вспыхивала и тут же гасла сигарета. Обжигался терпким, горьковатым дымом и думал, что вот он стоит и курит, и алое пятно сигареты, быть может, видно у самой фермы, от которой разносится лёгкий, подрагивающий в осеннем воздухе гул дойки. Может, даже соседская баба, доярка, сейчас гремит флягами со створожившимся ободком вчерашнего удоя у края и поглядывает в его сторону. Видно ли ей оттуда, как он затягивается – зло, нервно, будто выкуривает Чернокрылую из головы?

Так же нервно Пётр курил на каждую соседову обиду: и на сплошной высокий забор, отбрасывающий по утрам тень на Петров огород, и на крутую крышу гаража, стряхивающую снег и дождевую каплю к Петру во двор.

Курил, а потом шёл и дрался с соседом: заезжал в челюсть сразу, с порога, без долгих разговоров. В такие минуты Галя стояла на крыльце, с замиранием сердца вслушивалась в звенящий из-за забора мат, вздрагивала от визга соседки и гадала на тугие удары – кто кого. А потом не выдерживала – бежала и огромными ручищами разнимала мужиков, и сама материлась как заправский матрос. Сосед при виде грозной Гали прятал глаза и уползал в полутёмное нутро дома, выглядывал в окно и щерился желтоватыми зубами; его жена грозилась участковым и звала

всех вокруг в свидетели. А Галя тащила мужа по пыльной улице домой, и из окон смотрели им вслед любопытные взоры – значит, завтра побегит ураганным ветром сплетня от дома к дому, от магазина до почты, от автобусной остановки до фермы, и будут все гадать и рядить, посадят в этот раз Петра или погуляет ещё малость...

Но Галю эти разговоры не волновали; она рассуждала просто, буднично и сейчас больше думала, как выгоднее сварить псу похлёбки, чем о дохлой утке и соседе. Загнала птиц в сарай и сидела на скамейке, в центре огромной кляксы света от крылечной лампы, бодро огромными пальцами щипала ошпаренную кипятком Чернокрылую, и подёрнутое кремовым жирком утиное тельце бросалось в глаза болезненным пятном.

Пётр зло сплюнул тлеющий окурок под ноги, припечатал подошвой, замер у калитки.

– Ну что ты там? Долго еще будешь глаза мозолить? – донёлся голос Гали.

Она разогнулась. Утиная тушка безвольно свисала с руки.

И Пётр хотел было закрыть калитку, но тут из сгущающейся темноты вынырнул силуэт и поплыл мимо, и в тусклом, едва достигающем калитки свете лампы чёрным вспыхнули глаза соседа.

– Чё, соседушка, понравился мой подарок? – он увидел Галю и замер, и смотрел мимо Петра на пятно света у крыльца и на тушку Чернокрылой, близоруко щурил глаза.

И Пётр понял, что тот его не видит, стоящего в тени, привлечённый электрическим мерцанием с крыльца. Понял и замер, не зная, как быть, только смотрел, как лыбится сосед, и вслушивался: что там жена, молчит? Молчит. Правильно делает, лишь бы не паялилась в ответ на этого скота!

Пётр неуклюже повернулся посмотреть на неё, и треснул под ногами брошенный прут. Сосед вздрогнул и, наконец, выхватил глазами Петра – и даже падающая на лицо ночь не могла скрыть, как побледнели соседовы щёки и задрожал подбородок. Так и понёсся прочь гулкий топот ног, стукнула калитка рядом, и загремел цепью, заскулил соседский пёс.

– А, зараза! – выругался Пётр. И долго ещё топтался по двору, всё проверяя, надёжно ли прикрыты сараи да не покосился ли забор.

И за ужином, и ночью всё стоял в голове этот соседский топот и тошнило от запаха разваренной собачей похлёбки, томящейся на плите.

Кем он был-то – сосед? Гольтьбой, залётной вороной, перекаати-полем, избороздившим пол-области, и нигде подолгу не задерживался, – мужичонкой с бегающими глазками, что вечно, казалось, выпрашивали подачки.

А кем был Пётр? Коренным, крепким хозяином, вросшим глубоко в здешнюю землю; и нёс-то он по этой земле свою голову прямо и высоко – каждый день пять раз от дома на телятник

и от телятника на ферму, – и кланялись ему в ножки мужики да бабы: как-никак заведующий! Над всеми коровами, быками да тёлками начальник, над кормами да бидонами-флягами с кремовым молоком и бледным, как мел, обратом, что возвращался с молокозавода, – распорядитель. И сам сосед не околачивался ли у Петрова крыльца, разводя пьяные сопли, упрашивая вернуть его скотником на телятник?!

А теперь... Эх, нет теперь ни телятника, ни бычатника, и от самой фермы остался один огрызок, да и тот чужой: не сгинувшего колхоза, а так, непонятно чей, заезжего фермера из соседней деревни...

И сосед уже давно в ноги не кланяется, по деревне не побирается, а всё словно мстит за тот пьяный поклон у крыльца, норовит укусьить, принизить, не заметить. Поднялся на далёкой вахте, отъел пузо, захрустел банкнотами в кармане. И всё ему мало, всё не налопается: и жену вон к доживающей свой век ферме приставил, и трактор прикупил – наверняка, чтобы шабашить, вспашкой да боронованием зарабатывать. Жди теперь с замиранием, что с новой вахты привезёт, учудит...

До уток вот добрался. Передушит, гад, одну за другой или, чего доброго, подкинет отравленного зерна – и прощай полторы сотни голов! Даже на псовую похлебку не сгодятся. Да и тушёнку не из собаки же делать, не собакой же на рынке торговать.

И ворочали шальные мысли Петра с боку на бок, сбивалась простынь, жалобно, натужно поскрипывала кровать, и громким всхрапом отзывалась жена на соседней половине.

Запереть бы птицу во дворе, закрыть от стороннего взгляда, не выгонять на пустырь – так ведь и тут достанет, через забор подсыплет. А утка – птица тупая, прожорливая, клювом работает, как молотилкой: сначала проглотит, потом думает. Знает сосед: Петру не до вахт, пенсия да птица – вот и весь заработок. Пожелал отомстить за обидные побои, за давнишнее нытье у крыльца... Ни забор, ни гараж его и десятка Петровых уток не стоят!

Как толчком подняло с кровати, потянуло на улицу. И не помнил даже, как нацепил штаны да рубаху, как в спешке, путая ноги, обувал сапоги, как бежал по двору да, таясь от луны, вдоль забора пробирался к соседу.

Очнулся только у трактора, прилип ладонью к ещё теплому мотору – и в удивлении замер: что я тут делаю, зачем, почему в руке канистра с бензином?

За спиной заворчал, загремело цепью: никак соседова собака волнуется, чует неладное, злое. Замирает Пётр, втягивает голову в плечи, жмётся к большому пыльному колесу, задерживает дыхание, словно на реке под воду ныряет, как в детстве за раковинами. И успокаивается пёс, дремотно ворчит, снова гремит цепью и замолкает...

«Тупая скотина, – забавляет Петра мысль. – С таким-то сторожем и врага не надо!»

Смело, твёрдой рукой открывает он канистру и плещет бензином на колеса, на кабину... В нос ударяет нефтяным дурманом, но приятно вдыхать этот резкий и сладковатый запах мести. И тянется уже рука к коробку со спичками, чиркает – вспыхивает огонёк и то сжимается, то разгорается под вздохами ночного ветерка. Завороживая, играет в глазах, шепчет на ухо: не робей, поспешай, он тебя уткой, да и ты не плошай – пусть знает, как задевать Петра Мордасова!

И в этом отсвете, в дуновении ветра вдруг чуется давнее, забытое, затаённое глубоко-глубоко, что и не вспоминается ясно, а лёгким маревом дрожит перед глазами: как в детстве он стоит у окна и следит за большим огненным бутонном, что расцветает над дедовым сараем, и как бабка взмахивает руками и опускает, взмахивает и опускает, и всё причитает: «Ироды! Спалили, ироды!..»

На его дворе стукнула дверь, выпустила на волю заспанную Галю. Петру даже отсюда хорошо было видно, как она застыла, подслеповато высматривая мужа, и расплывшаяся тень её легла на перила крыльца. Как же похожа она на бабку сейчас! Как же похожа!

Нахлынуло то позабытое чувство утраты и горечи, когда наутро он бродил по чёрному пепелищу и настырный пепел лип к подошвам и щекам,

а дед сидел рядом на чурбаке и смахивал скупую слезу: сколько труда вложено, а прошла ночь – и унесла всё с собой...

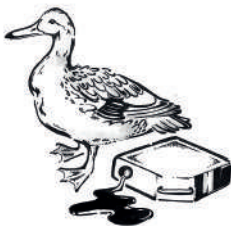
Вдруг и сосед будет сидеть и плакать вот так же, как и дед? Неужто за утку можно зараз перечеркнуть чей-то труд? И дальше-то – что?..

Догорела спичка, обожгла пальцы, но Пётр дотерпел боль, смолчал, только зло сунул коробок обратно в карман и неистово забарабанил канистрой по забору, по калитке, так что соседский пёс от ужаса взвыл, зашёлся лаем, захрипел. Загорелся свет в доме, грохнула дверь, прошлёпало гулко по двору — и угольный соседов взгляд завис перед Петром, и светились в нем и ярость, и страх, и отчаяние.

– На! Подавись! – сплюнул Пётр и швырнул наземь канистру, потом развернулся и на ватных ногах удалился к себе. Только у калитки на миг оглянулся.

Сосед бегал вокруг трактора и, как Петрова бабка когда-то, то вскидывал руки, то опускал.

Больше утки у Петра не пропадали.

УСТАНОВЩИК ОКОН

По мотивам реальных событий

В зале было жарко и душно. За несколько часов надышали так, что становилось дурно. Наконец, приоткрыли окно, и по залу лёгким сквозняком пронесло шум улицы: звали какого-то Васю, рычали машины у перекрёстка, повизгивали тормоза. Это мешало сосредоточиться, и так тихие слова судей глушились, но он вздохнул с облегчением, потому что ещё немного, и его вырвало бы от этого спёртого запаха тел вокруг, и хотелось только, чтобы побыстрее всё закончилось.

Их время прошло два часа назад, но лица перед тройкой судей сменялись, секретарь выкрикивала фамилии, кто-то громко орал про подкуп судей, а они всё сидели и сидели в ожидании своей очереди в огромном длинном зале, куда набились все, у кого «была апелляция». И когда, наконец, кто-то из судей заговорил скороговоркой о том, что слушается их дело, он даже не обрадовался, а злился, что так долго тараторят о какой-то никому не нужной ерунде. Прошли вперед, и он вдруг занервничал.

Вначале выступала девочка-юрист со стороны апелланта, и говорила она так складно и так убедительно, что его страх только усилился, её несколько раз о чем-то спросили, она ответила,

и судьи, похоже, остались довольны ответом, так что Олег приуныл окончательно.

Его адвокат – в наглаженном глянцевого костюме, со слегка потрёпанным лицом в круглых очках – хлопнул Олега по плечу, мол, ничего, прорвемся, держись. Одна из судей засмеялась слегка, то ли её позабавил этот жест, то ли стало смешно, что такой взрослый мужчина, как Олег, боится суда.

– У вас есть ровно одна минута, вы уложитеесь? – спросила она, обращаясь к адвокату, и поправила спадающую на глаза чёлку.

– Уважаемый суд, мне надо минимум минут пять, – адвокат достал из папки заготовленные листы с речью и помахал ими.

Другая судья – с короткой мальчиковой стрижкой – оторвалась от пролистывания дела и раздражённо посмотрела на них, потом наклонилась к коллеге, и они о чём-то шептались секунд десять.

– У вас ровно одна минута и не больше. Не задерживайте суд.

Олег испуганно посмотрел на адвоката, лицо которого покрылась красными пятнами.

– Это препятствие правосудию. Я заявляю отвод составу суда! – вдруг рявкнул тот.

Третья судья, до этого безучастно смотревшая в зал, вздрогнула и едва не подскочила с места. Олег понял: произошло нечто страшное, так побледнела и сжала губы судья с чёлкой.

– Вы задерживаете суд, адвокат. Вы будете говорить по существу? – раздражённо спросила

она после небольшого замешательства, и в воздухе повисло томительное напряжение.

Олег присел на скамейку, ему стало не по себе в этом набитом людьми бездушном зале, и от голоса судьи перед глазами замелькал свет пятнами, и правую половину головы стянуло обручем, так что всё поплыло, голоса растягивались, и он с трудом понимал, что происходит.

Накануне он встретился с матерью на лестнице. Ждал этой встречи и боялся, и не знал, как поступить. Она поднималась, тяжело опираясь на перила, как всегда, при параде, напояженная, с искусственным румянцем на щеках, и завитыми химией кудрями. Он спускался покурить, чтобы как-то убить время до начала заседания. Губы её слегка задрожали при виде его, и она, казалось, хотела что-то сказать, но он отвернулся и побыстрее сбежал вниз. Говорить и объяснять ему не хотелось. Как быть с тем, что произошло, хорошо это или плохо, Олег не знал, как и не знал, когда черта отчуждения на самом деле пробежала между ними.

Курить расхотелось, но он все равно достал из пачки сигарету, и долго затягивался сладковатым дымом. Всё началось как-то незаметно. Она часто звонила ему на работу, когда надо было забежать в аптеку или в магазин по-быстрому, позвонила и тогда, после обеда, просила подкупить таблетки от кашля. Погода была мерзкая, моросил дождь,

небо тяжело нависало над домами, и ехать через полгорода не хотелось, но Олег не посмел отказать.

Она не встретила его, сидела в зале на диване, перед телевизором, смотрела какую-то передачу и вязала красный с синим носок.

– Ты заболела, мама? – он прошёл на кухню и достал из сумки покупки: упаковку с лекарством, пару бутылок кефира, палку колбасы и пачкупельменей, потом зашёл в зал и сел на край кресла. – Я тебе подкупил тут от кашля и немного продуктов.

– На улице сыро, – сказала она, не отрываясь от вязания, и он понял – с ней всё в порядке, и он промотался впустую, а на работе «горит» проект, и с утра опять орал и грозился уволить всех к чертям собачим начальник.

– Мама, что ты сидишь тут одна? У Зинки давно пустует дача. Там воздух, соседи.

– Это тебе Зинка сказала? – мать оторвалась от вязания и пристально посмотрела на него поверх очков.

– Причем здесь Зинка? У тебя всегда Зинка виновата.

– Вот пусть Зинка на этой старой развалине и живёт. А мне и тут прекрасно, – и она энергично застучала спицами. – Двадцать два, двадцать три, двадцать четыре...

Разговор продолжать было бессмысленно.

– Ну, я пошел, а то темно будет.

– Угу... тридцать четыре, тридцать пять...

С минуту Олег постоял в коридоре. Над зеркалом обои покорёжились и стали отходить от стен, синие розочки на них уже стали блекнуть, и судя по всему, давно пора было делать ремонт. Потом, уже дома, он рассказывал своей жене Зине об этом с непонятым раздражением, досадой.

– Ты с ней про дачу говорил? – спросила она в ответ.

– Говорил.

– И как?

Олег неопределенно пожал плечами, и жена хмыкнула.

– Понятно. Сидит, как сыч, в квартире – ни себе, ни людям.

Мать жила одна в трёхкомнатной квартире почти в центре города, в то время как они снимали небольшую «двушку» на окраине. У жены за городом осталась в наследство небольшая дача, и Зина давно предлагала матери переехать туда, а самим поселиться в квартире. Дача была недурна, располагалась в десяти минутах от электрички, и, казалось, чудеснее места провести старость и нельзя придумать. Сам Олег мечтал о такой пенсии, когда не надо бегать по утрам на работу, а можно сидеть на веранде и смотреть, как над сосновым бором догорает закат.

Каждый раз, когда он возвращался от матери, жена заводила разговор о даче и пилила его, что он просто сам ничего не хочет и не может даже элементарного добиться для своей семьи. Но в тот вечер разговор об этом как-то быстро

утих, они рано легли спать. Игорь, их сын, ночевал у друзей за городом, и семейный ужин был скомканным и неприятным. Олег лежал на кровати, прикрыв глаза, и думал о работе, в голову лезли какие-то графики, диаграммы, иногда проваливался в полудрёму, но тут же просыпался, как от толчка, и это пробуждение будоражило ещё сильнее и мешало заснуть.

– Ты не спишь? – вдруг спросила Зина. Она перевернулась на спину и посмотрела на него.

– Нет.

– У нас на работе у Лидки соседка в кредит вяпалась, представляешь?

Олег промолчал, в голову лезли то работа, то мать с её вязанием, и забивать ещё голову Лидкой и какой-то её соседкой не хотелось. Но жену его молчание не останавливало, она работала в бухгалтерии, куда как пылесосом затягивало все сплетни, похоже, со всего микро-района. И потом, уже дома, как из пылесборника, вываливала ему на голову всякую дребедень про то, как муж какой-нибудь Машки нажрался до поросячьего визга и гонял всю семью до утра, или какую сумочку купила себе Надька со склада. Олег повернулся на бок и вполуха слушал, как к Лидкиной соседке пришли какие-то молодые парни – «установщики окон», как отвезли её в банк, где она подписала бумаги на бешенный кредит, и что теперь Лидка таскает соседке картошку с дачи, потому что та сидит впроголодь.

– Олег, ты слушаешь? – Зина ткнула его в спину. – Как бы наша мать чего не учудила, слышь?

– Да что она может учудить? Спи, давай, твоя Лидка дура и соседка её тоже.

– Нет, ты послушай. Ты, вообще, кроме своей работы чем-нибудь интересуешься? Телевизор хотя бы посмотрел, – сейчас это запросто. У старых мозги уже набекрень. На дачу её надо, на дачу, а то квартиру профукает. Вот помяни моё слово – профукает!

Олег молчал, продолжать разговор ему не хотелось, жена ещё долго не могла успокоиться, и всё трещала про истории из телевизора и соседку Лидки, отчего разболелась голова, и он ушёл курить на балкон.

Но на утро, когда Олег почему-то рассказал эту историю на работе, все заволновались и долго говорили про мошенников, и что с возрастом мозг совсем усыхает, и не зря говорят, что стар – что мал.

– А я вообще паспорта у своих забрал, – выдал Паша из соседнего отдела (он пришел за ручкой и так и завис у них). – Если мошенники нагрянут, хотя бы оформить ничего не смогут.

Вечером Олег снова разговаривал с матерью про дачу, настойчиво раз за разом повторял, как там прекрасно и какой свежий воздух, что ей в её восемьдесят – самое то жить рядом с сосновым бором. Расписывал, как они будут приезжать к ней по субботам и как мило будет пить чай на веранде всей семьёй.

– Что, Зинка никак не дожждётся, когда будет хозяйкой в моей квартире? – губы матери нервно подрагивали.

– Да при чём здесь Зинка-то! Ты пойми, Игорь – здоровый парень уже, а у него даже комнаты толком нет своей. Куда ему девушек приглашать?

Мать зыркнула и промолчала, а на утро вдруг позвонила и сказала, что оформит завещание на Игоря – «лишь бы Зинке квартира не досталась». Олег вздохнул с облегчением, завещание почему-то показалось ему тогда решением всех проблем. Последний разговор с матерью так измотал его, уже не хотелось ни дачи, ни переезда, а так получалось – многолетний спор закончен, и устанавливается ничья.

Документы на квартиру для завещания мать оформляла сама, несколько раз он возил её в регистрационную палату – в свидетельстве на право собственности обнаружилась какая-то ошибка, и они всё переоформляли, «чтобы потом у Игоря не было проблем с наследством». Но, когда свидетельство получали, матери вдруг стало плохо, даже вызывали скорую, и пока её ждали, мать всё звала давно умершего отца. Врач сказал: так повлияло переутомление, и лучше бы ей поберечься и не заниматься всякой бюрократией некоторое время.

Лидкина соседка вспомнилась опять через пару недель. Оказалось, она подписала ещё какие-то бумаги, и теперь квартира и не её вовсе, а принадлежит непонятно кому, вроде бы вместе

с документами на кредит, подсунули и купчую. И на этот раз новость взволновала Олега. Он никак не мог выкинуть из головы, как держал мать за руку, а она посиневшими губами слабо звала отца. Он боялся, всё ли у матери в порядке с головой, и как она поведёт себя, если в дверь позвонят «установщики окон». Поначалу Олег надеялся на завещание, которое может защитить квартиру от захвата, но потом узнал, что до смерти матери оно ровным счетом ничего не значит, легко отменяется и от продажи квартиры никак не защитит.

Отбирать паспорт, как Пашка с работы, Олег не хотел, да мать и не отдаст, выхода он не видел, и потому приуныл, окончательно лишившись сна. И тут после очередного Зинкиного рассказа про Лидкину соседку, которая теперь бегала по судам, до него вдруг дошло – а если самому стать «установщиком окон»? Как защитить от воров то, что плохо лежит и ненадёжно охраняется? Надо просто это забрать до их прихода – вот и всё! Он подсунет матери какую-нибудь «дарственную» или «купчую», и все будут довольны, а квартира цела.

Эта идея так окрылила его, что свой план он стал воплощать на следующий день. У знакомого юриста оформил все нужные документы и поехал к матери. Она всё ещё чувствовала себя неважно, лежала целыми днями на диване и то читала, то смотрела телевизор. Олег очень переживал, не будет ли мать читать документы, тогда его план

может провалиться, и потому не стал звонить ей заранее, а нагрянул неожиданно, в спешке, не раздеваясь, влетел в зал.

– Так, мама, у нотариуса окно появилось. Надо срочно подписать документы на завещание. Я уже тут собрал весь пакет, мне девочка-секретарь показала, где надо расписаться, – эту фразу он репетировал по дороге несколько раз, и сейчас она звучала у него ровно, без запинки, и всё же голос под конец слегка задрожал, так боялся провала.

– А разве мне не надо самой лично к нотариусу? – мать, кажется, сомневалась.

– Надо, но я просто сказал, что ты неважно себя чувствуешь, и разрешили по доверенности, – соврал он. – Ну, ты сама понимаешь, пришлось немного добавить.

Мать колебалась, потом стала искать очки «для чтения». «Блин, всё пропало,» – подумал Олег и поспешил подсунуть бумаги матери.

– Мама, скорее, я с работы отпросился на час, а мне ещё до нотариуса двадцать минут ехать, – затараторил он. – Я тебе так покажу, где расписаться надо. И мне ещё нужен будет твой паспорт.

Через десять минут, довольный, он уже шёл к машине с подписанными бумагами и её паспортом. Вечером позвонил и сказал, что всё оформил, и завещание осталось у нотариуса, мол, такие порядки, и чтобы она не волновалась, все расходы на квартиру теперь будет оплачивать он. Про подписанный на самом деле договор дарения

умолчал, в «регистрационной» оформил всё по-тихому, и Лидкина соседка и все эти пересуды про «установщиков окон» его больше не волновали – что там подпишет в случае чего мать, не имело значения.

Поначалу Олег опасался, как бы всё не вскрылось, старался пореже бывать у матери, отговаривался работой, плохим самочувствием. Ночами снилось разоблачение, как мать орёт и бьёт по лицу, просыпался в холодном поту и не мог долго заснуть. Но дни сменялись неделями, недели месяцами, мать ни о чем не догадывалась, и Олег успокоился, и даже смеялся над недавними страхами. Теперь его наполняло чувство гордости от сделанного, уверенности и решительности, словно он бросил дерзкий вызов в лицо судьбе и выдержал удар. И вновь, по-прежнему, привозил матери продукты и лекарства, и заводил разговор про дачу.

Как бы всё сложилось, теперь сложно судить, но летом произошло неожиданное.

Игорь всё реже ночевал дома, целыми днями где-то слонялся и отмалчивался на их вопросы. Потом Олег встретил его в городе с какой-то девушкой со слегка небрежной стрижкой красного цвета и кольцом в губе, и с той поры парень перестал таиться и даже приводил её к ним домой, когда все были на работе. Зине девушка не нравилась, она обзывала её за глаза крашенной потаскухой, и даже попыталась поговорить об этом с Игорем, но сын устроил скандал,

хлопнул дверью и неделю ночевал непонятно где, после чего Зина смирилась и уже не заводила разговоров с ним, лишь бы сын вернулся домой, и терпела, когда Крашенная оставалась иногда ночевать.

Девушка вела себя странно, Игорь тоже: глаза часто бегали и краснели, и он то раздражался и злился, как цепной пес, то становился ласковым и разговорчивым. Как-то вечером он ввалился в квартиру полупьяный, весь в крови, с разбитой губой и бровью. На вопросы молчал, огрызался, и всё твердил как ему все надоели.

– Ох, боюсь, как бы нам передачи не пришлось с этой потаскухой таскать, – рыдала тогда Зина.

На следующий вечер Игорь опять пришёл избитый, и на следующий, так что Олег схватил его за грудки и потребовал ответа. Выяснилось, что Крашенная бросила его, и новый её парень с друзьями «отповаживают» Игоря, грозятся прирезать, если ещё увидят «на районе».

Это так взволновало Зину, что она не выдержала и позвонила матери, и впервые за долгое время они проговорили почти час по телефону. Бабушка хотя и не ластилась особо к внуку, всё же его любила и потребовала, чтобы они немедленно съехали с квартиры и переехали к ней. Но Зина отказалась.

– Двум хозяйкам в одном доме не ужиться, – говорила Олегу. – Пусть переезжает на дачу, тогда и мы переедем.

Мать всё названивала то Олегу, то Зине и упорно звала к себе, беспокоясь за Игоря. Это раздражало невестку, и в один момент они с матерью поцапались. Зина упорно твердила про дачу, свекровь – отказывалась, и то ли от злости, то ли желая добавить своим словам силы, Зина и выпалила: зачем, мол, вы мамаша держитесь за свою квартиру, она давно уже принадлежит Олегу.

– Скажи спасибо, дура старая, держим ещё тебя там, а не выселили по суду!

На помощь матери из Читы прилетела племянница (и его двоюродная сестра) Лиза и долго пыталась его образумить. Сидела на кухне и корила Олега:

– Ну разве так можно? Что ж ты как-то не по человечески-то... ну отдай квартиру-то.

Олег колебался, не знал, как поступить, но после звонка матери, когда она его обозвала неблагодарной тварью и скотиной, заупрямился и не захотел уступать. Долго объяснял, что делал всё только ради её блага, что её никто не гонит из квартиры, и чтобы она меньше волновалась. Но слушать мать не желала.

И вот теперь судятся. Районный суд... апелляция.

Адвокат был не весел, сидел рядом и громко сопел. Мать куда-то вышла, и на её месте лежала папка с бумагами. Девушка-юрист, защищавшая её, похоже, торжествовала. Даже Олег понимал, что «отводом» адвокат только разозлил уставших

судей, и предсказать теперь результат сложно. Но решил – что бы ни случилось, это будет точкой, и бороться дальше за квартиру не станет: слишком напряжная трата денег и сил на то, что и так (если что) может скоро достаться по наследству.

С матерью Олег виделся теперь только в судебных коридорах. Лиза сменила замки, не пускала на порог, мать не отвечала на звонки. Несколько раз он подходил к матери в коридоре суда перед заседаниями, и пытался уговорить отозвать иск и жить мирно, – «ну тебя же никто никуда не выгоняет!», но она только отворачивалась и молчала. В конце концов это так разозлило, что в очередной раз сжал кулаки и выпалил в сердцах:

– Ну и оставайся одна, старая колоша, если такая гордая.

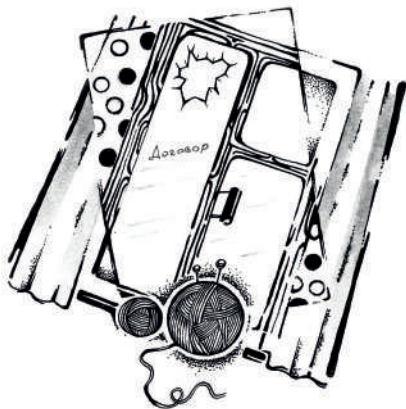
С той поры больше с ней не разговаривал, и при встрече отворачивался.

Первый суд, казалось, длился вечность, назначали экспертизу (насколько мать могла осознавать свои действия), вызывали свидетелей, судья долго что-то пытала его, мать, Зину и даже Лизу, и Олег приготовился расстаться с квартирой, но, когда судья зачитала резолютивную часть, мать схватилась за сердце и долго не могла встать со стула – квартира оставалась у Олега, ведь она сама подписала бумаги, не глядя. То ли он так всё прекрасно обставил, то ли адвокат так умело повёл процесс, но доказать, что мать заблуждалась о природе сделки, её юристы, увы (или к радости?), не смогли.

Из здания суда вышли уже поздним вечером. Адвокат, счастливый, нагнал его у последних ступенек крыльца.

– А, батенька, как вам? – снова хлопнул по плечу. – А вы всё переживали!

Когда Олег услышал эти замысловатые фигуры: «Решение ... суда оставить без изменений, апелляционную жалобу – без удовлетворения», то даже не испытал ни радости, ни уныния. Хотелось только спать. Они попрощались с адвокатом, и он остался стоять один у машины. Небо поблекло, редкие облака стайками тянулись над крышами. Олег стоял у машины и смотрел, как едва проступают первые звёзды на востоке, и на ум приходили выцветающие обои в квартире матери, и что давно уже пора сделать ремонт в её, вернее уже его, квартире.

ЖИЗНЬ – КОЛЕЯ

Это была катастрофа: карьеру, мечты, надежду – всё смыло в одночасье равнодушной судебной машиной.

Они вышли на крыльцо и остановились. Адвокату стало не удобно сразу покинуть клиента, а Вадим не знал, куда теперь идти. Мимо проносились люди, машины, откуда-то со стороны доносился рокот вертолёта, из-за серой громадины домов раскатистым воем ревела сирена, и всё это давило на уши и злило.

– Ну, что вы расстраииваетесь, Вадим Валерьевич?! Повесили нос, словно вам срок дали, – пытался подбодрить его адвокат, коснувшись плеча горячей, как уголёк, ладонью.

Вадим лишь с досады махнул.

– Легко говорить, – выдавил из себя. – Вы сейчас повернётесь и уйдёте, и у вас будет очередной клиент и очередная работа. А мне куда, а? Куда мне идти? Вы можете мне сказать это? – внутри так клокотало, что Вадим едва не перешёл на крик, только сжал до боли кулак, отчего костяшки пальцев побелели, а губы вытянулись в тонкую нитку.

– Ну-у-у с вашим опытом-то!

– И с испорченной репутацией, да? – оборвал его Вадим. – Зачем только я вам столько денег отвалил?!

– Ничего, это вы просто от нервов так говорите, – улыбнулся адвокат, обнажая слегка желтоватые зубы. – Немного успокойтесь, позвоните мне, может что и придумаем.

Вадим промолчал, и на прощание лишь кивнул. На адвоката обижаться было глупо, по крайней мере, казалось, он честно отработал свой гонорар, только, как говорили, не сложились звёзды (или что там обычно складывается в этом случае?). Винить себя в происшедшем тоже не хотелось, хотя и понимал, рано или поздно придётся ответить на извечный вопрос: кто виноват и что делать? И ответить честно, никого не жалея.

Каждый раз, в последние дни, как прикрывал глаза, из глубины памяти непроизвольно всплывали прошедшие события и выстраивались перед ним, словно всё это было секунду назад.

Что если бы он всё-таки подписал то соглашение, как бы всё обернулось тогда?

Соглашение, как уверял шеф, было пустяковое, «чисто формальное». У компании сменился владелец. Сменился спокойно, почти незаметно для рядовых сотрудников, и волнительно-ужасающе для шефа и его зама – Вадима. Они опасались, что с новым «барином» придут и новые «лакеи», и потому вздрагивали от каждого звонка или письма от «хозяина». И даже когда стало

понятно, что их оставляют работать, всё равно невольно Вадим ожидал подвоха. И получается – дождался. На аккуратно пустом столе, где стоял только монитор от компьютера и лежало несколько папок, листы соглашения казались ослепительно белыми.

Вадим пробежал его быстро глазами и расслабил галстук: так стало трудно дышать. На первый взгляд, не было ничего особенного: изменялось лишь несколько пунктов его трудового договора, но каких! По условиям старого договора при увольнении Вадиму полагалась компенсация в двенадцать окладов, но теперь она сокращалась до двух, и то при условии, что к его работе не будет нареканий. Да и сам оклад срезался на десять процентов.

– Подпиши, что ты кочевряжишься, как барышня какая-то! – поморщился шеф, когда Вадим отказался поставить подпись под соглашением.

– Это же грабительство, Василь Палыч! Я корячусь тут, корячусь, а они мне что?! – Вадим швырнул соглашение на стол.

В ответ шеф рассмеялся:

– Ну ты и мальчишка, Вадим! Смотрю на тебя и, думаю, как ты только стал моим замом. Рассуждения как у второклассника. Ты что, увольняться собрался? – тут Вадим напрягся, и директор, опережая его, повысил тон, – Не перебивай меня! Всё это пустая ерунда, трёп, сегодня так, завтра эдак. Подпиши соглашение и гуляй смело. А если

надумаешь увольняться, что-нибудь придумаем. Да и твою потерю в окладе смажем премиями. Не впервой...

– Ага, нашли дурака, если надумаю увольняться – останусь ни с чем. Всегда есть к чему придраться! И премии ваши тоже знаю, – упрямылся Вадим, и шеф махнул рукой, мол, делай как знаешь, только когда Вадим уже собрался уходить и был у двери, добавил:

– Подумай хорошенько, подумай, Вадим! Я пока тебя прикрою, но сам понимаешь, вечно подписание оттягивать нельзя.

Марина – девушка, с которой Вадим жил – тоже восстала против него. Она всегда занимала сторону начальства, по любому вопросу, даже если минуту назад высказывала совершенно иную точку зрения. Это называлось философией гибкости и мудрости. Много ли эта философия помогла самой Марине, Вадим не знал, но порой из её уст звучали весьма здравые вещи.

– Пойми, Старцев, есть горы, которые надо огигать, а не переть дуrom напролом! – заявила она за ужином в ресторане. – Ну что ты добьёшься своим демаршем? Что тебя выпрут? И куда ты пойдёшь?

– Мест что ли мало? – фыркнул Вадим. – С моим-то опытом меня оторвут с руками и ногами.

– Ну-ну, такими темпами рук не соберёшь, – вздохнула Марина и поспешила сменить разговор.

Она щебетала про туфли и платье, что при-
смотрела после работы в бутике, а онковы-
рял вилкой в салате и думал о соглашении. С
одной стороны, и шеф, и Марина были правы,
увольняться он не собирался, а когда соберётся
– неизвестно что будет ещё, может, к тому вре-
мени условия переменяться, или ему будет без-
различна вся эта возня с компенсациями. Да и
потерю оклада всегда можно найти как сгладить,
в конце концов, тридцать тысяч не такие уж
большие деньги, чтобы за них убиваться и сра-
жаться. С другой стороны, душила обида, что
для нового владельца, получается, он ничего не
значит. Дела у компании шли отлично, и вся эта
компенсация – незаметный чих для её бюджета,
– к чему такая мелочность с соглашениями?

Даже ночью он просыпался и думал об этом,
и по дороге на работу в пробке, и потом, уже
за столом в кабинете, мысли, как маятник, скло-
няли его решение то туда, то сюда: подписать –
не подписать. Рука тянулась к соглашению,
ручка щёлкала, выбрасывая стержень, и каждый
раз за мгновение до заветного росчерка, он зами-
рал и откладывал решение на потом. Ещё есть
время, говорил он себе, а значит, и место для
маневра. Кто ему мешает взять и уволиться
прямо сейчас? По старому договору компенсация
положена в любом случае, и пока он не подпи-
сал новое соглашение, прежние условия ещё дей-
ствуют. Вот ведь они тогда попляшут у него! Вот
ведь покрутятся, как уж на сковородке!

Но злорадство быстро сменялось тоской: без суда ему вряд ли отдадут компенсацию, а как повернёт суд, еще не известно, они ведь сделают всё возможное, натравят юристов, может, даже прессу. И всё же, на всякий случай, он несколько раз вбивал в поисковике запросы о вакансиях и подолгу пролистывал скудные предложения.

Потом Вадим закрывал браузер и сидел, уставившись в монитор. Работать совсем не хотелось. Постоянные звонки, треньканья электронной почты и мессенджера раздражали, несколько раз он нарычал на секретаршу, чтобы отстала от него, и даже на Марину. Она работала в департаменте маркетинга и готовилась к новой выставке, где их компания представляла новую продукцию, а потому советовалась с ним по каждой мелочи, словно он что-то мыслил во всей этой маркетинговой мишуре. Скорее всего, в его одобрении она стремилась получить лишь начальственное благословение и только, и это-то, так льстившее ещё вчера, сегодня лишь раздражало.

К вечеру Вадим решился позвонить новому владельцу напрямую и поговорить по душам. В конце концов, никому нельзя позволять видеть в себе лишь винтик, «лакея», с которым можно поступать как заблагорассудится. Но как только он протянул руку к мобильному, тот ожил переливчатой мелодией звонка, номер высвечивался какой-то странный, городской, отчего Вадим несколько мгновений никак не мог прийти в себя,

словно полез, как в детстве, в соседский сад воровать вишни и его застукали за этим постыдным занятием: вдруг это сам владелец почувствовал настрой Вадима и решил позвонить ему первый? Вот отчитает же он тогда Вадима-наглеца!

– Вадя, привет. Как дела? – раздался голос сестры, как всегда, устало-безразличный.

– Что-то у тебя номер какой-то странный? – рука с мобильным дрожала от напряжения.

– А-а это со скайпа звоню.

Несколько минут они болтали ни о чем: о погоде, последних сплетнях в соцсетях, потом голос сестры посерьёзней, слегка огрубел:

– Отец болен, – сказала она. – Со скорой говорят – сердце. Ты бы приехал, мы не знаем, что делать. Не можем уговорить его в больницу лечь.

Вадим замолчал: ехать – не ехать. Это соглашение, выставка, – как всё бросить? Но и дома он так долго не был, и как смотреть в глаза сестре, если что случится?

– Алё, Вадим? Ну что ты там пропал?

– Еду! Жди! – и нажал «отбой».

Мобильный шефа долго не отвечал, гудки сменялись автоответчиком с предложением оставить сообщение после сигнала, и Вадим сбрасывал звонок, – всё равно шеф не прослушивает их, да и говорить «вживую» спокойнее. За последний час он набирал номер начальника раз десять, и без толку.

«Дрыхнет, небось, до обеда, зараза. Надо было всё-таки вчера вечером ему звонить», – думал Вадим и злился, отчего ямы на дороге, казалось, становились ещё глубже. Полчаса назад он свернул с федеральной трассы и теперь тянулась узкая выщербленная, словно в ранах, дорога: ямы, колдобины, под колёсами щёлкал щебень («и кому только приходит в голову «латать» им дороги?!»), и всё чаще приходилось выезжать на обочину, чтобы хоть как-то обогнуть огромные, разлившиеся по ямам, лужи неведанной глубины.

В самый неподходящий момент зазвонил мобильник: номер шефа, и Вадим перевёл смартфон на громкую связь. Директор редко перезванивал сам – это отличный знак, значит, в хорошем настроении, и можно просить что угодно.

– Ну чё ты там устроил трезвон тут?! – шеф громко жевал, причмокивая, на заднем фоне лаяла собака.

– Василь Палыч, отец заболел, я отлучусь на пару дней, ага?

В трубке перестали жевать, послышалось сопение.

– Ты издеваешься, Вадим? У нас выставка через неделю!

– Выставкой всё равно Марина занимается, я ей только мешаю, – раз. Два – у меня отец заболел.

Директор молчал, только лай стал громче и ближе.

- Алло? Василь Палыч? Ну что скажете?
- Знаешь, Вадим, кого ты мне напоминаешь?
- А?

– Собаку мою, Дуську, мне на охоту идти – у неё течка. Вот и у тебя вечно проблемы. Достал! – в трубке громко отхлебнули, зажевали, засопели, – Ладно, гуляй! – и звонок оборвался.

Больше всего Вадим опасался, что шеф, как обычно, начнёт упрячиться и придётся возвращаться обратно, в Москву, а так, получается, он не прогадал. Ещё с вечера было предчувствие, уверенность, мол, всё выгорит, получится как надо, потому-то сразу после звонка сестры сорвался и поехал. И всё оттягивал звонок шефу до последнего, когда городские высотки сменились полями, перелесками, полузаросшими обочинами, когда повеяло слегка прелым грибным запахом дома, – тогда и решился позвонить, и ведь как удачно-то! Словно и правда родные просторы помогают.

Отец всегда отличался отменным здоровьем, Вадим не припомнит случая, чтобы он жаловался на самочувствие, даже когда грипповал, неизменно держался бодрячком, на таблетках, но держался и молчал. Не удивительно, что сестра с матерью не могут уговорить его лечь в больницу. Он в поликлинике-то бывал раз в год, и то ради формального медосмотра и после недельного рыка директора школы, где отец подрабатывал учителем. «Куда только смотрели на этом медосмотре?» – ворчал про себя Вадим. –

«Устроить им что ли скандал? Как можно было просмотреть большое сердце?!» Но потом спохватился: а ведь он не знает, работает ли ещё отец учителем или нет, он так давно не был дома, с того самого разговора с отцом у трактора, и с сестрой по телефону они никогда не затрагивали тему работы и жизни отца: «Как отец?» – «Нормально» – «Ну и ладно»... Кто бы мог подумать, что всё так обернётся?

Мимо замелькали длинные, стиснутые дорогой и домами огороды. Картошку давно выкопали, земля стояла развороченная, серо-маслянистая после прошедшего дождя, и островками рыжела пожухшая ботва. Вадим остановился и вышел из машины, под ногами заскрипел сырой песок, в нос ударил пряный запах усталой после лета земли. Вот этот, скособоченный клочок – участок Митрича. Этот, с побитыми заморозками чёрными плетями тыквы, – Лидки-самогонщицы, а вот этот, аккуратно распаханный, бросающийся в глаза чёрным квадратом, – их, или отцов (как вернее?). «Что будет со всем этим, если отец умрёт?» – внезапно пришло в голову. «Если что, всё оставляю матери и сестре. Заниматься этим не буду. Пусть делают, что пожелают». Но тут же мелькнула мысль о тракторе, и о дорожной земле – что, если всё это продать? Может получится выручить миллион или полтора? Если уговорить сестру и мать переехать к нему и всё продать, то миллиона полтора точно будет, наверное.

– Что – любишься? – раздался за спиной голос отца.

Вадим вздрогнул и едва не подскочил от неожиданности. У капота стоял отец в серой поношенной куртке с белой заплатой на рукаве, в руках нависали пушистые еловые лапы.

– Вот – козам нарвал. – пояснил отец. – Дашке скоро котиться, будь она неладна.

– Что-то поздно она, к зиме-то? – удивился Вадим.

– А-а, – махнул рукой отец, – первогодка.

Вадим кивнул, и повисло молчание, словно и не было долгой разлуки, а они просто, как обычно, после работы встали передохнуть.

Точно также, только у трактора, стояли и семь лет назад, когда Вадим сказал, что уезжает в Москву. Как же злился тогда отец: он только ударился в фермерство, и единственный сын, получается, предаёт, бросает и уезжает непонятно куда.

– Пойми, мне нужен свой дом, своя семья, – Вадима раздражала манера отца всё решать за других, и он доказывал ему свою правоту, энергично жестикулируя, повышая голос, злясь.

– Дом? Тебе нужен дом? – отец подскочил к распаханному огороду, схватил прелый, стремительно серевший на ветру кусок земли, и сунул его к лицу Вадима. – Вот! Вот это твой дом! Это твоя семья!

Потом бросил к ногам, развернулся и ушел, а Вадим ещё долго стоял и смотрел на разлетев-

шиеся по траве комочки земли. Кажется, они лежат здесь до сих пор, в примятой затоптанной траве на обочине.

– Ты пойми, мне надо было уехать, – внезапно сказал Вадим, словно они вернулись в те времена.

Отец молчал, только поудобнее перехватил ветки.

– Если бы я не уехал тогда, я остался бы никем, – продолжал Вадим.

– Ты гонишься за химерой, – ответил отец. – И всю жизнь будешь гоняться.

– Откуда ты знаешь о моей жизни? – начал кипятиться Вадим. – Что ты вообще обо мне знаешь?

– Откуда? – отец горько усмехнулся, и только сейчас Вадим заметил, как он сильно постарел, как сдал за эти годы, лицо ещё было почти гладким, с едва наметившимися морщинам, но слишком заостренным, симметричным, словно выточенным из серого камня, с прочерченным грубыми бороздами лбом и синеватыми губами, что казались кусочком изоленды в тусклом свете серого неба. – Я сам всю жизнь был таким же, Вадим, а ты – это я!

Вадим хотел было возразить, на языке вертелось нечто острое, ехидное, но отец уже не слушал, а ровным тяжелым шагом направился к дому, потом остановился, и не оборачиваясь, сказал:

– Завтрак, небось, уже стынет, поторопись!

Как это было удивительно, что он вернулся домой, а словно ничего и не изменилось: вроде и стало всё старше, темнее: сараи, что добротню жались друг к другу на заднем дворе, яблони в саду, дом, с позеленевшим местами шифером на крыше; и всё же во всём оставалось отогретое летним солнцем детство. И такая же мать, слегка улыбчивая и хлопотливая, и сестра, немного раздобревшая, но мило-смешливая, и отец, как обычно, суровый, молчаливый.

Они сидели за столом на веранде и долго разговаривали об урожае, о козах, о корове, о том, как тяжело стало держать хозяйство и какое дорогое зерно, как болят руки таскать сено, и что сестра вот-вот выйдет замуж за городского парня и тоже покинет дом, как и Вадим в своё время. Ещё более удивительным было то, что отец ни разу не упрекнул его за «побег» в Москву, но каждый раз, когда они пересекались взглядами, лёгкие отголоски боли вспыхивали в его зеленоватых, ещё по-молодому ярких глазах.

– Ты многого добился, сын, – сказал ему отец на прощание, когда через два дня провожал его за железными с фигурными вставками воротами. – Я горжусь тобой, пусть ты и бросил, и забыл нас, но горжусь.

И Вадим расплылся тогда в улыбке, и обнял отца, а потом долго ещё не мог успокоиться, почти до самой столицы ехал и прокручивал в голове это «горжусь»...«добился». И даже утром,

по дороге на работу, снова и снова вспоминал слова отца у ворот. Было это удивительным открытием для него: семь лет назад, кажется, оторвался от дома, от семьи, – а всё, получается, незримая связь оставалась, жаждал этого вот одобрения, а потому никак не мог напиться скуными отцовыми словами.

А ещё сестра в первый вечер, после посиделок на веранде, сказала: «Слышь, Вадька, еловые ветки-то у нас припасены были, это он тебя встречать ходил». Получается, отец простил его?

Соглашение Вадим так и не подписал, сказал – слишком мало времени прошло, и он не успел решить, как поступать. Он думал: шеф опять будет уговаривать, давать отсрочку, но директор лишь пожал плечами:

– Как знаешь, Вадим! Как знаешь! – и больше к этому вопросу они не возвращались.

Вадим ожидал, конечно, наказания за своё поведение. Прежний владелец любил иногда вызывать к себе и устроить разнос провинившемуся, на его взгляд, Вадиму или директору. Но случилось то, чего Вадим никак не ожидал.

На следующий день после выставки, когда Вадим приехал в офис, электронный пропуск не сработал, и огонёк на замке двери упорно мигал красным.

Он постучал в дверь. Сквозь стекло было видно, как охранник при виде его колеблется, с кем-то переговаривается по рации.

– Эй, Артур, ты что, совсем ослеп-оглох! – закричал Вадим и постучал опять, теперь уже настойчиво, со злостью.

Но охранник демонстративно развернулся и отошел в сторону. Зазвонил мобильник.

– Вадим Валерьевич, перестаньте портить имущество фирмы. Вы здесь больше не работаете! – прозвучал вежливый голос их менеджера по персоналу, и, не дожидаясь ответа, звонок сбросили.

Вадим замер, потом стал названивать шефу и упорно набирал номер снова и снова, пока наконец директор не ответил:

– Это шутка, такая, да? Вообще-то на календаре еще сентябрь только! – прорычал Вадим в трубку.

– Вадим, я тебя предупреждал, ты меня не слушал. Завтра придёшь, получишь трудовую по собственному, и компенсацию за месяц. Расстанемся по-доброму. И не звони мне больше, пожалуйста, – голос шефа звучал скорее виновато, чем грубо, но это не смягчило Вадима.

– Да засунь ты себе эту трудовую знаешь куда! Встретимся в суде! – прокричал Вадим в трубку и сбросил.

Потом до самого вечера колесил по Москве, и в голове было пусто и зло, и всё, что раньше так радовало: широкие проспекты, снующие по тротуарам люди, пьянящий выхлопами машин воздух, – только раздражало, напоминало об унижительной сцене у двери фирмы.

– Тебе лучше согласиться, – сказала, как всегда, Марина вечером, уткнувшись в смартфон. – Всё-таки по собственному увольняют, и тебе ещё компенсацию заплатят. Месяц будет на что жить, работу найдёшь.

– Ты понимаешь, что говоришь? – Вадим даже не кипятился и не злился, говорил на удивление спокойно, ровно, как будто ничего и не произошло. – Меня же, как щенка, вышвырнули. Я пять лет в компании, пять! А мне просто перекрыли двери.

Марина пожала плечами и уткнулась в смартфон.

– Да можешь ты хоть на минуту забыть свой смартфон и поговорить со мной! – вспыхнул Вадим, и совсем неожиданно для себя, вырвал у Марины из рук смартфон, и швырнул его с силой об пол, а потом замахнулся на девушку.

Она завизжала, закрыла руками лицо, потом соскочила с дивана, подобрала с пола смартфон и кинулась в коридор.

– Ты придурок, Старцев! Дебил! Тебе лечиться надо! Правильно тебя вышвырнули с работы! – кричала она оттуда, потом дверь хлопнула, и он остался один.

Утром бывшему шефу уже звонил только что нанятый адвокат. Шеф, как узнал в чём дело, стал раздражительным и сбросил звонок. После чего стал недоступен, а секретарь упорно отвечала, что Василь Павлович на совещании.

– Ничего, мы им напишем официально, – заверил адвокат. – Никуда они от нас не денутся.

Но и на официальный запрос промолчали, потом неожиданно рано утром Вадиму позвонили и попросили прийти за трудовой или дать письменное разрешение отправить ему её по почте.

– А компенсацию? Вы выплатите мне компенсацию? – спросил Вадим спресонок.

– Придёте за трудовой – тогда всё и узнаете, – уклончиво ответили в трубке и отключились.

В офис пустили его с опаской, до кабинета кадровика, словно под конвоем, шёл в сопровождении охраны. Коридор вмиг опустел, лишь через слегка приоткрытые двери то тут то там выглядывали головы с любопытно горящими глазами.

– Вот, – кадровик протянула трудовую и приказ об увольнении, – ознакомьтесь, подпишите.

Вадим пробежал быстро приказ глазами, не поверил, ещё раз перечитал уже медленнее: вместо обещанного по собственному, его увольняли за прогул.

– Да, вы что совсем оборзели тут?! – Вадим старался говорить ровно, но голос предательски дрожал.

– Извините, Вадим Валерьевич, но я просто делаю свою работу, – развела руками кадровик. – И не надо тут кричать. Не согласны – идите в суд.

– И пойду! Что Вы думаете – пойду!

Охранники предостерегающе подобрались, один из них – Артур – коснулся плеча Вадима:

– Вадим Валерьевич, не надо! Мне велено, если что, вышвырнуть вас, но не хотелось бы, сами понимаете.

– Да сам уйду, не переживай!

В следующий месяц с небольшим Вадим много узнал и о себе, и о своих коллегах. Уволили его подло: по всему получалось, что в деревню он отлучился самовольно и два дня непонятно где пропадал, а дать объяснения по этому поводу якобы отказался, на всё (очевидно заднем числом) были составлены акты, служебные записки, докладные, готовы свидетели, по словам которых дурака валял только он. А усталой замученной процессами судье, по-видимому, его аргументы и возмущения были безразличны, если бумага утверждает обратное. Отец болен? А где справки об этом? Отпросились у директора? А где доказательства?

Василию Петровичу, вызванному на допрос, Вадим, от восхищения актёрским мастерством шефа, и не знал – аплодировать или смеяться: да, звонок от зама был, да, разговаривали, но по вопросу выставки, и никуда бывший работник не отпрашивался, потому как знал, не отпустит его Василь Петрович, слишком много дел.

– Зачем вы так? – как-то пытал Вадим перед очередным заседанием в судебном коридоре юриста фирмы Олега.

– Вы сами виноваты, Вадим. Вам ведь предлагали по-хорошему, а вы сразу за адвоката хвататься, – отводил взгляд Олег.

– И что – это повод так вот поступать?

– Ой, только не надо тут врубать мать Терезу. Будто не вы три года назад освобождали компанию от декретниц.

– Но не так же подло? – возмутился Вадим.

– Ну да, вышвырнуть полсотни женщин с работы, это очень благородно, – усмехнулся юрист.

– А вообще, – добавил Олег уже потом, после оглашения решения в пользу компании, – зря вы смотрели вакансии на своем компьютере, из-за этого вас и уволили-то по сути.

И на удивлённый взгляд Вадима снисходительно пояснил: по его словам, со сменой владельца всю активность работников в сети стали отслеживать, и еженедельно анализировалось, кто и что смотрел в Интернете.

– Странно, что вы об этом не знали. Это же вопрос лояльности компании... и безопасности.

Получается, его же собственные раздумья-колебания и поставили подножку: в фирме испугались, что он не подписывает соглашение, потому как задумал уволиться и «срубить» компенсацию по старому договору в двенадцать окладов, а расставаться с тремя с лишним миллионами новому владельцу, оказывается-то, и не хотелось.

В этот же день, после суда, Вадим застал в квартире Марину. Она спешно собирала свои вещи, возможно, рассчитывала успеть до его прихода, чтобы не столкнуться, но не рассчитала.

– Куда ты? – Вадим устало присел на кровать и смотрел, как она, комкая платя, закидывает их в чемодан. – Останься, пожалуйста. Я всё исправлю. Всё ведь можно начать с начала.

Марина замерла, потом обернулась в пол-оборота к нему так, что вечернее солнце заиграло в её русых волосах.

– Исправишь? Начнёшь всё с начала? Старцев, это тебе не игра... это не школьное сочинение. Нельзя жить, словно ты пишешь черновик, а потом взять и всё переписать набело и по-другому. Жизнь – это колея, если уж попал в неё, так и будешь катиться дальше.

– А как же любовь?

– Любовь? – Марина защёлкнула чемодан и пристально посмотрела на Вадима. – Ты, правда, веришь в любовь между нами? Вот это любовь, – и она указала на чемодан. – Вот это тоже любовь, – и в её руке возник потрескавшийся смартфон. – Когда, Вадим, любят, руки не распускают!

– Но и не бросают любимого в трудную минуту!

– А я не знаю, кого я любила – человека или должность, и всё, что к ней прилагается? Не знаю! И узнавать это предпочитаю в стороне от тебя да от этой катавасии.

И вот теперь, после того, как проиграна и апелляция, у него ничего не осталось: карьера, мечты, надежда, даже Марина, – всё растворилось. Всё пропало.

Как добрался до дома, он не помнил, заглушил мотор, откинулся на спинку сидения и прикрыл глаза. За окном уже стемнело, двор постепенно заполнялся машинами, вокруг говорили, смеялись, ругались; огромная, тянущаяся к небу прямоугольником высотка, как ёлочка, зажигалась гирляндами окон, – одно, второе, третье, белое, жёлтое, яркое, тусклое, – и возможно, в каждом из них, кто-то кого-то ждёт и надеется. Только его квартира на восьмом этаже зияет чёрными провалами окон на фасаде, а он сидит внизу, в остывающей на зимнем морозе машине.

У двери квартиры, в подъезде, его ожидал сюрприз: Марина в сбившейся набок шапке, стояла прислонившись к стене.

– Старцев! Старцев, ты козёл! Ты знаешь об этом? Ты – козёл! – заплетающимся языком заговорила Марина. Она попыталась оторваться от стены и рухнула прямо на него:

– Любовь зла – полюбишь и козла! Я люблю тебя, Старцев! Тссс!

– Ты – пьяная! Что с тобой? – всегда выдержанная Марина никогда на памяти Вадима не напибалась до такого состояния.

«Неужели это из-за меня?» – подумал он, и это польстило ему.

– Я не пьяная, я – выпимшая, – улыбнулась девушка, потом посерьёзнела, попыталась принять вертикальное положение, – Меня уволили, Старцев! Вышибли, как пробку из-под шампанского.

– Уволили? За что? – Вадим удивлённо приподнял брови.

– А я Пальчу в рожу шампанским плеснула на корпоративе, – засмеялась Марина. – За тебя. Так что ты мне должен. Долже-е-ен, Вадим! – и она отрубилась прямо у него на плече.

Потом, когда уже с трудом Вадим раздел и уложил Марину спать на кровать, он стоял у окна и смотрел на город. В пустынном дворе, заставленном дремлющими машинами, казалось, жизнь остановилась, но оттуда, из-за кубиков домов, дыханием дракона шумела столица: рычала, гудела, выла сиренами, горной рекой ревел нескончаемый поток машин, ветер доносил откуда-то слева перестук поездов, обрывки музыки, невнятных голосов.

Как может стать, что в этом огромном городе, где так много людей, он совсем один? Марина? Вадим не верил в её любовь: разве может предавший, бросивший в трудную минуту любить? Она говорит, что плеснула шефу в лицо шампанским ради него, а не ради ли себя, чтобы как-то заглушить угрызения совести за подлое бегство от него? Как часто человек делает нечто с виду благородное, доброе, но только ради себя, своего самолюбия, своего покоя? «Утром увезу её отсюда, – решил Вадим. – Пусть живёт у себя. И оставит меня в покое».

По-другому, по-новому теперь смотрелась его квартира, трёхкомнатная, с дизайнерским уютом, дорогой мебелью. Вадим прошёлся

по огромному залу, провёл рукой по вазе, привезённой откуда-то из Италии, по обтянутому коричневой кожей дивану, замер у картины с замысловатыми переплетениями линий.

«Ты многого добился, сын, – сказал ему отец на прощание. – Я горжусь тобой, пусть ты и бросил, и забыл нас, но горжусь».

Семь лет он шёл к своей мечте, делал карьеру, покупал квартиру, обустроивал дом, семью, но осталось ли сейчас ещё, чем гордится? Не отцу, а ему?

Только сейчас он поймал себя на мысли, что за это время как-то не вспомнил о доме. Пару раз сестра пыталась позвонить ему, поговорить, но вечно звонок попадал то на судебное заседание, то за какую-то минуту-другую до него, и разговор ограничивался парой дежурных фраз.

И Вадим вдруг понял, а ведь тот раз, у ворот, отец просто прощался с ним. Слишком наигранно бодро говорил, слишком легко согласился пойти в больницу, а на самом деле никуда не пойдёт, и будет просто хвататься за сердце и ждать конца.

Не понимая, что и как делает, накинув куртку, Вадим выскочил во двор, завёл машину, и рванул к югу, по мерцающей в свете вечернего солнца дороге, по федеральной трассе, вдоль деревень и городов, вдоль заснеженных полей, лесов и перелесков, засыпанных сугробами обочин,

и по израненной, залепленной, словно пластырем, слежавшимся снегом дороге, к самому дому, мимо огородов, мимо старой соседской вишни, что наклонилась над забором, прямо к железным воротам с фигурными вставками.

– Всё! – заявил он удивленным родным. – Мы немедленно едем в больницу, в Москву, прямо сейчас!

И отец так обрадовался этому его приезду, и лицо его зарозовело и синеватые губы оттаяли. И мать на крыльце украдкой смахивала слезу, а сестра улыбалась за её спиной. И всё казалось отсюда таким маленьким, таким мелким: и суд, и бывший шеф, и испорченная трудовая (в конце концов, разве нельзя завести новую?), и только внутри расцветало, оживало нечто непонятное, неизведанное, словно тот комок земли, брошенный, разбрызганный множеством осколков у трактора, вдруг вновь собирался, чтобы придать ему сил всё начать сначала: и карьеру, и мечту, и надежду. Отсюда, от родного порога, от родной нити, на всю жизнь.

А потом, в коридоре кардиоцентра, когда он пришёл поделиться с отцом радостью о новой работе, отец взял его руки в свои ладони, посмотрел в глаза и сказал:

– Главное не то, что человек тебя предает и обрывает связи – главное то, что он находит в себе мужество всё исправить и простить!

И эти слова звучали так ласково и так умиротворительно, будто Вадим снова вернулся

обратно домой, в детство, и снова сидит на разгорячённом солнцем, потрескавшемся от старости крыльце. А рядом с ним, разморившись от летнего тепла, сидят сестра, мать, отец, и... Марина.

САМЫЙ ДЛИННЫЙ МАРШРУТ

Каждое утро Рита отправлялась на работу. На автобусе, троллейбусе и трамвае. И никогда не меняла маршрут и порядок пересадок. Даже когда Вадик из дома напротив предлагал подвезти.

Вадик ей нравился зелеными глазами и смешной привычкой постоянно поправлять чёлку – это на бритой-то голове! И машина его – серебристый мерседес – тоже нравилась, несколько раз Вадик подвозил её с мамой на дачу: чисто, уютно, приятно пахнет одеколоном. Первый раз Рита всю дорогу косилась на парня и думала, для кого он навёл такой марафет – для неё, мамы (его первой учительницы) или, может, для клиентов? По вечерам сосед таксовал и очень гордился своей клиентурой и своей машиной.

Работу Рита не любила, и приезжать пораньше, ломать специально подобранный маршрут «подлиннее», даже ради Вадика, ей не хотелось, потому сосед неизменно получал отказ:

– Нет, Вадя, посторонись!

И хотя он при этом краснел и расстраивался, отчего у него подёргивался правый уголок верхней губы – Рита была непреклонна, а потом, толкаясь в автобусе, троллейбусе и трамвае, клятвенно

обещала обязательно уволиться, чтобы позволить, наконец-то, парню подвезти её до нового офиса. Однако, как только трамвай, бодро постукивая, подъезжал к остановке напротив офисного центра, и Рита касалась каблуками красной тротуарной плитки, все обещания забывались и работу Рита не меняла: мама не одобрила бы, да и сестре нравилось, что она «у них – бухгалтер в солидной фирме», а «не мухры-хухры с хвостиком». Так что пока приходилось Вадику лишь мечтать о наступлении благословенного утра.

Поначалу, когда она только устроилась в бухгалтерию, коллеги приняли Риту настороженно, ожидая от бывшей студентки замашек карьеристки, но она выполняла обязанности «от и до», без надрыва и подвигов, и всегда уходила домой, как только большая стрелка часов касалась шестёрки, а с таким рвением карьеры не сделаешь. Потому все немного успокоились, и кое-кто даже полюбил «брюнетку из бухгалтерии».

Одевалась Рита неизменно в деловом стиле: белый верх – чёрный низ, носила большие круглые очки, собирала волосы в пучок на затылке (или оставляла болтаться хвостом) и выглядела классической серой мышью. Так что, когда она заходила по делам в общий зал офис-бокса, взгляды парней затухали и упирались в мониторы. За это Риту женщины полюбили ещё больше и даже угощали печеньем к чаю.

Правда, на первом же корпоративе они тихо ахнули и крепко задумались: не поменять ли

свое решение. Как и парни тоже: Рита появилась в ресторане в облегающем голубом платье, с дивной причёской и без очков – в линзах – и все увидели, что и глаза у неё тоже, оказывается, голубые, и когда свет падает на бокал с шампанским в её руке, то в зрачках отсвечивают искорки. Они ведь не знали, что Рита вне работы предпочитает чёрной юбке облегающее цветное платье, чтобы пройтись по улице, неизменно потряхивая при ходьбе спадающими на плечи волосами, и наслаждаться взглядами парней.

Мама, конечно, не одобряла такие манеры, но предпочитала помалкивать.

– Для вытравки пара, чтобы резьбу не сорвало, – пояснила как-то подругам за чашкой чая.

На корпоративе Рита, как и на улице, тоже удостоилась сальных взглядов, а Олег из соседнего отдела, который упорно не замечал её недели напролет и постоянно задерживал отчёты, всё заводил глупые разговоры в попытках раскрутить на свидание и подносил шампанское. В ответ Рита иногда поправляла локон, отбившийся от общего строя прически, и кокетливо улыбалась.

После корпоратива она позволила Олегу подвести себя, а когда он вдруг на светофоре положил руку на её колено, поцеловала его, врезала щечину и хотела выскочить на улицу, но внезапно подумала: как будет здорово, если Вадик увидит, как её подвозит другой мужчина, – и осталась. А Олег, сам того не подозревая, послушно исполнил роль таксиста.

Он вообще после пощёчины превратился в галантного и слегка удивлённого кавалера, и даже проводил её до двери подъезда, и пытался быть любезным в словах, но Рита отвечала невпопад и всё смотрела с возрастающей тоской в сторону соседнего дома в надежде отыскать знакомый силуэт.

Вадик так и не появился.

Впрочем, не появился он и на следующее утро, и ещё на следующие и через неделю тоже, так что Рита всерьёз испугалась – неужто всё-таки видел её с Олегом и теперь обиделся.

Ещё и Олег вёл себя переменчиво: то ластился и звал на свидания, то бегал и прятался по углам, пока Рита не поняла, в чём дело, и не пришла на работу с новой стрижкой и в линзах – дело пошло легче: теперь на её столе иногда появлялись шоколадки, а к весне и билеты в кино, где на сеансе они сидели за ручку, как настоящая парочка. А под финальные титры Олег вложил ей в ладонь кольцо, и они под руку шли до ее подъезда.

– Ну, я пошел, – сказал Олег на прощанье, и Рита кивнула, но кольцо не вернула, а сжала сильнее; она держала его всю дорогу, представляла, что это просто подарок и боялась, как бы Олег не сделал непоправимой глупости.

На утро Рита не пошла на работу, сказала больно и просидела полдня у окна на кухне – с него открывался отличный вид на двор, и можно было увидеть всех, кто проходит и проезжает к ним или к соседнему дому. К вечеру проплыл знакомый

серебристый силуэт, и сердце заколотилось и тут же упало – Вадик выходил под руку с незнакомой блондинкой, в руках она держала большую спортивную сумку.

«Предатель!» – подумала Рита, и на утро вернула кольцо Олегу. Они больше не встречались и разговаривали только по работе.

Вадик спустя неделю опять появился и предложил подвезти до работы, но Рита толкнула его в грудь и прокричала:

– Оставь меня в покое, козёл! – и он, как и Олег, тоже оставил Риту.

– Ох, Ритка, ты совсем ополоумела, двух парней отшить за раз! Это же додуматься надо! – постучав кулаком по лбу дочери, разохалась мать за вечерним чаем. – Разве так выйдешь замуж, понимать же надо немного своим котелком!

Рита пожала плечами и промолчала.

Правда, мечту матери всё-таки исполнила и вышла замуж: не за Вадика, как думали домашние, и не за Олега, как судачили за её спиной в бухгалтерии, а за Романа – она встретила его вечером, по дороге домой, когда вышла вечером из офиса. Он стоял у серебристой хонды, при виде его Рита часто задышала в ожидании бритой головы, но разочарованно охнула, когда разглядела целую копну мелких кудряшек.

– Садись, подвезу, – сказал он с хитрым прищуром, и слегка склонил голову набок.

Через месяц они поженились и съехали на квартиру в другой район города. Через два года Роман

пропал также внезапно, как и появился, оставив после себя дочку с такими же кудряшками, как у папы, и голубыми глазами.

Как-то Рита, навещая маму, натолкнулась на Вадика. Он возился у машины и радостно замахал ей рукой. Она подошла, и они немного поболтали о жизни. На прощание Рита внезапно поцеловала его в щеку, посмотрела в глаза и прошептала:

– Эх, Вадик-Вадик, лучше бы ты подвозил меня с работы, – и ушла.

Работу она всё-таки сменила.

СУХАРЬ И ВАЗА

За что Ивана Сухарём прозвали, никто точно и не помнит. Всякое говорили: кто-то утверждал, будто в детстве маленький Ваня не выпускал изо рта сухари и обслюнявленными кусочками угощал ребятню помладше, другие на такое утверждение только посмеивались.

– Да чтобы Иван Рокотов слюной да сухарём делился – хех, – он родню мать за кусок хлеба удавит. Иссох от жадности – вот тебе и сухарь! – смеялся старик Никитич: он всегда, сколько себя соседи помнили, сидел на лавочке во дворе, ковырял палкой-тростью землю до глубоких ямок, и словно на дне, как в хрустальном шаре, всё обо всех высматривал и знал такое, о чём никто и не догадывался. Ему-то больше всех и верили.

Но, может, права была и тётя Клава – уборщица с работы: больно скуп уродился Иван на эмоции, что ему не скажи – всё ответ один.

– Ваня, там тебя начальство звало, ругались шибко.

– Ну ладно.

– Иван Степаныч, там вас тётя Клава разыскивает – маме вашей дурно.

– Ну ладно.

– Иван, загляни в кассу – премию дают.

– Ну ладно.

И звучало это «ну ладно» так буднично, словно давно заветрелось, запрело и выгорело под солнцем и дождями, что невольно и подумаешь: может, говорящий сам ссохся, как бывает с деревьями: сверху кора на вид крепкая, здоровая, а чуть ковырнёшь – так труха и посыплется. И правда – Сухарь.

С виду – Иван блёклый мужичок: лицо красное, как после бани, брови густые сросшиеся, ещё и сесть рано начал, и потому всё пытался закрасить седину, пока то ли от краски, то ли от природы волосы не стали покидать голову пучками – тогда стал бриться налысо, отчего, казалось, на лицо маску нацепил: череп бледно-матовый, а лицо – красными пятнами. Но вот что бесподобно смотрелось – так это усы! Чёрные, как сажёй вымазанные, и густые. С такими только портреты храбрых героев и пиши.

Может, на усы женщины и клевали, а может, и сдержанностью, которую легко за серьёзность принять, Иван брал, но дома никогда один не жил и без домашних пирогов не оставался. Появится какая поклонница на работе, так глаза и закатывает:

– Ах, тётъ Клава, какой мужик! Слова лишнего не скажет, дома сидит, пузыри под заборами с алкашнёй не сшибает, а трудяга-трудяга! – и бежит угощать Ванечку обедом.

Одна беда – долго не выдерживали: вот только под ручку с Иваном кралей прошла, а через месяц-другой с чемоданом к остановке бежит, и той же тётъ Клаве при встрече жалуется:

– Сил нет! Веришь? Удавила бы гада! С ним же в магазин ходить невозможно, всю душу вынет. Сметану – в корзину, он – обратно на полку, нечего, мол, химией травиться, морковку – по штукам покупаю! Скоро гречку, как в том анекдоте, по крупинке заворачивать буду – Сухарь!

Тётя Клава на такие речи бросит под ноги тряпку и плюнет – понимай как хочешь.

А тут появилась на работе девчушка Марина, после школы кладовщицей устроилась, и такая смиренная, тихая, кажется – слово громче скажи, так осколками осыплется. И одевалась вазой упакованной: как обёрточной бумагой, закутается в кофту да коричневую юбку до пола и платок на голову замотает, только серые глаза и отсвечивают белками. Может, потому Иван первый и обратил на неё внимание, раньше ведь как: сами за ним женщины бегали, а тут волочит после обеда ей розу и коробку конфет – мужики в курилке увидели, чуть сигаретами не подавились.

В тот же вечер мимо Никитича под руку с Иваном и прошествовала.

На работе долго успокоиться от такого не могли, настоящий сыск учинили, чтобы понять, как же они друг на друга-то повелись. А Марина на это и в ус не дует, на вопросы только улыбается и всё глаза к полу, да и Иван, как партизан, помалкивает: вместе на работу приходят, вместе уходят; пока она не окончит смену, сидит в уголке, дожидается. Схуднул, скулы выступили, только усы и шевелятся.

В магазин пойдут, – она ему слова лишнего поперек не скажет; с открытой двери на балконе только и слышно соседям:

– Как скажешь, Ванечка!

Совсем Сухарь размяк от такого обхождения.

– Экономная баба у меня, тётъ Клава, с такой миллиардером станешь! – хвастает.

Тётъ Клава только что и всплеснёт руками, как парочка из виду скроется.

Не успели оглянуться, Иван уже в коляске дочку по двору катает, а Марина рядом вышагивает – джинсы в обтяжку, зелёный топ, кольцо в пупке, на мочках огоньки сверкают – никак распаковали вазу! Ещё через год – «двойная» коляска: сына родила, и уже не пешком в магазин ходит, на машине выруливает. И всё позже и позже домой возвращается. Парни вечером сидят у гаражей пиво, распивают, так выйдет из машины и к ним – ржач на подворе.

Мимо Никитича пойдёт, тот только палкой по земле стучит:

– У-у-у, шалава!

В ответ – смеётся:

– Ты ещё не сдох, старый?!

Дед бесится, гляди – удар хватит, а что против молодой поделаешь? Так только Ивану при случае пожалуется, что ж, мол, это такое – ни старость, ни мужа не уважает, а тот в ответ:

– Ну, ладно!

И быстрее мимо деда с коляской к грибку у песочницы, остановится, возьмёт на руки дочку

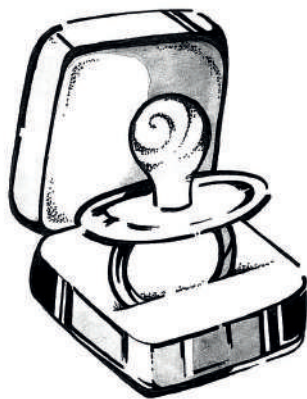
или сына, спину выпрямит и, словно всем показывает, мол, смотрите, любуйтесь, какое у меня семейство.

А знакомых-то разбирает. Тётъ Клава не выдержала, подошла к Ивану: мол, что ж ты, дурень, за бабой своей не следишь, с парнями, как потаскуха, по дворам тискается у людей на виду, у всего города языки опухли уже от разговоров, а он в ответ:

– Ну, ладно, какое твоё дело тётъ Клав! Детей родила – и будет с неё.

И всё детей с рук не спускает.

Вот тебе и Сухарь!

ДУША ПЕТРОВА ДОМА

сказ

Говорят, у каждого дома душа есть. Так-то посмотришь – откуда ей взяться: дом ведь нежилой, из камня, дерева и прочего сложен, и сердца своего у него нет. А вот порой идёшь по улице и задумаешься невольно, а ведь и правда – есть душа у дома, и сказать он может побольше любого человека порой. Только вот его ли это душа или лишь отражение хозяйской, того, кто в нём живёт и сердцем отогревает?

Стоит домик невзрачный, ободранный, дурно за ним смотрят, но тепло светится в окошках. А рядом добротный выбеленный, оштукатуренный собрат – а не живёт в нём никто, и по стенам-окнам тлен расползается; посмотришь на окно, и мурашки по коже, как смерти в глаза заглянул. Скажете, преувеличиваю? Может и так, только вот есть у нас на одной улице дом – забор да стены ещё крепки, а двор зарос, и окна слепо на улицу поглядывают. Мимо пойдёшь порой, и взгрустнётся. А как не взгрустнуться, коли ещё год назад жил и здесь крепкий хозяин! Жил да сгинул. И началось-то всё так незаметно, исподволь, не каждый и сообразит, как обернулось-то дело трагедией.

Бабка Аграфена да дед Василий раньше тут обитали. Крепкие люди были, хозяйственные. Ещё заря крыши не позолотила, солнце лучами поля не пригладило, а Аграфена Семёновна уже корову подоила, телка на пастбище отвела, кур покормила, да и завтрак хлопочет. И Василий Петрович не отстаёт: траву кроликам подкосит, где забор подправит, поросётам каши наварит. Настоящие крестьяне – залюбуешься! Диву даёшься, откуда силы столько-то берётся. Славно жили-не тужили, беды не ведали да не чаяли. Полжизни в колхозе отгорбатились, и на пенсии не бездельничали. Во всём себе меру знали, лишнюю копейку ни на что не тратили, всё дочке берегли.

Дочка-то у них тоже славная выросла: статная, брови чёрные, глаза голубые, волосы по плечам рассыпью, словом, и умница, и красавица. И в школе отличница, и на поле трудяга. А как подросла – на бухгалтера отучилась, да в приличную кампанию и устроилась на работу. Быстро в гору пошла, родители машину ей прикупили, она к ним каждую неделю пятничным вечером и наведывалась. Часы по ней сверять можно было: если к дому подкатила белая ауди, значит, восемь вечера, и сейчас дверка у авто откроется, выпустит на волю ножку белую, стройную, улыбку Надину приветливую. А мать с отцом уже дочь встречают, с крыльца выглядывают.

Да подкупил как-то кавалер заезжий в деревне дачу, и гулял по вечерам, а что делать-то ещё

коли, ни огорода, ни скотины не держишь? Только и слоняйся от края до края, от реки до леса, от поля до оврага. Вот в один такой вечер и увидел её, и то ли правда пленился очаровательной девушкой, то ли просто взыграла в нём похоть, но стал перед ней королем выхаживать, подмигивать да красивые слова наговаривать. А говорить-то умел как! Век слушай – не наслушаешься. Надя хоть в городе и жила, всё в душе простушка деревенская, отродясь такого обхождения не видывала, слов таких не слыхивала. Он ей и цветы, и конфеты, и шоколад, и ручку целует. На берегу у реки сидят, – стихи читает, а она млеет, вздыхает, глаза от счастья прикрывает, голову на плечо ему склоняет. Так вот и оглянуться не успела, как под сердцем второе, поменьше, застучало. Надя-то почувяла как прибаву, обрадовалась, к кавалеру бежит, раскраснелась, волосы развиваются, на солнце золотом переливаются, прибежала, целует от радости его, ластится.

– Прыгай, родной, миленький, – в ухо шепчет. – Радуйся – ребёночек у нас будет!

Отпрынул ухажёр, зашипел, как кот на собаку, ногами затопал.

– Что-ты, – орёт, – сдурела, ополоумела. Нашла дурака – под венец затащить вздумала! Как же, держи карман шире! Уже, небось, и прописку московскую тебе подавай, да квартиру поширше, посветлее.

Брызнула слезами Надя, отлетела, отскочила мячиком от него, затворила калитку за собой,

а вместе с ней и любовь свою заперла. Ох, много горюшка тогда выплакала, выкричала. Пошёл Василий Петрович делегацией к дачнику, по-людски с ним поговорить думал, да и его тот слушать не стал.

– Вы за кого меня принимаете? – отвечает. – Думаете легко дамся вам?! Надька ваша нагуляла пузо себе на сеновале, а меня в загс тащите!

И рассмеялся в лицо, да зря: дед-то Василий тогда ещё крепкий мужик был, зарядил несбывшемуся зятю кулаком – так на всю жизнь памятка сломанным носом у москвича и осталась. Смотрелся, небось, после в зеркало, Надину долю вспоминал.

А Надя с той поры посмурнела, улыбалась редко. В город укатила, и толком к родителям не показывалась, мол, как это я с брюхом по деревне пойду, на меня же пальцем тыкать будут, смеяться, дурости и глупости моей потешаться. Родители не перечили, думали родит – легче станет. Да вон как бывает: не всегда время лечит, не всегда дитё мать к себе привязывает. Родить-то Нядя родила, Петей сына назвала, а как посмотрит на ребенка – в слезы: и глаза, и улыбка у младенца отцовские. Так и сторонилась мальчика, еле-еле дождалась, когда грудью откормит, и всё к деду с бабкой сплавляет Петьку.

– Мешает, – говорит, – он мне жизнь личную обустроить!

Родители-то здорово тогда этим возмутились, упёрлись, обратно внука отправляют, как же так

чай не сирота, при живой матери у деда с бабушкой месяцами отгираться. Поговорят, пострашат дочь, та вроде и чуть отойдет, заберёт сына к себе в город. Довольны старые: мол, одумалась, отошла. Эх, знали бы они, как одумалась она!

Сына-то заберёт, бросит в квартире, а сама по компаниям с подружками похаживает, а те её в гулянии подбадривают, поддерживают, за её счет бражничают, ухажёров подкатывают.

– Живи, Надька, – увещают, – в своё удовольствие, сын вырастит – улетит из гнезда. А бабе – мужик нужен. Какая баба нормальная без мужика-то?!

Так и надломилась красавица-умница. Ей бы, может, в ребенке утешение найти, за родителей зацепиться, а заместо этого – по кривой дорожке катится, мужиков перебирает, в квартире своей привечает. И всё больше как-то на дно рюмки заглядывает, совсем сына запустила. А Петька растёт, тянется к небу, от отца с матерью лучшие соки взял, в возраст вошёл, классу к девятому сердцею раскрылся-распустился, как бутон розовый: девушки по нему сохнут, томно вздыхают. Только мать взглянет и помрачнеет, и всё больше ненавистные искры мечет, смотрела на сына раньше как на пустое место, а теперь и на дух не переносит. Заговорит Петя, а слышится ей в сыновьем голосе стихи дивные, что на речке москвич ей шептал; взглянет в глаза – а оттуда кавалер московский в ответку подмигивает.

Бывало, выпьет крепко, сидит на кухне и воет, сына попрекает:

– Ты да твой папаша проклятующий всю жизнь мне попортили!

Так пьяной и сгинула: прикатила летом к родителям, мать с отцом привычную песню завели, давай опять увещать, стыдить-стращать, чтобы за ум взялась, за ребёнком приглядывала, а она взрывная стала, волком глядит, псом рычит.

– Что пристали ко мне?! Родили дурой – так терпите! – стукнула кулаком и в город рванула.

Всякое потом говорили: то ли косуля на дорогу выскочила, а Надя, чтобы животинку не загубить, свернула резко да вылетела под колёса встречной фуры; то ли просто не справилась с управлением, то ли ещё что. Только на утро и узнали, что остался внук их Петька сиротой.

Скажет кто – может к лучшему это? Что при живой матери сын и так сиротой жил. И то справедливо – нет проклятия горше, чем ненавидящая мать. Да всё равно, какая бы она не была, а родная кровь: выносила, родила, как-никак воспитывала, пусть через силу, а приглядывала. Помнил Петька, пускай, и редкие минуты ласки, но помнил, на пересчёт, каждую улыбку, каждое поглаживание материнское лелеял. А чем дальше со смерти время текло, тем тусклее дурное становилось, через год-другой и вовсе выткал в голове светлый образ, отобрал из горькой жизни самое тёплое и прекрасное, и предстала мать ангелом земным, лучезарным, заботливым

да весёлым, так что и слышать ничего плохого не желал, за грязное слово о ней в драку лез, с родными дедом-бабкой огрызался, за покойную заступался.

Запутанно старики от такого себя чуяли. Радовались, что внук о дочери добро отзывается, да за горячность его переживали, ворчали-наказывали, чтобы взрослым поперёк языка не встревал, в драки не лез за слово: на чужой-то роток – не накинешь платок, легко кулаком махнуть, а потом как бы расхлёбывать не пришлось. Только ведь не особо и слушал их парень. Порой сидит Аграфена Семёновна и вздыхает, мол, в кого уродился внук – в роду и не было драчливых, а этот как граната, стоит только чеку потрещивать, и беги быстрее в сторону, падай на землю да голову прикрывай – как бы не оторвало. В отца, что ли?

– Помяни, дед, моё слово, – плакала бабка. – Сам изопьёт горькую чашу и нас с тобой напоит досыта.

И то ли накликала Аграфена, то ли так оно естественным оборотом по судьбе само вывернулось, но за свой характер Петя и правда пострадал.

После школы поступил он в колледж (как по-модному стали называть училища-то теперь), учился так себе, через пень колоду. Он, правда, и в школе не особо к наукам расположение имел, да и какое расположение, коли дома не пойми какой бедлам, мать-то немного в себя придет, вроде и позанимается с ним, когда, задание

там домашнее проверит, за двойки отругает, да ещё один материн ухажёр, спившийся инженер, с ним позанимался, немного подтянул; а больше так сам себе в удовольствие предоставлен оставался. Дед с бабкой малограмотные, читать-писать, немного считать умели и ладно – какая от них помощь в учении будет-то? Словом, в воспитательном запустении весь ум у него в кулаки и ушёл, а в голове одни метели крутили, и держали его в колледже за ради общественного интереса – больно спортивен уродился, там побегать, в футбол-баскетбол поиграть, честь учебного заведения отстоять, да и на любом субботнике первый, и на концерте каком и плясун, и певец.

Ох, как же по нему девки городские вздыхали! С ума сходили, хороводы вокруг водили. Он ведь совсем в красу вошёл, не смотри, что парень молодой, а плечи вразлёт, голова кудрявая, глаза изумрудами отливают, ладони здоровые, сильные – мужик! Только стати он пусть и мужицкой был, а складом умишко мальчишечий ещё: поглядит на красивую девку, слюни распустит, а притормозить в голову и не придёт. Поманит одна девица, глазки состроит, губками улыбнётся, – он и бежит, другая – и туда бежит, совсем запутался, закуролесил, загулял. А где амуры, там и драки-попойки, там и занятиям конец, и любому доброму делу завершение. Совсем дошёл до крайности, за юбки в драки лез прямо в колледже. Увидит – какой парень возле его крали отирается, летит и со всего маху в челюсть бьёт.

И то ли в горячке, то ли ещё что, да почудилось ему, будто, и директор их на девицу Петину заглядывается, так прям посреди пары встал и в нос впечатал.

Крови было-то! Шума да крику! Чай, не пацана какого избил, а уважаемого в городе человека. Дед Василий тогда поросёнка целого да десяток кроликов и флягу мёду отволок тому директору, лишь бы замялся скандал, до милиции-суда не докатилось. Но вот в колледж Петру путь заказали, по добру предложили документы забрать и вольным молодцом на белом свете погулять, Родине-матушке солдатский долг отдать.

Аграфена Семёновна, правда, этому не печалилась, а больше радовалась.

– Уж в армии ему ума-то добавят! Обтешут как надо, – говорила, и дед с ней соглашался.

Обтесали ли его в армии другие горячие кулаки, или в себя пришёл, отлученный от женского взгляда, – неведомо. Только вернулся со службы Петя, как подменили: терпит теперь, в драки не лезет, с девками осторожничает, не бежит за красивыми глазками – всё присматривается, на работу устроился, трудится и старикам по хозяйству первый помощник. Вроде, и радоваться такому надо, а дед с бабкой опять переглядываются, тревожно перешёптываются: откуда такая перемена, как бы чего дурного опять не вышло, сколько, мол, пар не запирай, а ведь и чугунные котлы рвёт. Но недели сменялись месяцами, там и год прошёл, и второй, замире-

ние у стариков в жизни пошло, бывшее забывалось, отлегло на сердце, успокоилось.

Да тут словно кто спохватился свыше, что не испита ещё чаша горькая до дна, сверкают ядовитые капли по стенкам, не порядок – стряхнуть надо. И стряхнули – пришла беда с неожиданного конца. Москвич-то тот после сломанного носа долго не показывался на глаза, на дачу всё какие-то сторонние люди наведывались, сдавал он её, что ли, кому, уж никак деревенские допытаться у гостей заезжих не могли, те все хитро улыбались, помалкивали. А тут вдруг прикатил посреди осени сам, вроде как продавать удумал дом, столько лет, мол, стоит – зачем нужен, больше на него расходов, чем прибылька. Приехал и живёт, обратно не торопится, по улице смело идёт, никого не боится, да и кого ему бояться, было что и забылось, небось, сгладилось, даже дед Василий при встрече лишь отвернулся, слова дурного не сказал. Зато Петя, как приехал проведать стариков да узнал про отца, заходил кругами по дому, завертелся юлой, всё из рук у него валится, на деда с бабкой огрызается, от еды уклоняется. А под вечер и совсем томко стало, выскочил во двор, только дверь и стукнула.

– Эх, как его схватывает, дед, – зашептала бабка. – Сходил бы ты посмотрел, что он там делает-то? Поговорил-подуспокоил малого, как бы чего не вышло.

Дед на крыльцо – шашть, а внука и нет там. Что такое, думает, весь двор исходил оглядел –

нигде. Застучало сердечко, зачуяло неладное, он и побежал к дому москвича, и только рукой за калитку дачную схватился, а москвич вместе с рамой оконной к ногам и вылетел. А за ним в проём Петя тигриным прыжком на папашу взгромоздился и бьёт наотмашь, лицо перекосило, – только, как в индийском кино, шлепки по улице разносятся. Ой, что тут началось! Дед кричит, внука от дачника тащит, да куда ему старому с молодым тягаться. Набежали соседские мужики, еле оторвали Петю. Вчетвером держали – это же какая силища в парне кипела! Видать, и правда, разорвало котел паром, что скопился за столько времени!

– Убью, гада, – орёт. – Он мамку мою загубил, мне крови попил! Не жить ему на этом свете!

Тут и бабка подоспела, глянула на дачника и только руками всплеснула: не лицо, а квашня кровавая, и заголосила-запричитала от страха за внука, как бы не помер отец его – тогда ведь и совсем туго будет.

Помереть-то, конечно, дачник не помер, крепким оказался. А вот Пете на этот раз драка с рук не сошла, докатилось дело до милиции, вмиг скрутили, под белые ручки увели, перед судейской мантией усадили. Его же отец первый и хлопотал, чтобы наказали покрепче сынка-то:

– Такого выродка, – говорит, – уважаемый суд, только под расстрел, не иначе. Мать проституткой была и сыночка бандитом уродила.

Петька услышал, какие речи папаша выводит – кинулся на решётку!

– Выпустите, – кричит, – dokonчу своё дело!

Судья посмотрел на него и только головой покачал, какие тут уж защиты адвокатские, да сбивчивые рассказы стариковские, коли молодой человек зверем в суде кидается. Покачал головой и подписал приговор суровый, вроде как покушался Петя на убийство москвича, шёл к нему домой умышленно порешить. И отправили парня по этапу на пять лет.

Дед Василий такого позору стерпеть уж не мог, в деревне злые языки-то распустились, давай молоть, мол, старики во всём виноваты, за дочкой не доглядели, всё баловали её, и внука не воспитали, как полагается. От кривого разговора сердце и прихватило, полежал месяц в больнице да отправился к дочери на встречу.

А за ним и Аграфена Семёновна не долго прожила: года два помаялась-помаялась, всё Пети, вроде как, дожидалась, а приехал Петя к ещё одной могилке. Посидел у дома на скамейке, погоревал и укатил. Слух прошёл, что опять к отцу завернул по дороге в глаза посмотреть да трогать не стал, а плюнул в лицо и отправился на юга, на море, куда мать его мечтала поехать, чтобы погулять по берегу и шумом волн утешиться.

А москвич тот дачу-то свою продал недавно, но деньги ему добра не принесли: писали газеты – по дороге на него напали, избили да

ограбили, в одиночестве в больнице кровью изошёл до смерти, некому и утешить было.

Так вот и вышло, что стариковская усадьба стоит-разрушается, крысами да мышами разоряется. А постоишь возле неё, посмотришь в оконца, и вроде, как и в ответ тебе кто грустно подмигнёт. Это значит, ещё не совсем дом отчаялся, цепляется за жизнь, Петю дожидается.

ТАКАЯ УТОМИТЕЛЬНАЯ БУХГАЛТЕРИЯ

На первый взгляд, всё было идеально, и всё-таки что-то смущало Василину Алексеевну. Она просматривала отчёт снова и снова, раз пять. Потом стала сверять платёжки и банковские выписки, строчку за строчкой изучала, до ряби в глазах. Доставала папки с договорами, акты приёма-передачи и никак не могла понять, где же скрывается подвох.

Василина считала себя неплохим, даже, в некотором роде, отличным бухгалтером, мастером двойной записи и проводок, и ни одна копейка с расчётного счёта не могла испариться без её ведома. Однако, месяца три она просидела на больничном, и вся бухгалтерия была на её заме – Леночке. В бухгалтерии они трудились втроём – Василина Алексеевна, Леночка и еще Женя. Но Женя работала лишь по совместительству и то несколько дней в неделю, и полномочной хозяйкой на время отсутствия главбуха оставалась Леночка.

Алексеевна Леночку недолюбливала, считала её бездарной пробкой и несколько раз намекала директору Олегу, что пора бы подыскать кого-нибудь более талантливого и работоспособ-

ного. Олег же всегда мямлил нечто невразумительное, мол, на то и есть опытные кадры, чтобы учить молодёжь, а раскидываться работниками – непозволительная роскошь, и всё оставалось по-прежнему.

От Леночки своё нелестное отношение Василина не скрывала, и большую часть времени они не разговаривали, общаясь строго по рабочим вопросам. Впрочем, Леночку это не расстраивало, за глаза она посмеивалась над начальницей и передразнивала её слегка утиную походку в курилке и на корпоративах, и когда ей надоедало презрительное молчание Василины Алексеевны, просто исчезала в неизвестном направлении, и её рабочее место пустовало часами.

К вечеру Василина Алексеевна окончательно вымоталась и подумала: не стала ли она заложницей своей неприязни к Леночке и, может, просто ищет повод устроить ей разнос. Всё было настолько аккуратно сделано, что она невольно даже прониклась уважением к девушке. Потом, за ужином, рассказывала об этом мужу и укоряла себя за несправедливое отношение к коллеге.

– Пожалуй, мне стоит извиниться перед ней, – говорила она, и муж согласно кивал головой.

Но под утро её сомнения вернулись вновь, может, она и ошибалась в Леночке как в специалисте, да профессиональное чутье её ещё никогда не подводило, по крайней мере, до последнего момента. За завтраком Василина Алексеевна мысленно восстанавливала цепочку просмотрен-

ных накануне документов и, даже в автобусе, обычно разговорчивая и приветливая со знакомыми, постаралась забиться на заднюю площадку и всю дорогу молчала, и так усердно перепроверяла проводки в голове, что пропустила свою остановку и ей пришлось бежать через парк до офиса.

Зато, словно в утешение, от свежего воздуха мысли её вдруг прояснились, перед глазами всё стало ясно и четко, – она даже не поверила своему счастью, – влетела в бухгалтерию и, не снимая плаща, кинулась к компьютеру, потом к папкам с договорами, так что Леночка бросила подкрашивать губы и никак не могла прийти в себя от удивления.

– Василина Алексеевна, с вами всё в порядке? – наконец, выдавила она из себя.

– Со мной? О да, Леночка, со мной всё в порядке! Со мной всё просто отлично! – воскликнула Василина Алексеевна в сладостном предвкушении.

Она пересматривала «платежки», время от времени соскакивала и хватала с полок папки с договорами и актами приёма-передачи.

– Вы что-то ищите, Василина Алексеевна? – снова не выдержала Леночка. – Может, вам что подсказать? Вы же так долго болели, говорят, от лекарств память отшибает.

Василина Алексеевна не отреагировала, перелистывала бумаги и в задумчивости покачивала головой – не то, совсем не то. Леночка пожала

плечами, покрутила пальцем у виска и вновь принялась наводить красоту.

Стопка папок на столе росла, часы на стене уже отсчитали сначала четверть часа, потом добрались и до половины, когда наконец Василина Алексеевна наткнулась на искомое – вот оно! Эврика! В платежке в назначении платежа значился, вроде бы, и существующий договор, но старый, тот который они «закрыли» ещё в прошлом году и полностью по нему расплатились, да и получатель платежа был какой-то сомнительный, совсем иной, чем значился в реквизитах в договоре.

– Леночка, солнышко, цвет мой ясный, – торжественно-певучим голосом затянула Василина Алексеевна. – Будь добра, поясни мне, пожалуйста, как это ты заплатила полтораста тысяч непонятно кому по непонятному какому договору? – и на последнем слове она сделала злорадное ударение, потрясая папку с договором над головой.

Василина Алексеевна представляла, как Леночка сейчас испугается, как её наштукатуренное косметикой личико задрожит, и она начнёт оправдываться, а может, даже и плакать, да вот только Леночка отреагировала на удивление спокойно: как ни в чём не бывало она продолжила подправлять брови перед зеркальцем, снова подкрасила губы, слегка причмокнула ими.

– Ле-е-еночка! – Василина Алексеевна теряла терпение.

Леночка хмыкнула, застегнула косметичку, положила её в сумку, после чего, оправив платье, подошла к столу Василины Алексеевны, и опершись об него, ухмыльнулась:

– Что, старая курица, опять за своё взялась? Я за тобой твои грешки подчищала, Василинушка. Это ты не доплатила в прошлом году эти полтораста тыщ (она так и сказала «тыщ»), а они продали долг коллекторам, и нашему директору исцарапали всю тачку. А она, между прочим, три лимона стоит! Вот так, солны-ышко!

После чего направилась к выходу и уже в дверях, полуобернувшись, добавила:

– Олег сказал, что вычтет расходы на покраску с твоей зарплаты, корова.

И скрылась в коридоре.

А Василина Алексеевна, опешив, несколько минут не могла сдвинуться с места, и только нижняя челюсть её вздрагивала, словно главбух вздумала что-то ответить, да потеряла дар речи. И когда, наконец, оцепенение прошло, Алексеевна тяжело опустилась на офисное кресло и уронила голову на ладони.

– Боже мой! Боже мой! – шептала Василина. – Что это такое?

Неужто Леночка говорила правду, и она могла так вот недогадать и не оплатить всю сумму по договору? Разве такое когда-нибудь бывало?

Ей давно уже минуло пятьдесят, и коллеги ожидали, когда же, наконец, Алексеевна пойдёт на пенсию (а оставалось до этой роковой даты пол-

года!), и компания, по сложившейся традиции, закатит тогда прощальный фуршет с поздравлениями, показательными сожалениями, и обязательными часами на память. Конечно, найдутся те, кто погрузит об её уходе, кто-то и порадует (Леночка-то уж точно), а многим будет просто всё равно – лишний «короткий день» да халявное шампанское под заунывные тосты, – а кого провозжают на пенсию, пусть даже и саму Леночку в её ослепительно красном платье, им всё равно. Они просто ещё не знали, что Василина Алексеевна уходить с работы не собиралась, а раз так – никакого банкета и не будет.

Впрочем, пенсия вспомнилась совсем по другому поводу: больше всего Василина Алексеевна опасалась старческой деменции. Она слышала это выражение в утреннем эфире по ТВ, когда обсуждали слабоумие, и часто невольно возвращалась к этой теме: как ужасно превращаться в овощ, который забывает о чайнике на плите, о своем дне рождения и становится хуже ребёнка.

«Неужели у меня наступает эта самая деменция, – думала Василина Алексеевна, и всё удивлялась: «как можно было забыть оплатить по договору!»

Но потом, то ли она стала немного приходить в себя, то ли её разобрала злость от хамства Леночки, а может, и сработала защитная реакция в голове, но Алексеевна вдруг разозлилась и с грохотом шлёпнула папкой с договором по столу.

– Что это ещё за глупости?! Да как смеет эта крашенная овца меня обвинять в такой мерзости?! – раскипятилась Алексеевна и с такой решительностью бросилась перепроверять прошлогодние платёжки, что если бы кто заглянул сейчас в бухгалтерию, у него зашевелились бы волосы от ужаса и он кинулся вызывать скорую – такое зверское выражение сияло на лице главбуха.

Может, поэтому Леночка и не спешила возвращаться обратно?

Правда, через час, когда пришла Женя, Василина Алексеевна слегка успокоилась, и её лицо приняло привычное непроницаемое выражение властительницы цифр, морщины вокруг губ разгладились, а щёки покраснелись.

Женя, вся запыхавшаяся, взгромоздила сумку на стул для посетителей.

– Ох, извините, Василина Алексеевна, за опоздание, думала быстренько, но такая очередь, такая очередь! Ужас смертный просто! Водила дочку к терапевту, – кашляем! А талоны, как всегда, дефицит. Еле уговорила принять нас, – щебетала она, расправляя куртку на вешалке. – Потом вот ещё за маслом сливочным забежала, а то расхватывают к обеду. У них такое масло классное, настоящее, не пальмовое! Муж лопает вместо хлеба.

Судя по сумке, у которой вот-вот лопнут бока, покупки маслом не ограничились, но Василина Алексеевна деликатно промолчала и только неопределенно хмыкнула.

– А что это вы с утра бумагами, как баррикадой, обложились? – поинтересовалась Женечка, подправляя причёску и доставая косметичку из сумочки.

Алексеевна махнула рукой, мол, даже и не спрашивай, и Женя понимающе кивнула, рассматривая в зеркальце какой-то прыщик на щеке.

– Ну вот, опять воспалилось от этой пыли, – с досадой пробормотала она. – Как только у нашей Ленки ничего не выскакивает – поразительно! Вот же кожа у людей, а у меня... эх...

– Так надо как Ленка работать, – Василина Алексеевна изобразила в воздухе кавычки на этом слове. – Тогда и кожа будет как у младенца. С утра вон полчаса тут прифуфыривалась, потом хвост распушила и утьюффф! – и правая рука Алексеевны описала полукруг к иллюстрации этого самого «утьюффф».

Женя ухмыльнулась, прикрывая «тоналкой» прыщик:

– Ошибайтесь, Василина Алексеевна, Леночка наша работает, ещё как работает! Почти каждый день с Олегом в кабинете финансовые вопросы обсуждает.

– С Олегом? Директором?

– Ну не с нашим же водилой, он таблицу умножения от калькулятора не отличит, – Женя рассматривала в зеркальце свои труды. – Ага, вот теперь получше. – И опустила косметичку в безразмерную женскую сумочку.

– Ой, только не говорите, Алексеевна, что вы не знали? Все об этом только и трывдят.

– Но он же женат?! – Василина Алексеевна, поражённая такой новостью, даже выронила папку с договором на стол.

– Ха, а когда жена мешала мужу обсуждать финансовые вопросы? – рассмеялась девушка. – Ну вы же не мамонт дореволюционный, ей-богу, нашли, чему удивляться.

Алексеевна ничего не ответила, но новость её взволновала, и взволновала не как очередная горячая сплетня, а потому как в голове закрутились слова Леночки о машине Олега, о коллекторах, и якобы, недоплате по договору. Василина сидела и думала – нет ли тут какой-нибудь связи или всё – простая случайность?

Незадолго до появления Жени Василина Алексеевна, действительно, обнаружила, что по тому злополучному договору проскочила недоплата, но была она гораздо меньше и какая-то странная. Конечно, главбух боялась этой самой деменции и пугалась, когда забывала о поставленном супе на плите (хотя её дочь, гораздо моложе, забывала о супе ничуть не меньше, уткнувшись в смартфон), однако, Василина прекрасно помнила, как тщательно выверяла все платежи, и даже, в свое время, видела подтверждение от контрагента об отсутствии претензий по оплате. А теперь этого подтверждения нигде не было, и ребята из договорного и из юротдела тоже ничего не нашли, как будто всё испарилось.

Алексеевна стала проверять другие платежи и договоры: весь её тщательно выстроенный мир контроля и порядка рушился на глазах. За год «всплыло» пять сомнительных платежей, а если покопаться как следует, сколько их будет? Суммы в целом были небольшие для оборота фирмы, редко достигали двухсот тысяч, но всегда шли по одному направлению, в адрес некого «Мегакредит плюс» – те самые коллекторы, о которых говорила Леночка?

Ночью главбух ворочалась с боку на бок, не в силах заснуть.

– Когда это прекратится? Ты будешь спать, в конце концов? – ворчал муж.

Она на время замирала, но как назло, начинал чесаться то нос, то бок, то спина, терпеть не удавалось, и приходилось переворачиваться. А перед глазами всё стояли эти странные платежи, и в голове звучали слова Леночки и Жени.

Олег? Олег был приличный мужчина, солидный. Алексеевна работала с ним уже десять лет, и он не будет пускаться в сомнительные авантюры. Тем более, связываться с Леночкой. Что ж, её коллега красивая девушка, если отбросить предвзятость, и не такая уж пробка, даже есть, о чём поговорить. Но стоит ли вмешивать её в какие-то финансовые «шуры-муры», когда банковский ключ от системы дистанционного обслуживания у самого Олега, и ему ничего не стоило перевести себе любую сумму. От кого ему таиться, если он

не наёмный работник, а владелец фирмы, разве не бывало такого, когда он или Рустам, его совладелец, списывали со счетов небольшие суммы «на карманные расходы», и Алексеевна потом всё это «прикрывала как надо», чтобы налоговики меньше придирались. Может, не стоит копать под всё это, выяснять, что и как, а просто закрыть глаза и успокоиться?

Алексеевна задремала лишь под утро, но только глаза сомкнулись, заверещал будильник, и Василина с красными от недосыпа глазами и отекившим лицом помчалась на работу, и честно пыталась обо всём забыть, словно увидела и сомнительные платежки, и стычку с Леночкой во сне. Как замороженная, ходила она по кабинету, и всё шло не так: отвечала невпопад, несколько раз упорно вводила не те данные в программу, забыла про обед.

А когда возвращалась с работы, долго не могла на остановке вспомнить номер нужного ей маршрута, и по ошибке села на другую маршрутку, которая огибала приличный крюк до её дома. Пришлось, покачиваясь на ухабах, дремать у окна и вздрагивать от сырого холода, напускаемого каждый раз на остановке, когда хлопали дверьми очередные пассажиры. Один из таких хлопков неожиданно вывел Василину из вязкой дрёмы и несколько секунд она растерянно смотрела в окна, пытаясь понять долго ли ещё до нужной ей остановки. По радио вместо музыки передавали новости, рассказывали об аресте

директора и главного бухгалтера какой-то фирмы в Москве за финансовые махинации.

«Господи, да ведь так могут и меня ведь под белые ручки вывести!» – внезапно обожгла её мысль, и она вновь взбудоражилась сомнительными платежами и вновь ходила на работу очумелая.

– Зачем ты себя изводишь! Поговори напрямую с Олегом, – советовал муж, размешивая сахар в чае, и громко стуча ложкой.

– И что я ему скажу, – морщась от противного звука возразила она. – Дорогой Олег, я думаю, ты мошенник и воруеть деньги компании?! Да он выпрет меня в тот же час с работы! не забывай у нас еще кредит за твою машину не выплачен, и за ремонт на даче, тоже, между прочим.

Муж вздохнул, пожал плечами, и ничего не возразил. А Василина Алексеевна каждый раз на работе перепроверяла все платёжки и «первичку» теперь по десять раз. «Всегда считала себя таким опытным бухгалтером, – думала она. – А меня обвели вокруг пальца как девчущку». И никак не могла понять: ей обидно от этого, или от того, что обстряпали всё без неё. Значит, не доверяют? Или просто желают подставить? И последнего она боялась больше всего. Доказывай потом следствию, что ты не верблюд. Если и не посадят, то нервы истрепят – мама не горюй! А позору сколько – как соседям в глаза смотреть: с виду добропорядочная женщина – а воровка!

В таких раздумьях пролетел месяц, подходило время отчётности, уплаты налогов и прочей финансовой «мишуры», и теперь она задерживалась допоздна, когда уже все расходились, и даже Женя, её любимая и верная помощница в такие дни, и тем более Леночка, оставляли её в полном одиночестве в семь вечера. Леночка доводила Василину Алексеевну до белого каления: как такая пробка могла столь гладко подменять её на больничном, если даже в проводках путается!

В последний день перед сдачей отчётности главбух засиделась ещё позже обычного, потеряв счёт времени, и опомнилась только, когда в кабинет с грохотом ввалилась Лида – их уборщица. Она всегда приходила мыть офис поздно, в фирме ей доверяли, и охрана могла пустить её даже и глубокой ночью.

– О, Алексеевна, всё никак не наработаешься? – подмигнула она. – Смотри, мужик, чай, из дома выгонит!

– Ой, Лид, кабы выгнал – может и легче стало. Молодого нашла бы себе тогда, – отшутилась Василина.

– А что это тебя все бросили-то? – спросила уборщица.

– Да, у Женьки семья, ты же знаешь, маленький ребенок, куда ей по ночам сидеть. А от Ленки толку, если честно, нет, пробка непробиваемая. Как только она справилась вместо меня, пока я на больничном была – уму не постижимо, – разоткровенничалась Василина.

– Так, это, ей как бы Женька, подмогнула, – Лида отжала тряпку и пыталась нацепить её обратно на мудрёную импортную швабру. – Во гад, напридумают всяку бяку, никак не запомню, куда жать-то! Женька – моя соседка. Ленка к ней шастала день-через день, да и сама Женька-то тута по ночам часто сидела, и до твоего, Алексеевна, больничного, между прочим.

– Вот как? С Леной? По ночам? – Алексеевну поразила эта новость.

Почему ни Ленка, ни Женя никогда не говорили о своем тесном общении? Женя за глаза не стеснялась посмеяться над Леночкой, да и та отплачивала Жене тем же. А получается, всё это время Женя страховала «подругу»... или «подельницу»?

– Ну а чё удивляться-то, Василина Алексеевна, – Лида орудовала шваброй как бульдозером. – Работает девка на трёх работах, домой ночевать... эх, грузики-то у вас натопатано-то... ешки-и-ин кот... во поросята-то... ночевать только приходит.

– Так кто сейчас, Лидочка, не работает так? – Василина Алексеевна выключила компьютер, и стала собирать папки со стола. – Времена такие, и машина нужна, и квартира... словом, как потопашь, так и полопашь.

– Нууу, – Лида оперлась на швабру передохнуть. – Тут, как бы, другое-то. Брат у Женьки скот распоследний, поддома родительского пронаркошил, кредитов набрал. А кому расплачиваться-то теперь? Вот это как бы Женька и тянет...

Алексеевна удивилась ещё больше такой новости. Она никогда не слышала от Жени про подобное, да и не производила Женя впечатление замученной жизнью, но развивать эту тему главбух не стала.

Разговор для Василины Алексеевны расставил многое по своим местам. «По крайней мере, – думала она, – теперь понятно, почему Леночка справилась на моём больничном так. А Женька, посмотри, какая жучка, хоть бы словом обмолвилась». И пообещала себе главбух держать ухо с «девками» в остро, чтобы не попасть в какой просак, – кто знает, насколько тесно общаются Женя с Леночкой и какую комедию тут разыгрывают?

Правда, через неделю-другую Василина слегка успокоилась и даже попрекала себя, мол, до какой же ты, Алексеевна, паранойи опустилась, так и офисного кота Архитектора подозревать станешь. И становилось от такой мысли легче и просторнее дышать.

Отчеты были сданы, и с работы теперь уходили пораньше. Но в один вечер Василина Алексеевна всё же задержалась, поскольку полдня просидела в поликлинике, а откладывать на следующий день срочную работу не любила. Потому закрыла кабинет только в одиннадцатом часу, когда в офисе не оставалось никого, кроме охранника.

Фирма занимала пятый этаж офисного центра, коридор изгибался буквой «Г», это удлиняло путь,

и Василина срезала через общий зал, где обычно сидели менеджеры и инженеры, – с него можно было попасть сразу к лифту. Задумавшись, она не сразу заметила свет из открытой двери кабинета Олега. Оттуда доносился ровный гул компьютера.

«Странно, – подумала Алексеевна. – Олег редко задерживается дольше девяти». И заглянула. В кабинете никого не было, монитор на столе призывно светился бело-зелёно-жёлтыми полосами программы онлайн банкннга, и на столе лежала такая же бело-зелёно-жёлтая флешка-ключ.

– Это что за чуда-юда! – воскликнула Василина Алексеевна.

– Это я! – раздался голос за спиной, и Алексеевна испугалась – «неужели я произнесла это вслух».

За спиной стоял Олег в расстёгнутой белой рубашке, из полуоткрытой двери соседнего кабинета доносилось слабое цоканье женскими каблучками.

– Что это тебе, Алексеевна, не спится? Бродишь тут, – почесывая волосатую грудь, спросил Олег, потом заметил её взгляд на флешке, и добавил:

– Хотел посмотреть, сколько у нас денег на счету.

– Хм, ну конечно, – смутилась главбух. Олег как директор был в своём праве смотреть любые счета, и тем более, использовать онлайн банкинг.

– Котик, ну ты долго ещё? – раздалось из-за двери, и Алексеевна вздрогнула от знакомого

голоса, но никак не могла распознать его почему-то, однако это точно не был голос Леночки.

– Сейчас иду! – крикнул Олег. – Василина Алексеевна, ну вы понимаете, надеюсь, всё останется между нами. Верочка, у неё большое сердце, и ей, ну вредно что ли, нервничать.

Верочку – жену Олега – Алексеевна знала плохо, и не стала бы сообщать о подобном в любом случае.

– Это ваше семейное дело, Олег Степаныч, – сжав губы сказала она и, пожелав Олегу спокойной ночи, поспешила к двери, но не успела дойти до неё, как из полуоткрытой двери «с каблучками» вылетела девушка.

– Олег, ну что ты застрял... – Женя осеклась, увидев Алексеевну.

– Василина Алексеевна? – удивилась она.

Женя была восхитительна, распустила волнистые волосы по плечам, лёгкое голубое с белыми вставками платье стройнило её пухленькую фигурку, и Василина Алексеевна даже невольно залюбовалась ей.

– Не знала, Женя, что ты Леночке помогаешь не только сводить отчетность, но и обсуждать финансовые вопросы с Олегом Степанычем.

Женя открыла было рот, но Алексеевна сухо кивнула и поспешила к лифту.

Она ехала в такси домой, по салону пробежали тени деревьев, фонарей, в глаза били фары встречных машин, и всё это напоминало офисную мышиную возню, когда словами ослепляют,

длинные извилистые тени отбрасывают неказистые коллеги, и за твоей спиной столбами света разбегаются сплетни, и то меркнут, то сливаются друг с другом.

«То, что у Жени с Олегом связь – очевидно, – размышляла Василина Алексеевна, – обсуждать в одиннадцать вечера финансовые вопросы они вряд ли станут... хотя флешка-ключ на столе... Впрочем, одно другому не мешает». Получается, что Женя ей врала, и Леночка вовсе не имеет отношения к Олегу? И все отчеты и все платежи, может, тоже проводила Женя? Или они с Леночкой на пару «промышляют»?

А Олег – подворовывает у фирмы? Нет, зачем это ему? К чему? А эти платежи, этот «Мегакредит плюс», брат-наркоман в кредитах – теперь для Василины Алексеевны всё становилось ясно, не понятно было только одно: почему именно так, почему Олег не мог просто помочь своей любимице напрямую из личных средств? Боялся, что узнает жена? Меньше всего она верила, будто Олегу понадобилось «нырять» в банк ночью ради просмотра средств на счёте, теперь она точно знала, что именно они с Женей и проводили сомнительные платежи, а потом «подчищали» и документы, – уж кто-кто, а Женя с её головой могла и не такое проделывать. Сколько раз сама Алексеевна просила её помочь прикрывать сомнительные операции (что ж, такова жизнь и таков бизнес – от этого никуда не деться). Но потом она начинала сомневаться в своих рассу-
ж-

дениях – а вдруг платежи, Женя в кабинете и её брат вообще никак не связаны?

И чем ближе такси подъезжало к её дому, тем сильнее она запутывалась в своих размышлениях: слишком привыкла она к другому образу и Олега, и Жени, и Леночки, и уже не знала, чему верить и как всё выстроить в единую картину.

Утром Василина Алексеевна сравнила время злополучных переводов, и её догадка подтвердилась, все они совершались поздним вечером или рано утром. За вчерашний вечер и сегодняшнее утро, правда, ничего не было, но, возможно, она просто спугнула их. Она сидела, смотрела в монитор и не могла решить – стоит ли говорить Рустаму? Да и что она ему скажет? Не будет ли только хуже? Вдруг Рустам в курсе, а Василину Алексеевну за лишнюю болтливость попрут.

К обеду пришла Женя.

– Василина Алексеевна, там это, – начала она. – Олег просил вас зайти к нему. Срочно.

«Ну вот, наверное, уволит» – подумала Алексеевна, но молча кивнула и пошла к Олегу.

Олег был любезен и предложил сесть. Потом долго зачем-то говорил, какой она классный специалист, и как ему приятно с ней работать, и что она вместе с ним и Рустамом стояла у истоков фирмы. По всему было видно, что больше всего Олег переживал, не проболтается ли Василина Алексеевна. Говорил, а сам стучал костяшками пальцев слегка по крышке стола или перекадывал ручку с места на место.

– Короче, Алексеевна, – зажигая сигарету и затягиваясь, продолжил он. – Мы тут подумали с Рустамом и решили немного повысить тебе зарплату, скажем, так процентов на двадцать. Ну и плюс премия в конце года – три оклада.

«Покупает», – подумала Василина Алексеевна, и ей стало мерзко, но премия в три оклада была как нельзя кстати с их-то кредитами, да и прибавка к зарплате тоже. Она смотрела, как в окне хмурилось небо, и думала, что работу найти сейчас будет нелегко, тем более в её-то годы, когда до пенсии осталось всего несколько месяцев.

– А Рустам-то знает? – неожиданно для себя спросила она.

– Ну конечно, говорю же, мы с ним всё обсудили! – Олег стряхнул пепел в коричневую пепельницу, которую привез откуда-то из Африки, и наклонился поближе к Алексеевне.

– Я не про зарплату, а про вечерние платежи? – выцедила Василина Алексеевна. – Я всё знаю, Олег. Я никогда не забывала платить по договорам, и все эти «доплаты» – липа.

– А вот это уже тебя не касается, – голос Олега задрожал, и он откинулся на спинку кресла. – Это моя фирма, это мои деньги, и как я ими распоряжаюсь – не твоё дело. Тебе платят деньги, и заметь (он поднял указательный палец вверх), неплохие деньги. Думаю, их вполне достаточно, чтобы ты знала свою работу и своё место. Если не можешь справиться, найдутся другие.

– Женя что ли? – с вызовом, дерзко, спросила Василина и нижняя челюсть опять слегка задрожала.

– А у нас мало специалистов в городе?! – усмехнулся Олег, и посмотрел на неё с такой злобой и раздражением, что она согласно кивнула головой и поспешила удалиться из кабинета.

На следующее утро на её столе лежал приказ о повышении оклада. Женя с ней по-прежнему щебетала, как ни в чём не бывало, а Леночка по утрам по полчаса наводила красоту у зеркала с косметичкой. И ничто не говорило о том, что Лена с Женей больше, чем просто коллеги. Рустаму Василина Алексеевна ничего не сказала, в конце концов, это не её деньги, и не её фирма, а работу найти в таком возрасте совсем не просто, да и кредиты платить чем-то надо.

Единственное, о чём она думала время от времени – не грозит ли ей вся эта катавасия какой-нибудь ответственностью и проблемами с полицией, если вся афера с деньгами раскроется. С одной стороны, она главбух и вроде как за всё в ответе, с другой стороны, участия во всём этом не принимала (или принимала, но невольно). В уголовном праве Василина Алексеевна была не сильна, а консультироваться с кем-нибудь побоялась, чтобы не навлечь лишних подозрений. Мало ли, у какого какие общие знакомые, и пойдут разговоры, что главбух «Славуча» про такие вещи расспрашивает.

Она настолько боялась какой-то огласки, что стала меньше общаться с коллегами, и даже не пошла на новогодний корпоратив – не желала видеть ни Олега, ни Женю, ни Леночку, ни тем более, Рустама («а вдруг проболтаюсь!»), отговори­лась плохим самочувствием, и все, кажется, в это поверили, тем более, совсем недавно она так долго просидела на больничном.

Новогодние праздники с мужем они провели за городом, на даче (она хотя бы немного успокоилась), и вернулись только под Рождество. Василина Алексеевна вспомнила о рождественском подарке для внука, который совсем забыла с этой суетой купить, и пока не закрылись магазины, бросилась на поиски какой-нибудь игрушки

или, может, набора конфет. Бегала по городу, но никак не могла найти подходящие: или цена кусалась, или оставались только выборки. Так что пришлось заехать в торговый центр на другом конце города – она не любила его за огромные размеры, вечную суету, шум, и потому бывала тут крайне редко.

Переходя от магазинчика к магазинчику, Василина Алексеевна очутилась у центрального эскалатора на верхнем этаже. Здесь располагались скамейки для отдыха, кафе, закусочные, на стенах висели какие-то картины, журчал небольшой фонтан, и она присела на одну из скамеек отдохнуть и немного «посчитаться», так как боялась не уложиться в бюджет. И бывает же такое, что нечто противное словно преследует человека! Стоило ей присесть, как взгляд упал на столики соседнего кафе, и за одним сидел Олег, а рядом с ним... Леночка! Они её не видели, а вот Василина Алексеевна, хотя обзор и загораживала ваза с карликовой пальмой, заметила, как Леночка своей рукой касается руки Олега и смеётся.

«Боже мой, у него что, целый гарем на работе! Женя... Леночка... кто ещё?» – подумала Василина Алексеевна, и тут же из глубин опять поднялась муть переживаний и страхов. Всё воцарившееся на время «каникул» спокойствие оказалось миражом. Неужели, она просто запрещала себе думать об этом и волноваться? Когда-то Василина Алексеевна слышала, что человеческий мозг может отключить самые неприятные пережива-

ния, чтобы не сойти с ума, это как предохранитель, который срабатывает и цепь разрывается. Теперь эта цепь опять замкнулась.

В руках Василина Алексеевна держала смартфон и решила сделать несколько снимков Олега и Леночки (потом долго удивлялась, зачем и с чего это), но пока она готовилась, «наводила» смартфон на парочку, к ним присоединилась ещё одна женщина, смутно напоминавшая кого-то. Женщина присела за столик и оживленно жестикулировала, то оборачиваясь к Леночке, то к Олегу, и они дружно смеялись над чем-то.

По дороге домой она никак не могла выкинуть из головы увиденное. Олег, Женя, Леночка, какая-то полужнакомая женщина – связаны ли они все с сомнительными переводами? «Очень странно, – думала Василина Алексеевна, – почему меня не смутила до сих пор эта неслыханная щедрость Олега?». Всего лишь два года назад, когда они с мужем брали кредит на ремонт дачи, она просила о небольшой прибавке процентов в пять, и тогда Олег закатил глаза словно у него отнимают последнюю копейку. А тут сразу двадцать! И что это – просто за молчание о его шашнях с Женей? Вряд ли!

Получается, Олег знал о её подозрениях. Возможно, Леночка доложила Олегу о её разговоре с ней, да и Женя, с её светлой головкой, вполне могла заметить странное поведение Василины и это копание в документах. А если так, то не проще ли было просто уволить Василину, выдавить из

коллектива, чем платить такие деньги? Если только они не желают как-нибудь её подставить? Ведь как говорят, сколько верёвочке не виться, всегда конец будет, и Рустам, если не знает о махинациях, обязательно обо всем проведает.

Своими размышлениями и опасениями Василина Алексеевна поделилась за праздничным столом. Они собрались семьёй: она, муж, дочь и зять, и в разговорах засиделись допоздна.

– Не понимаю я вас, мама, – говорил зять. – Вроде главбух, с опытом, а как-то... э-э-э... мутно всё смотрится. Ну разве можно проворачивать этакое, а вы не знали? Да не в жисть не поверю.

– Ты чё баран, – зашипела на него дочь. – Ты чё это, в чём-то мамку подозреваешь? Вышла замуж за козла! Ну держись, – придём домой ещё!

– Да я чё... я чё... – забурчал зять и уткнулся в стол.

– Не ругай его, – заступилась Василина Алексеевна. – У него взгляд со стороны. И он в чём-то прав. Доверчивости надо поменьше.

Ронять свой авторитет в глазах зятя Василина Алексеевна окончательно не стала, а потому промолчала, как доверяла Олегу и Жене, как подписывала чистые бланки, и листы с бумагой «на всякий случай», как перекладывала часть своей работы на Женю, а потом не перепроверяла толком. «Боже мой, – вертелось в голове, – и после этого я считаю себя опытным бухгалтером. Каждая копейка на счету под контролем... Как же! Да, дура я набитая!».

Когда прощались у подъезда, зять обернулся и сказал:

– Я б на вашем месте, мама, этот «кредит-плюс», или как там его, пробил.

Василина Алексеевна удивлённо посмотрела на него: такой разумности от своего зятя никак не ожидала. Она даже не додумалась заказать хотя бы выписку из реестра, не то чтобы как-то более серьёзно пробить получателя платежей.

Правда, выписка ничего конкретного ей не открыла, имя владельца «Мегакредита» – Мария Александровна Скворцова – ни о чём не говорило. Просить юристов пробивать по своим базам получше, она побоялась. Зато в компьютере на диске откопала старые фотографии с прошлогоднего новогоднего корпоратива, и там-то, на одном из снимков, и обнаружилась та самая загадочная женщина с торгового центра!

– Лена, детка, – обратилась она к Леночке. – Ты случайно не знаешь, кто это такая?

Обратилась намеренно – проверить реакцию.

– Так это же Вера, жена Олега! – удивилась Леночка, всматриваясь в монитор. – А что это вы вдруг спрашиваете?

– Да разбирала компьютер, а то навалено файлов как в помойке. Вот старые фотки нашла, всех знаю, а эту нет.

– Ой, бывает, – улыбнулась Леночка, и эту улыбку Василина истолковала как намёк на её возраст и начинающийся маразм.

И опять Василина Алексеевна просчиталась с реакцией Леночки, как и в прошлый раз. В глубине души она рассчитывала, что девушка заволнуется, как-то выдаст себя при виде фотографии, но Лена оставалась спокойной. Хотя, с чего бы это ей и волноваться? Если они с Олегом спокойно встречаются на виду у его жены...

Василина сидела и уговаривала себя успокоиться, утомониться, перестать думать про эти любовные, уже не треугольники, а кубы. И прекрасно понимала, как глубоко всё засело в голове, и пока она будет тут, покоя не видать. Выход напрашивался сам собой – уйти на пенсию, оставить всё на Женю, Леночку или кого угодно, но зато спать спокойно. Вздрагивать время от времени из-за страхов попасть под следствие или терзаться сомнениями надоело. Сказать, что её руки чисты и она никогда не прикрывала «что-нибудь этакое» было нельзя, но тогда Алексеевна знала об этом, сама контролировала процесс, сейчас же цель переводов была ей непонятной. Может, Олег хотел просто уменьшить чистую прибыль общества, и выводил деньги на свою подставную фирму, и тогда Рустаму досталось бы в итоге меньше «дивидендов». Может, дело в Жене и её брате-наркомане, а может, тут вообще пахнет криминалом!

– Ах, только этого не хватало! – вскрикнула Василина Алексеевна от последней мысли, и в этот же день бросилась в пенсионный фонд

писать заявление о назначении пенсии, а на другой всем объявила, что собирается уходить.

Олег попытался её отговорить... при всех на планёрке, скорее, просто для галочки, чтобы не бродили по коллективу разговоры, мол, столько лет работали, такой специалист, а он так легко её отпускает. А на самом деле (Василина это чуяла по тому, как Олег подбирает слова) рад до невыразимого восторга её уходу.

– Жаль, очень жаль, – театралью подчёркнуто вздохнул Олег, когда Василина упорно подтвердила своё желание отдохнуть на пенсии. – Нам будет тебя, Алексеевна, очень не хватать. Только ты подзадержишься немного ещё, с месяцок-другой, дела передай, подучи-подскажи ещё.

– Кому? – Василина Алексеевна вся подобралась, ревностно ожидая имя приемника. Не сомневалась – Олег давно продумывал вариант с её уходом и, наверняка, присмотрел ей замену.

– Как кому? Кто у тебя зам? Леночка? Вот Леночке и передай, – невозмутимо ответил Олег.

Василина Алексеевна ожидала имя Жени или кого другого, но никак не Леночки. Неужели Олег не понимает, какая она пробка? Да и как отреагирует Женя на подобное?

– А с Рустамом ты советовался? – неожиданно для себя ляпнула Василина Алексеевна.

– Вот ещё, только его тут не хватало, – прорычала Женя (её с Леночкой пригласили на плаёрку

как раз по случаю ухода Василины на пенсию), и они с Олегом многозначительно переглянулись, а Василина Алексеевна предпочла промолчать.

Через неделю под утро её разбудил звонок на мобильный, номер был странный, федеральный.

– Василина Алексеевна? – раздался в трубке мужской голос.

– Да, это я, – испугалась Василина. – А в чём дело? Кто вы?

Звонили из банка: пришло поручение на списание десяти миллионов со счёта, и банк засомневался, всё ли в порядке у клиента, и действительно ли распоряжение идёт от него. К тому же, как выразился голос, это был очередной платёж. А первый, на полтора миллиона, они уже провели несколько часов назад.

– Блокируйте платёж! – запаниковала Василина Алексеевна и кинулась на работу.

На работе уже всё стояло на ушах: из кабинета Олега слышался его рык, чьи-то слезы и всхлипывания, у дверей мялся охранник с растерянным лицом. А когда Василина Алексеевна подошла поближе, её чуть не сбила с ног зарёванная Леночка. Олег же ходил по кабинету от окна к столу и курил.

– Тебе тоже звонили? – спросил он.

– Только что! – ответила Алексеевна, тяжело присев на стул, и разматывая шарф с шеи. – Ну что там?

– Что-что! Эта овца крашенная вчера оставила флешку в компьютере, и ночью... в общем,

не знаю, что, кто... Полтора миллиона! Полтора!
Понимаешь?!

Олег стукнул по столу кулаком:

– Дебилы! Всех уволю! И банк сменю тоже!

Василина деликатно промолчала. Говорить о том, что это Олег распустил свой гарем, посчитала неуместным.

– Вы должны были контролировать использование ключа и не оставлять компьютер включённым, – передразнил Олег кого-то, вероятно, службу безопасности банка. – А для чего тогда они там сидят, спрашивается?

– Ну они спасли нам, по крайней мере, оставшиеся десять, – резонно заметила Василина, но Олег так зыркнул на неё, что она предпочла ретироваться и, буркнув, что ей надо немного отойти, выскользнула в коридор.

Леночка рыдала в кабинете. Василина Алексеевна смотрела, как вздрагивают её плечи и всё смешивалось в душе: и злорадство, и обида, и жалость. Лена, всегда слегка самоуверенная, теперь напоминала ей нашкодившую школьницу.

– Ну что ты, Лена, успокойся, – неожиданно для самой себя Василина Алексеевна подошла и приобняла Леночку за плечо, та развернулась и уткнулась носом в плечо главбуху

– Это не я... не я, Василина Алексеевна! Я вчера положила флешку обратно в стол, я не знаю... как это... – рыдала она. – А он... он пробкой меня обзывал и матом... матом...

– Так, деточка, любовник любовником, а деньги-то важнее, – почему-то ляпнула Василина Алексеевна и спохватилась, но было поздно.

Леночка оторвалась от её плеча и посмотрела на Василину удивлёнными глазами.

– Любовник?

– Ой, Лена, знаю я всё, и видела вас с ним даже в ТЦ под Рождество!

– Да вы что, Василина Алексеевна? Вы что это? – Леночка часто заморгала, к левой щеке тянулась ниточка потёкшей туши. – Я и Олег? Да мы просто учились вместе на заочке с его женой... мы просто дружим... да что вы... какая мерзость... у меня парень есть!

И Леночка, разрыдавшись ещё сильнее, выбежала из кабинета.

К обеду в кабинете Олега сидели какие-то люди из банка, а по офису разгуливала полиция, расспрашивали, что да как. Василину Алексеевну допрашивали в числе первых, и она честно ответила, что ничего не знает, но про связь Олега с Женей, про свои подозрения, про сомнительные платежи промолчала, потому что опасалась, как бы самой не попасть под какое подозрение. Как она поняла, склонялись к версии об атаке хакеров, якобы компьютер могли заразить трояном и удалённо воспользоваться ключом.

– Вам ещё повезло, что мы так оперативно среагировали! – заметил парень из банка.

Банк послал через межбанковскую систему запрос на отзыв платежа, но шансы на возврат

средств были призрачными: такие деньги обычно разлетаются по подставным фирмам и тонут на счетах офшоров.

Леночка успокоилась и сидела молча за своим столом в бухгалтерии, и, хотя уже успела оттереть слезы и заново подкраситься, вид у неё был жалкий, как у нахохлившейся вороны в сырую погоду. Может, поэтому Василина Алексеевна сжалась и отпустила её домой.

– Иди, нечего тут сырость разводить, – сказала она. – Я Женьку попрошу выйти, если у неё получится. Без тебя тут поработаем. И можешь несколько дней, если что, не приходить. И за Олега не переживай, – на протесты Лены добавила Василина. – Пока бухгалтерия – моя епархия, мне и решать, кого отпускать с работы.

Женя долго не отвечала на звонки, потом взяла трубку и пообещала приехать. Василине Алексеевне показалось, что голос Жени взволнованный, даже напуганный, но когда девушка пришла на работу, то по-прежнему жизнеутверждающе щебетала, и даже обсмеяла ситуацию с кражей денег со счёта, мол, нет ничего надежнее, чем беречь деньги под матрасом и пользоваться деревянными счётами, а не компьютером.

На следующий день стало известно, что Леночку Олег уволил, потому как не может терпеть такую дуру и пробку в своей фирме и долго возмущался, какой идиот принял её на работу. Напоминать, что этот идиот – сам Олег, все как-то побоялись. А Жене предложили перейти в

фирму на постоянно и готовиться занять место Василины Алексеевны. И Женя разгуливала по офису с торжественным видом, и даже в голосе у неё стали проскальзывать слегка высокомерные нотки.

Василине Алексеевне стало так противно от всей этой возни и так хотелось вырваться домой, что она упростила Олега отпустить её на пенсию пораньше.

– Ты же знаешь сам прекрасно, что Женя и без меня справится, а нового бухгалтера в помощь ей быстро найдёте.

Олег колебался с минуту, потом согласно кивнул. И Василину Алексеевну проводили на пенсию, с традиционным фуршетом (пусть и более скромным, чем обычно) и часами в подарок, и пышными заунывными речами про то, как с ней было здорово работать и как её будет не хватать.

На полгода Василина Алексеевна уехала в гости к своей второй дочери во Владивосток. Они редко виделись (билеты-то какие дорогие!), и потому уезжать обратно не хотелось. Но муж постоянно ныл, как ему тяжело одному, да и выходное пособие, которое ей выплатила фирма, подходило к концу, и Василина Алексеевна вернулась обратно, в свой город.

В один день, прогуливаясь по рынку, она натолкнулась на Леночку, и они обнялись и расцеловались, словно старые подруги.

– Ну как ты, Леночка? Взял тебя обратно Олег на работу? Женька не гоняет?

Леночка удивлённо посмотрела на её.

– Как, а вы разве ничего не знаете? Женька-то наша сбежала!

– Как сбежала?! Куда? С кем?

– Говорят, за границу сбежала, деньги-то эти, полтора миллиона, она ведь увела!

Со слов Леночки оказалось, что Олег всегда был бабником, и Вера, его жена, прекрасно знала об этом (хотя он и не догадывался об этом) и терпела интрижки, лишь бы он её не бросал. Женя через Лену об этом узнала и затащила Олега в постель. А там оставалось только дело техники. Брат Жени, хоть и наркоман, но был отличным программистом, даже какую-то награду международную ещё в школе завоевал, он-то и написал какого надо «трояна», и вместе с сестрой всё провернули, а с флешкой Женя просто подкараулила нужный момент, чтобы все подумали, будто это Леночка по рассеянности оставила флешку в компьютере.

– Вот это да! – присвистнула Василина Алексеевна. – Кто бы мог подумать, чтобы Женя и...

– Долги, – многозначительно пояснила Леночка. – Брата-то её поймали, он-то всё и выболтал, а она успела того, тю-тю.

Они ещё постояли немного, помолчали. Василина Алексеевна никак не могла прийти в себя от услышанного.

– А эти платежи в «Мегакредит», получается, тоже были с этим связаны? – наконец, спросила она. – Ты-то в курсе, или нет?

– Да вы что, конечно, в курсе! Фирма-то на мою бабушку зарегистрирована. Это Женина идея была, типа чистой прибыли будет поменьше, а значит, и Рустаму «дивидендов» или как это там обзывается меньше достанется... ну, и мне, если честно, перепало немного.

– Вот как! – протянула Василина Алексеевна. – Такие труды, а в итоге – пшик какой-то! Бегай теперь по заграницам за полтора миллиона.

– Так это вы помешали, так бы, может, она и больше сцапала. – Леночка понизила голос и, поймав удивленный взгляд Алексеевны, уточнила:

– Сама слышала, как Женя Олегу жаловалась, что вы слишком нос суετε не в свои дела. И как бы Рустаму не проболтались про этот «Мегакредит». Вот, видимо, и побоялась, как бы всё не испортили, ну и поторопилась.

«Как странно, – подумала Василина Алексеевна. – Сколько непонятого. Почему же она не сбежала сразу? К чему все эти сложности были!» Но вслух этого не сказала.

Они ещё постояли, поболтали о том, о сём, Леночка убежала по своим делам, а Василина Алексеевна возвращалась домой, смотрела, как в окне маршрутки мелькают дома, деревья, люди, на ум всплывали всякие разговоры, платёжки,

вся эта утомительная бухгалтерия, и ей стало так жалко и Олега, и Леночку, и Женю, и себя, что захотелось просто закрыть глаза, заснуть, а, проснувшись, забыть всё, как глупый и страшный сон.

ИЗ РАННЕГО

СТЕРПИТСЯ – СЛЮБИТСЯ

– Выходи за меня замуж?

Вера даже не удивилась: ждала, всем сердцем чуяла – неспроста подарок был. Подарки она любила, но всегда принимала их с опаской и сомнением. Если дарят, то и тебе в ответ придётся когда-нибудь дарить. А посторонний человек, так и вовсе, без умысла ничего от себя не оторвёт. Вот и тут сразу поняла – неспроста такая щедрость. Подарок был роскошным, поистине царским, – расшитый, алого шёлка поясок, – и откуда только взял такой? Отказаться от дивного рукоделья было сверх её сил, потому продолжения ждала с нетерпением, кажется, готова была на любые жертвы ради такого подарка.

И вот свершилось! Захотелось как-то съязвить, огреть едким словом, чтобы оглох от её горячности, но сдержалась. Иван, конечно, не красавец, да красота-то ведь мужику и не нужна, мешает только. Сила и сноровка – вот истинно мужские достоинства: такой и защитник, и добытчик, семья за ним как за каменной стеной. Иван силён: грудь щитом стальным, богатырская, плечи врзлёт, кажется, всё небо загородить могут. Нос сломан? Так ведь с лица воду не пить. Да и серые горящие глаза, кучерявая русая голова –

при нужном настрое – и залюбоваться можно. А имя, имя какое! Русское, родное, ласкающее, что ещё надо? Ей ли выбирать: по молодости и горячности сколько женихов отвадила, а теперь в старые девки вот-вот запишут, осенью все двадцать пять стукнет. Зовёт замуж – так иди.

Появился он у них где-то с месяц. Первый раз вместо дядьки Петро приехал за молоком на ферму с молокозавода. Тогда только словом с ним перемолвились, он бы, может, и охочь был до большого разговора, да уж больно не понравилось Вере, как глаза у парня горели – постно-масляным отливом – так и гляди, руки измараешь, не отмоешь. Потом исчез и появился с неделю назад. Подкараулил её, когда возвращалась с фермы домой, перегородил тропинку, там, где она меж двух сараев стискивается, – стоит, улыбается.

– Ты чего? – испугалась Вера.

– Да так просто, – а сам ближе придвинулся и руками цап её за бока, а улыбка ещё шире, гляди, лопнет от натуги.

Обомлела от неожиданности, но быстро оправилась, толкнула так – шмякнулся о стену и упал.

– Ох, погляжу, горяча девка!

– А то!

После этого их дорожки не переплетались, и вот тебе – объявился вдруг с пояском шёлковым.

– Ну что? Пойдёшь за меня?

– А не боишься, добрый молодец? – смотрит с ехидцей, лукавым огоньком глаза горят. –

Я ведь девка горячая, сам знаешь, и убить могу, если что не так.

– Да уж как-нибудь сладим, сам не лыком шит.

На том и порешили: свадьбу осенью сыграют, после всех покосов, уборочных, тогда и поспокойнее будет, посытнее – за весну-лето пообвыкнутся, пооботрутся. Да и родных подготовить надо, всё-таки не та семья, чтобы с улицы мужа приводить. Что подумают по деревне-то, если без году неделю знакома, а сразу расписываться? Нет, лучше в невестах походить, и чтобы никаких вольностей-шалостей, времена хоть, может, и новые, да воспитания она старого, временем выверенного.

Ночью Вера не спала, крутилась с боку на бок, ругала себя на чём свет стоит – дала слабину ты, девка, ох как дала, как жить с таким будешь, без любви, без интереса, на голом то расчёте. Да и кто он? Кого не спроси – никто даже и не слышал, откуда да какие отец с матерью, приехал, говорят, не пойми – то ли с Урала, то ли с юга. А зачем приехал? Что ему не сиделось на месте-то? Чем уральско-южные девки хуже тутошних? Так и лежала, гладила под одеялом поясок шёлковый. «Эх, купил он тебя, Верка, – думала, – привязал к себе пояском туго, не отвяжешься»

Утром, было, решила пойти и назад вернуть и поясок, и данное слово, но в сенях поймала её мать. Зоркое материнское сердце ещё с вечера учуяло неладное.

– Ты, Верка, не глупи. Обещалась – иди. Любовь – глупости это, для кино, для книжек, а жизнь – она, доченька, как газета, сухая и лживая. Лишь бы в дом деньги носил, а детей родишь, так полегче станет.

Так и осталась Вера в невестах: от Ивана не бегала, но и особо не ластилась к нему; перед людьми тоже не выпячивалась новым положением, но и не скрывалась – старалась сама привикнуть к будущему. Жила ведь изо дня в день не своей жизнью, чужой: родителей, брата, колхоза – в клуб идти надо, шла; на ферму – так на ферму. Замуж? Что ж, и замуж, не для себя, а потому как надо, – знала только, что не сейчас, но когда-то там в далёком туманном завтра. А тут разом это завтра обрисовалось чётко, нахально, нахраписто, и всё сломало-переиначило. Приноравливайся по-новому, пристраивайся, да не привыкать, приноровилась – встречи с Иваном заняли место где-то между утренней дойкой, а по воскресеньям между вечерней, и домом. Пешком по выходным приходил ради неё из города, благо, всего каких-то семнадцать километров наискосок через лес, и гуляли вдоль берега, сидели на пригорке и больше молчали – он не умел говорить много, а она и не любитель была. Зачем сидели, зачем молчали? Наверное, надо было так, чтобы как у всех, чтобы как у людей.

И всё бы так и пришло своим ходом к разудалой обычной свадьбе «как у людей», если бы не отец.

Арестовали его в начале июня, только Вера с утренней дойки воротилась. Отец всегда отличался несдержанностью да горячностью на язык, на кулаки был холоден, а вот языком мог нарубить дров: не смотрел ни на что, замахивался с плеча, как думал. Правда больше как-то не по злomu, всё по мелочи, а тут вдруг ляпнул что-то на людях, да не по делу. Ляпнул и забыл, но кто нужно и где нужно не забыли, всё ему припомнили: и как в колхоз с неохотой пошёл, и как горячился в коллективе не по-разуму.

– Индивидуалистически, мелкобуржуазно мыслите, товарищ Свиридов, – сказал следователь, – времена у нас другие теперь, страна счастливая, думать больше надо о народе, о партии, на товарища Сталина равняться надо!

Вежливо так говорил, по-интеллигентному, затягивался и выпускал сигаретные кольца дыма, а затем энергично тыкал окурком о пепельницу и добровольно предлагал раскаяться, всё подписать как положено, по чину, а там – Родина не забудет своего сына, перевоспитает, выправит. Да заартачился товарищ Свиридов, стиснул кулаки, побелел:

– Не для того я всю жизнь горбатился, чтобы вы меня перевоспитывали! Вот вам, видели, – и в следующее мгновение лежал он, здоровый мужик с огромными сбитыми кулачищами, на холодном полу, и до блеска вычищенные сапоги оттанцевывали по его бокам и кадриль, и чечётку.

С отцовым арестом всё пошло наперекосяк: люди враз помрачнели, смотрели с опаской, кое-кто и с ненавистью, и со злорадством. Ждали вороны крови, словно радовались: не они сами на месте Свиридова, пронесло. Не любили всё-таки отца за язык его, не любили. Вопрос только: умели ли они вообще любить? Знакомо ли им было это красивое простое слово – «Лю-бовь».

Вера работала в эти дни споро, пуще прежнего, словно хотела спрятаться в работе, искала, чем занять руки, и всё выглядывала – не идёт ли Иван. А он, как назло, не появлялся – чуял, видать, как пёс, неладное и обходил стороной. Вместо него приезжал за молоком опять дядька Петро, а подходить к нему и допрашивать Вера побоялась – подумает, будто она, девка, за парнем бегаёт. А вскоре, как отчаялась уже ждать, Иван и появился.

– Вот что, Верка, ты меня не знаешь, и я тебя тоже. Ни я тебя замуж не звал, ни ты мне слово не давала, – и складно так заговорил, прям по-книжному, учёному, словно всё это время только и делал, как репетировал. – Ты пойми, Вера, мне неприятности не нужны. Я с врагами народа дел не имею и иметь не желаю!

Вера всё выслушала молча, шурудила в печи кочергой неистово, как молотком шахтёрским, словно самое нутро печное расковырять хотела.

– Ишь ты, как! Не поймали, а уже общипали, – с ненавистью швырнула на пол кочергу, пошла на Ивана медведем. – Убирайся, с глаз моих долой

убирайся, встречу – вот этими руками придушу, гадину!

Выскочил Иван с перепугу и бежать – до того глаза бешеные у Веры были, никак, ополоумела девка. А она рухнула на лавку и разревелась.

Так и не знамо, как и вышло бы, если не война. Можно ли сказать, что стала она спасением для их семьи? Вера не знала. Но немцы шибко нажали на отступающую советскую армию, и кто-то там, где-то, сжалился и отца вместо лагеря, вместо клейма, отправили на фронт. Впрочем, и брата тоже, и почти всех деревенских мужиков. И остались одни бабы и старики с детьми. Вести с фронтов приходили тревожные, но странно – полегчало на сердце, словно Вера чуяла, что и отец, и брат теперь в безопасности, как ни глупо это звучало. Там, на войне, судьба человека зависит не от капризной воли следователя, не от пересудов соседей и не от подарков, которым нет сил противиться; там всё по-честному, там судьбу вершит пуля, осколок, везение, а не твои слова. И потому Вера была спокойна за отца: наедине со смертью, лицом к лицу, как-нибудь сдюжит, как-нибудь выживет. Да и не могла война быть долгой, сегодня немцы жмут, так завтра наши соберутся силами и обязательно дадут отпор – в это все верили, а потому и она верила.

Иван быстро забылся в заботах – покос выдался тяжёлым, изнуряющим, такой же изнуряющей обещала быть жатва. Но как только хлеб

налился золотистой спелостью, произошло совсем неожиданное. В тот день они впервые вышли убирать дальнее поле. Солнце уже поднялось над иссиня-чёрной кромкой леса, тянущегося вдоль переливающейся серебром ленты реки; обильная роса подсохла: день обещал быть необычно жарким, как и вся неделя до него. Несмотря на это работалось споро: бодрое тарыхтение трактора, мелодичный звон косы, стрекотание кузнечиков – всё сливалось в дивную песню, которая проникала в самое сердце и от него кровотоком отзывалось в кончиках натруженных пальцев. Вся усталость от ранней зоревой дойки ушла, растаяла, и Вера, как мифический богатырь словно срослась с полем, так и ходили загорелые руки, сжимались и разжимались мышцы бодрыми пружинами. И от натуги рождался от запястий странный гул, подымался и опадал, зудел, и казалось, вот-вот дойдёт до самых плеч и напряженно лопнет.

Всё в этом гуле было неестественным, чуждым растекающейся вокруг песне, и Вере показалось что это от усталости, от её неумной жажды забыться в рабочем угаре, но как только она остановилась передохнуть, гул стал ещё чётче и теперь исходил не от рук, а откуда-то со стороны реки, от моста. Прикрывшись ладонью от солнца, Вера вглядывалась вдаль, пока не смогла различить чёрную точку, натужно подымающуюся в гору по извилистой дороге.

– Никак, к нам гости пожаловали, – бабы побросали работу, сгрудились и молчали, словно боялись пропустить нечто важное.

Машина вылетела к полю, лишь слегка сбавив ход, из окна высунулся водитель – помятый лысый мужичонка в кепке набекрень.

– Немец у Плещеевки! Гоните быстрее скот на область, – прибавил газу и, подняв облако пыли, скрылся.

А следом от леса догнала и ударила ещё одна волна гула, срывающегося, то тонко-комаринного, то тяжёлого шмелино-утробного дребезжания. Одна, вторая, третья нарастающие точки жуками выползали из леса и направлялись к мосту.

– Повоевали, бабыньки, – услышала Вера голос сухонькой, в синем платочке бабы, и звучал он так жалко и так чуждо, что захотелось от него зарыться поглубже в хрустящую золотую солому и лежать так до скончания века.

Немцы обосновались на селе по-будничному тихо, словно это не была русская деревня, и всё происходило где-нибудь под Берлином в расово-правильном немецком крае. Заняли лучшие дома офицеры, в правлении колхоза обосновался штаб, и деревня зажила особой, непонятной жизнью. Фашисты вели себя удивительно мирно, если не принимать в расчёт, конечно, добровольно-принудительное поедание птицы и скота. И всё же, в воздухе накапливалась, всем телом чув-

ствовалась напряженность, словно реальность переместилась в зыбучие сны и вот-вот прорвётся кровавым фурункулом обратно. На Веру это действовало таинственно, гипнотически, она стала проваливаться в непонятно-тревожные думки, вспоминала Ивана, отца, подолгу смотрела, как копошились немцы у своих мотоциклов или плескались под водой, – они до надоедливости любили купаться, облепливали единственный колодец на улице, гремели вёдрами, гортанно кричали, фыркали, обливали друг друга, и порой казалось, что вместо них свора диких собак сбегалась в деревню и лает, и грызётся, и катается по траве, то отряхиваясь так, что брызги летят в разные стороны, то вновь окунаясь в тихую русскую воду, смешивая, отравляя её своим потом.

– Вылитые ироды, – плевалась в такие минуты мать, и это толчком ударяло Веру и выводило из раздражительной задумчивости.

Немцы же, в свою очередь, на Веру вообще не обращали внимания, так будто её и вовсе не существовало в селе и даже, если кто-то заходил в их двор, всегда обращались только к матери. Поначалу это было странно и удивительно, но потом она обвыклаась, и когда однажды на улице к ней обратился русоволосый офицер от неожиданности едва не бросилась наутек.

– Фройлен, – его голос, казалось, идёт сквозь туманную пелену, такую вязкую, она даже не сразу поняла, что её зовут помыть пол в какой-то избе.

Он привел её в избу председателя, где жил с другим офицером. Председателя, одинокого старика, они ещё с первых дней выгнали жить на сеновал, и с тех пор его почти не было видно. Она мыла полы, подоткнув подол, а немец стоял, оперевшись о стену, у окна, и смотрел, как солнце лениво передвигается по её загорелым ляжкам. С тех пор несколько раз в неделю она приходила и мыла полы, а он вот так стоял и смотрел. Всё проходило в полном молчании, и как только пол начинал блестеть первозданной чистотой, офицер говорил «Данке» и порой, видимо, в приливе арийской щедрости, дарил ей немного шоколада.

– Фот, фройлен всегда любить сладость, – говорил он на странной смеси русского и немецкого.

Вера принимала шоколад, но как только отходила от дома, незаметно роняла его в траву. Это ей казалось необычно смелым поступком, сродни солдатской атаке против оккупантов.

Так продолжалось несколько недель, она уже знала, в какие дни приходиться и делала это без напоминания, ненавидя себя за эту рабскую покорность. Пришла она и в тот день, который, как и многие до него, начался с холодного осеннего утра, промозглого, но солнечного. Вера мыла полы, а офицер, вопреки сложившемуся порядку, сидел за столом и что-то писал. Она украдкой поглядывала на него и почему-то старалась растянуть помывку как можно дольше. Наконец, он оторвался от бумаг и пристально посмотрел в её сторону.

– Фви знаете, Вера, – начал он, на удивление чисто. – У фас великий культура. Фви читали русский писатель Достоевский? А Толстой, Лескоф? Удивляет, какой великий культура и какой скотский жизнь в ваша страна.

Вера замерла от неожиданности, бросила тряпку на пол, и мокрой рукой отёрла лицо. Она словно впервые увидела этого человека. В нём не было ничего примечательного, пожалуй, он был даже невзрачным – русые волосы, глаза непонятного цвета, легкий шрам над верхней губой и измождённое лицо уставшего офицера, которому давно уже минуло тридцать и которого впереди ждала только война и неопределенность. Удивительно, как раньше она не замечала его инаковость, отличность от других немцев, топтавших её землю. Словно сейчас здесь был совсем другой офицер, не тот, который позвал её мыть полы, и не тот, что стоял и смотрел на её ляжки, и угощал её шоколадом. Ей ли было знать, что он, и правда, неправильный немец – правильный немец не мог читать Достоевского, не мог восхищаться культурой диких азиатов-недочеловеков. Что, может быть, сейчас своими словами он выносит себе приговор, потому как фюрер всему русскому давно уже сказал «нет».

– Фви так смотреть на меня, я что-то не так говорить?

Вера не ответила, лишь бросила тряпку в ведро и вышла. Он её не остановил. На следующий день она поймала себя на мысли, что постоянно

думает о нём; и ещё на следующий, и ещё. В положенный день она не пошла мыть полы, и к вечеру вдруг в окне ей показалось, будто мелькнул его силуэт, но оказалось, это какой-то молоденький немчик шёл с корзинкой в лес. «Удивительно, – подумала тогда Вера, – как он похож на моего брата». Её вдруг обожгла ужасная мысль: ведь немцы тоже обычные люди, у них две ноги и две руки, и смеются они, хоть слишком громко и гортанно, но смеются, и тоже, видимо, думают о чём-то своём, людском – о еде, о сне, о любви, о победе. Неужели они такие как она, как её отец и её брат? Но тогда зачем они здесь? Что делают и что хотят?

Утром Вера пошла и вымыла пол в председательской избе. Офицер не сказал ей ни слова, почему она не была в положенный срок, он вообще её, кажется, не замечал, молчал и постоянно куда-то выходил, хлопал дверью, напуская зябкий колючий сквозняк. А потом, когда она уже собралась уходить, подошёл и протянул небольшую потёртую книжечку, умещающуюся в ладони.

– Фот, это фвам, подарок, Достоевский в немецком, – и улыбнулся.

Тогда Вере показалось, будто в окно ударил столп света и заиграл его улыбкой. Она оттерла руку о платье и неуверенно взяла книгу, а он уже снова умчался по своим невиданным делам.

Вечером немцы покинули деревню, вместо них, конечно, вскоре пришли совсем иные, и начался

непонятный хоровод оккупационной жизни – голодный, вшивый, грязный, с изнурительно выматывающим копанием окопов и расчисткой снега. Оступающая жизнь, настолько однообразная, что нет ей конца и края. И когда отчаяние предательски хватало за горло, Вера вдруг вспоминала о той книжке с ладошкой, которую непонятно почему берегла и укрывала от всяческих невзгод. Она ныряла рукой за пазуху, нащупывала шероховатую поверхность обложки и вспоминала это смешное слово «фройлен», которое она снова услышит только в далеком-далеком семидесятом, когда будет отдыхать в санатории, в Крыму. Вера пойдёт гулять по городу, и ветер донесёт до неё это щемящее смешение немецких звуков, и на мгновение ей покажется, что она снова моет пол и снова он сидит за столом, а потом вдруг говорит про Достоевского и Лескова.

Но это были редкие минуты отдохновения от оупляющего однообразия, настолько оупляющего, что она даже не испытала радости, когда в один из блеклых дней тяжёлый силуэт с красными звёздами промчался над их деревней, проскользнул над самими головами, махнул крыльями и скрылся за лесом. А вслед за ним, не успело солнце склониться к закату, земля ухнула, задрожала, заходила ходуном, небо вспорол тянувшийся свист – свист смерти и наступающей свободы.

Отец вернулся с фронта живым и даже непокаленным, вслед за ним пришёл брат. Война осталась вчерашним сном, но сном незавершённым, недосказанным. Вера непонятно чего ждала, сжималась внутри при каждом скрипе калитки, каждом хлопке двери. В начале августа гибкая тень пробежала по окнам, и в радостном замирании Вера выскочила во двор. У сарая спиной к ней в уже догорающем закате, бьющем в глаза, прорисовывался мужской силуэт. Она силилась рассмотреть, кто это, что ему надо, и молчала – ждала, и он ждал. А потом шагнул навстречу, и Вера увидела Ивана в потёртой, но чистой гимнастёрке, с болтающимся, подоткнутым левым рукавом – рука заканчивалась чуть ниже локтя.

– Вот и я, Вера, – сказал он. – Давай начнём всё сначала.

Осенью они расписались, и Вера была хорошей женой, а потом и хорошей матерью. Они никогда не говорили о прошлом и не вспоминали его. Только изредка, в самые тяжёлые минуты,

Вера позволяла себе достать из затаённого уголка пожелтевшую, постаревшую книжку, гладила пальцем бурую обложку и вновь прятала на долгие-долгие дни.

ОБЦЕВОЛК

Он думал, всё уже прошло: и обида, и злость. Но как только увидел Коренастого на улице, понял, как ошибался. Прошло полгода, а подступило к горлу, словно было вчера. Коренастый шёл прямо на него, с каждым мгновением всё ближе и ближе. Вот уже чётко различимо, как раздуваются при дыхании крылья носа, – как у быка; как резко взмывают и опадают ресницы при моргании, – парень, как пружина, кажется, коснись – и ударит током. Уверенный, сильный, быстрый.

Застучало в висках. Лоб покрыла испарина. Сердце гулко застучало. Вадим понял, что испугался: «вдруг всё повторится, как в тот раз», – то, что сейчас день и вокруг люди – слишком слабая защита: если что случится, никто и не вмешается. Но возродившаяся обида и злость заставляли как можно спокойнее идти навстречу обидчику. Он даже дерзко смотрел Коренастому в лицо. Вот до него три шага, два, один, они едва не касаются друг друга локтями, и проносятся мимо. Вадим оборачивается. Коренастый нет, – продолжает так же резко, ритмично мчаться по запылённому тротуару. Выходит, он его не узнал. Забыл. Наверняка, таких, как Вадим, у него было десятки,

а может, и сотни. «А может, узнал, да побоялся выдать себя», – промелькнуло в голове, и стало приятно, что его, Вадима, может бояться тот, кто надругался когда-то. Вадим обрадовался: он может прямо сейчас выдать Коренастого милиции, но потом резко осёкся и снова оглянулся.

Коренастого можно было различить в толпе с трудом: чёрная спина едва маячила вдалеке. Вадим вдруг подумал, что может навсегда отпустить его, и тогда всё пропало, тогда он никогда не сможет выдать его милиции. Это так испугало, что он кинулся бежать за обидчиком. Спина становилась всё крупнее и отчётливее, – можно было уже прочесть ярко-красную надпись на футболке: «Lucker». И Вадим уже было замедлил шаг, чтобы не выдать себя, но парень, словно почуял погоню, резко свернул за угол и куда-то пропал. Как сквозь землю провалился! Вадим в панике озирался. Кинулся к трамвайной остановке – нет. Заглянул за ларек – нет. Пробежал сотню метров вперёд – нигде не видно. Вернулся назад и в отчаянии сел на скамейку у памятника поэту.

«Упустил! Какой же я баран! Упустил! Надо было сразу его хватать и кричать, чтобы вызвали милицию... А если я обознался? Если это не он?» Вадим лихорадочно перебирал все события той ночи, по крупицам восстанавливал и перепроверял внешность. Только бы не ошибиться! Только бы его найти вновь!

В тот раз Вадим допоздна задержался на работе – начальник попросил оформить сроч-

ный заказ, да ещё троллейбус долго не шёл, а маршрутки все были не те и не туда. Так что домой Вадим уже возвращался в первом часу ночи. Эта была та редкая ночь, какие Вадим любил: алюминиевая полнотелая луна мерно заливала пустынную улицу, и казалось, во всем мире существуешь только ты да бескрайние звездные просторы высоко над головой. Было необычно легко и радостно, словно тело стало невесомым и с каждым шагом всё выше и выше поднимается к небу. Усталость и раздражение, что осели за день на сердце, ушли, и хотелось петь. Может, поэтому он и не заметил поначалу парней, преградивших дорогу?

– Мужик! Дай закурить! – коренастый парень с переломанным носом и шрамом над верхней губой казался нереальным, чужим для этой дивной ночи. За ним маячили ещё три парня с горящими голодными глазами. Вадим смотрел на них и никак не мог взять в толк, кто они и что хотят от него.

– Ты что, обдолбанный?! Курить, говорю, есть? Вадим, наконец-то, понял, о чём говорят, и отрицательно кивнул головой.

– Не курю!

Хотел пройти мимо, но мощный неожиданный удар сбил его с ног. Стали пинать, ударили головой об асфальт. Он потом долго удивлялся, как только кости остались целы?! Потом двое держали его, а третий спешно обшаривал карманы: вытаскивал мобильник и бумажник, вывернули сумку на

тротуар. Затем резко отскочили и, громко гогоча, стали удаляться по улице. А Вадим с минуту лежал ещё на земле, боясь подняться, и только когда убедился, что грабители отошли подальше, не спеша поднялся и стал отряхиваться от пыли. Ошупал саднящие рёбра, нос, лоб, – на руке отпечаталась кровь, но всё, вроде, было цело, если не считать пары ссадин да разбитые губы. Стал поспешно собирать бумаги в сумку обратно. Её они не взяли – то ли не понравилась, то ли решили не возиться с ней. Мобильный легче продать, пожалуй. «Хорошо, хоть ключи от квартиры да проездной остались в кармане пиджака», – подумал Вадим. Только сейчас до него дошло, что его избили и ограбили, и он бросился искать обидчиков. Добежал до конца улицы, заглянул на останковку, в ночной магазинчик, призывно светящийся окнами, обежал несколько тёмных дворов...

«Прям, как сейчас, – подумал Вадим, – и так же, как сейчас, упустил». Он уже было хотел уйти, но тут Коренастый вышел из магазина с пачкой сигарет в руках. Остановился. Достал сигарету, зачем-то покатал её немного губами, и небрежным широким взмахом руки поднёс зажигалку ко рту. Вадим встал. Он готов был вгрызться в глотку обидчику и растерзать его. «Сейчас-то я тебе не дам уйти», – злорадно ухмыльнулся Вадим, но Коренастый вдруг посмотрел на него, задержал взгляд, – что-то мелькнуло в его глазах странное. «Глаза как у волка», – пронеслось

в голове, и Вадим испугался, невольно отшатнулся назад, и тут же постарался сделать вид, что кого-то высматривает в толпе, у светофора. Коренастый рассеяно отвёл взгляд, швырнул сигарету на асфальт и размашисто пошёл по улице.

Он, похоже, так и не вспомнил Вадима. Да и куда ему помнить? Это же не он мучился ночами от мысли, что тебя «остригли» как овцу, и могут остричь ещё и ещё, если захотят. Это же не он в ту ночь не спал, а Вадим просидел до утра на кухне. Цедил остывший чай и смотрел, как стремительно светлеет ночь за окном. Его тогда трясло от страха, от злости и от досады. Хотелось совой вылететь на улицу и стелиться в бесшумном полете в поисках обидчиков, найти их, наброситься и клевать, клевать, клевать, рвать когтями до смерти. До смерти! Чтобы знали, как нападать на него. Но от этих мыслей, в конце концов, стало ещё горше: даже если бы эти парни прямо сейчас возникли у него в кухне, совсем незащищенные, он растерялся бы и ничего не сделал. Просто потому, что страшно.

Вот и сейчас было страшно. Страшно от этого взгляда, каким одарил его Коренастый – вдруг, всё-таки, вспомнит, а? И Вадим колебался и переступал с ноги на ногу, а потом сорвался и спешно нагнал парня, и едва сдержался, чтобы не налететь на него и не дышать в затылок, а мирно идти, вроде и нет ему дела до окружающих. И страх постепенно отступил. Снова захлестывала ярость, снова хотелось стать совой или

тигром и наброситься на Коренастого, топтать его и рвать, – благо они сейчас один на один, – и как знать, кто кого одолеет! В тот раз повезло Коренастому, на этот должно повезти Вадиму. Он вдруг вспомнил, – у него в сумке есть небольшой перочинный ножик, – если что, сгодится. Но тут же себя одёрнул: разве можно быть таким же, как и они, эти отморозки? Чем же он тогда будет лучше, если нападет с ножом на обидчика?

«Лучше дойдём до угла, и я нападу на него и сдам милиции», – подумал Вадим. И даже повеселел от этой мысли. Он уже представлял, как Коренастого в наручниках везут в отделение, как потом будет суд, как его посадят, но тут же осёкся. Он точно так же мечтал в те дни, после ограбления, и так надеялся, словно то заявление, что подал в милицию, само по себе уже способно схватить и покарать преступника.

Вадим с каким-то непонятным удовольствием, предвкушая месть и расправу, проходил тогда и освидетельствование у судмедэксперта, и ходил на допросы, отвечая на подчас странные (как ему казалось) вопросы. И всё ждал, ждал звонка из милиции о поимке грабителей. Он понимал: мобильный и деньги не получит назад. Тут главное было – моральное удовлетворение от того, что ты отомщён, что больше такое никогда не повторится. Даже мыслей не допускал о том, что Коренастый со своей бандой уйдут от правосудия! Он не верил сказанному дежурным в день приема заявления о том, что грабителей будет

трудно, почти невозможно, найти, – «иголку в стоге сена искать». Да и где искать? В таком огромном городе парней с переломанным носами сотни, если не тысячи, и половина из них коренастые, и треть со шрамом над губой. Игра в рулетку. «И всё же, это не мой случай. Их найдут», – успокаивал себя Вадим.

Но уверенность постепенно отступала. Дни сменялись неделями, недели месяцами, а вестей всё не было. Потом вдруг позвонили и сообщили, что дело приостановлено, так как не могут найти грабителя. И сердце ушло в пятки. Вадима словно ударили мешком по голове: он не мог поверить, что это не сон. Пришло отчаяние. Он все эти дни жил мыслями о неминуемости возмездия, – знал, что будет отомщён, защищён. А теперь...

Вадим сразу после ограбления избегал пустынных улиц, с работы уезжал пораньше, а если не получалось, то чуть ли не бежал до квартиры, лишь бы побыстрее миновать опасный участок. После допросов в милиции он стал спокойнее, – думал, что теперь не стоит дрожать как осиновому листу, и перестал бояться возвращаться поздно ночью домой. И вот опять надо бояться? Его снова могут грабить и оставаться безнаказанными?

«Нет, милиция тут не поможет!» – подумал Вадим, когда они с Коренастым дошли до угла улицы. Парень свернул во дворы, Вадим за ним. «Кто знает, может его и нашли, а он откупился. Вон сколько об этом рассказывают!... Если я нат-

кнулся на него так вот, случайно, то стоило ли труда его найти профессионалам?». Руки похолодели от этой мысли. Выходит, он один на один с Коренастым и его бандой? И на милицию нечего рассчитывать?

Коренастый резко обернулся. Пристально посмотрел на Вадима.

– Эй, тебе чего?

Вадим растерялся от неожиданности, сердце от страха готово было выпрыгнуть, засосало под ложечкой. «Я пропал. Мне не выдержать драки с этим бугаём», – пронеслось в голове, и бывшая решимость улетучилась. Коренастый ухмыльнулся, подобрался, «как удав перед прыжком», – вот-вот бросится на Вадима.

– Я ищу двадцать восьмой дом, – неожиданно для себя выпалил Вадим. – Да вот, кажется, потерялся.

Коренастый недоверчиво окинул Вадима взглядом.

– Это сорок первый, двадцать восьмой там, – махнул рукой вправо. – По дворам можно пройти.

Парень пошёл дальше и вскоре скрылся в одном из подъездов обшарпанной пятиэтажки. Вадим решил дожидаться Коренастого во чтобы то ни стало: ему надо было знать, здесь ли он живёт или просто к кому-то пришёл. «А если он будет здесь до утра?» – неожиданно промелькнула мысль, и Вадим запаниковал, что так и не дожждётся обидчика и тогда все пропадёт. В милицию звонить ему уже не хотелось: «всё это бесполезно, надо

решать самому». На лавочке у подъезда, в который зашёл Коренастый, сидели две старушки. Вадим подошёл к ним и спросил про Коренастого, не тут ли он живёт. Выяснилось – тут.

«Только бы эти старушеницы не выдали меня, – думал он. – Всё-таки мне надо было его ждать и не подходить к ним». Пришла мысль, ведь Коренастый может увидеть его в окно, и это так испугало Вадима, что он поспешил отойти подальше, так, чтобы со стороны можно было подумать будто он идёт туда, куда ему указывал Коренастый, к двадцать восьмому дому. Несколько раз Вадим оборачивался и смотрел на окна: ему показалось, что всё-таки его засекали – в одном из окон мелькнул приземистый силуэт. Уж не Коренастый ли? «Если он меня вычислил, я пропал», – думал Вадим и принялся размышлять, как быть дальше. Он теперь ругал себя: не надо было ввязываться в преследование. «Ну встретил и встретил. И шёл бы дальше».

За спиной громко хлопнула дверь подъезда.
– Эй!

И Вадим сорвался, бросился, как оголтелый, бежать. Спотыкался, едва не падал. Мелькали дворы. Он боялся оглянуться, потерять время. Его настигали. За спиной слышалось мерное дыхание преследователя, тяжелые шаги, – вот-вот схватит рукой за шиворот. Наконец, Вадим догадался, что надо выскочить на улицу, свернул и пулей вылетел на тротуар. Ему повезло: рядом была остановка и как раз подошёл троллейбус.

Вадим влетел на заднюю площадку, двери захлопнулись, и троллейбус мерно пошёл вперёд, набирая скорость. Только сейчас Вадим позволил себе оглянуться: никого (!), – Коренастого не было. К остановке подходила худая старушка с палочкой. Мирно курил пожилой мужчина, и полная, как налитое яблоко, девочка крутилась неподалеку от него. «Неужели, показалось, – стучало в висках. – А может, он успел заскочить в троллейбус?». Вадим осторожно рассматривал людей, боялся взглядом выдать себя. То ли Коренастого и правда не было, то ли он запрятался за чьи-то спины, но Вадим не мог его нащупать. «Мне, по-любому, конец, – крутились тревожные мысли. – Мы в одном районе. Он найдёт меня и убьёт. Он узнал меня». И чем дальше отъезжал троллейбус от дома Коренастого, тем больше Вадим убеждался, что теперь ему не жить. «Он найдёт меня. Найдёт».

Дома Вадим немного успокоился. Казалось, всё позади, он в полной безопасности, но вдруг подъездная дверь громко хлопнула, кто-то пружинисто взбежал по лестнице и замер за дверью квартиры Вадима, словно вслушивался: тут он или нет. Вадим затаился, задержал дыхание, прижался к стене. Рука потянулась к телефону – вызвать милицию. Сердце стучало так громко, что, казалось, отдаётся эхом по квартире. По лбу заструился пот. Резко тренькнул звонок, раз, другой. Как током ударило Вадима, он дёрнулся,

за грудиной защемило. В панике он кинулся набирать «ноль два».

– Милиция. Дежурный.

Бросил трубку, понял: звонят-то соседям!

– Уф! – съехал по стене на пол и закрыл лицо ладонями. В ушах ревели водопады. Тело бил мелкий озноб. В подъезде заговорили. Хлопнула дверь, и голоса смолкли. «А если это всё-таки он? Если он проверяет квартиры?!».

«Да если это и он! Что я его боюсь! Пусть попробует только!» – Вадим резко встал, открыл дверь и выглянул в подъезд. Дерзкая решимость дать отпор любому, казалось, переборола страх. На площадке никого не было, также пустовали площадки этажом ниже и выше.

Вадим вернулся в квартиру и полез на антресоли. Он вспомнил об охотничьем ружье, что осталось от покойного отца. Вадим хранил его как память, регулярно чистил и смазывал. Только держал подальше от чужих глаз, так как оно не было зарегистрировано. В страхе он забыл о нём и теперь ругал себя, что не взял сразу, как только вошёл в квартиру, так было бы спокойнее. Теперь он зарядил его, положил на стол в кухне, и глядя на чёрный, матово поблёскивающий ствол, ждал.

Но чем больше Вадим сидел, тем больше понимал: каким глупым и трусливым он был днём. Коренастый, даже если и узнал его, не будет преследовать. Он не боится его. Не боится милиции, потому что знает: не поймают его, да и потом, он всегда может откупиться. Вадим для него

лишь овца, которую можно остричь, когда захочется. Отобрать мобильный, деньги. «Сколько у него таких овец, а?» – думал Вадим и чувствовал, как его вновь захлёстывают и злость, и обида, и страх, но теперь другой, не страх смерти, а страх, что Вадима могут безнаказанно обирать на улице вновь и вновь. Когда вздумается. Потому что логово волка совсем рядом, а овцы слишком его боятся. Скольких он уже обобобрал, этот Коренастый? И скольких еще оберёт? И будет ходить на свободе, и тратить награбленные деньги. А овца Вадим будет дрожать и покорно отдавать своё, кровное, а если попытается сопротивляться, его убьют.

Страх и ярость нарастали. Вадим стал метаться по квартире. Несколько раз порывался выйти и куда-то бежать, но неизменно возвращался на кухню, садился и смотрел на ружьё. И снова вскакивал, и снова садился, и зачем-то гладил ружьё. Окно позолотило заходящее солнце, небо стало выцветать, облака вытянулись.

«Так будет продолжаться вечно. Я буду его бояться. Он будет меня грабить», – подумал Вадим и стал собираться. Переделся в спортивный костюм, ружьё положил в чехол, перекинул через плечо и поспешил туда, где жили его страхи. Туда, где он мог найти Коренастого. Никто не обращал на него внимания, да он и не боялся этого. Чего ему было бояться, когда все они только овцы, такие же, как и он? Он только шёл, и словно отсчитывая шаги, повторял про

себя: «Овцы-волк. Овцы-волк. Овцы-волк». В троллейбусе на него несколько раз заинтересованно и удивлённо посмотрела какая-то дама в больших круглых очках, словно прочитала его мысли, и стала куда-то звонить. Может быть, даже в милицию. Но Вадиму было всё равно: чем ближе троллейбус подходил к той самой остановке, откуда позорно бежал Вадим, тем сильнее захлёстывали его ярость и решимость. «Овцы-волк. Овцы-волк. Овцы-волк», – стучало в голове, и страх скукоживался и сгорал, словно бумажка в огне.

Пружинисто, как до этого, днём, Коренастый, Вадим шёл к нужному подъезду. За плечом в такт мыслям нетерпеливо зудело ружьё: словно, почувствовало: надвигается нечто особое, то, для чего оно и создано.

Вадим ждал, что сейчас наткнётся на Коренастого. Волки всегда чуют овец и выходят на охоту. Однако Коренастого не было. Вадим потоптался у подъезда. На скамейке также сидели старушки, уже другие; с любопытством они было начали рассматривать Вадима, но наткнулись на холодный решительный взгляд и отвернулись. Волк сидел в логове. Во дворе уже сгущались сумерки. Над головой тускло загорались звезды. Одна. Вторая. Третья. Поднималась унылая луна, заливала всё блеклым сухим светом. Вадим присел на скамейку, ружьё положил на колени. Судорожно сжимал его. Подул ветерок. Приятно обдувал лицо. Захотелось закрыть глаза и заснуть. Только

сейчас Вадим почувствовал, как устал. Всю решимость и ярость сносило прочь. «Домой. Уйти. Спать», – крутилось в голове, и пальцы слабели. В какой-то момент ружьё едва не упало, покати-лось по коленям. Вадим вздрогнул и соскочил со скамейки, потёр глаза, лицо. «Что я здесь делаю? Зачем? Надо домой». Овцы и волки казались ему теперь глупой выдумкой воспалённого воображе-ния, и всё случившееся – не более как причудли-вым сном-кошмаром.

И он уже было хотел повернуть, как вдруг дверь подъезда открылась и появился Корена-стый, а с ним ещё один парень, тот, что был в ту ночь.

– Эй, ты! – крикнул Коренастый и пошёл на Вадима. Его глаза горели, как у волка.

«Всё пропало. Он меня узнал».

– Что тебе надо?! Ты что здесь отираешься?! Я тебе днём видел, падла.

«Сейчас он начнет бить меня. Их двое. Я один. Вон они какие крепкие».

Страх вновь захлестнул Вадима, снова засту-чало в голове «Овцы-волк. Овцы-волк. Овцы-волк». Коренастый вдруг замедлил движения: медленно, с трудом вскидывал и опускал ноги, взмахивал руками. Ружьё в руках Вадима дёрну-лось, казалось, оно раскалилось до предела. Коре-настый уже совсем близко, вот он заносит руку, тянет её к Вадиму: медленно, словно разрезает тугой воздух. Руки Вадима дрожат, крепче сжи-мают ружьё.

«Овцы-волк. Овцы-волк. Овцы-волк. Овцы-волк.»

Ночь вздрагивает от выстрела, и лицо Коренастого искажается, он хватается рукой за живот, медленно оседает. Кто-то кричит громко и истошно. Второй парень в ужасе замирает, потом кидается обратно в подъезд. Руки стали ватными. Ружьё гулко падает об асфальт, и словно выбивает Вадима из сна. Вокруг Коренастого засуетились люди, кто-то пытался поднять его голову.

– Вызовите милицию! Скорую! Скорее!

Вадим опустил на скамейку и уткнулся лицом в ладони.

НЕЛЕПИЦА

Александр Петрович проснулся необычно взволнованный. Причиной тому был странный сон. Сны редко снились Александру Петровичу, тем более такие. Поэтому он, вопреки своей привычке, долго лежал в постели, смотрел в потолок и размышлял, чтобы это всё могло значить. А приснилось ему, будто он уезжает из дома куда-то на поезде. На перроне стоит жена, дочь и тёща, и молча смотрят, как он вместе с вагоном медленно плывёт вдоль платформы. Он же радостно им машет рукой на прощание, а другой отбивается от настырной проводницы.

– Пассажир, не хулиганьте! – кричит она, и своими цепкими тонкими руками пытается оторвать Александра Петровича от раскрытой двери.

Увиденное было необычно по двум причинам: первая, как уже было сказано, – Александр Петрович, редко видел сны; а вторая – было что-то в приснившемся волнительное и даже, можно сказать, грустное.

Конечно, как человек здравомыслящий, Александр Петрович мало обращал внимания на сны, даже несмотря на то, что они редко его посещали. Но сегодня он задумался. Что-то внутри подсказывало: это неспроста. Он давно не

ездил на поезде. Да и не любил куда-то ездить. Даже на дачу. Потому что поездки всегда нарушали привычный строй жизни, а что может быть хуже?

Александр Петрович потянулся и сел на кровати. Грустно осмотрел спальню. Зачем-то ощупал свои длинные густые усы – его главную гордость, нос, что картошкой высился на округлом лице, потёр подбородок, словно хотел убедиться, что всё осталось на месте, а не уехало вместе с поездом. И только после этого вышел на кухню.

Маргарита Сергеевна, его супруга, жарила яичницу и варила кофе. Её белые, мучные, руки до боли напоминали руки проводницы, и Александр Петрович обречённо вздохнул, сел на стул и уставился в до блеска вычищенный пол. Из ванной доносился шум воды, – дочка принимала душ. Сейчас была её очередь: заведённый порядок никогда не нарушался. Первой всегда была супруга, потом дочь, и только после этого сам хозяин, так как он всегда после сна любил посмотреть утренний выпуск новостей, «для бодрости». Вот и телевизор уже был включен на нужном канале (Маргарита Сергеевна позаботилась). Но Александру Петровичу было не до него: он обдумывал сон. Припоминал, не ездил ли он когда-то вот так, в командировку – ведь, говорят, сны всегда копируют наше прошлое. Но припомнить никак не мог. В конце концов, он разозлился на себя и свою мнительность, «ведь это же какой-то

пустяк, пустой сон», и решил, что хватит ломать голову над всякой ерундой.

И действительно, на время сон оставил его в покое. Но стоя под душем, Александр Петрович вдруг подумал: «интересно, а есть ли в поездах вагоны с душем», и принялся припоминать всё, что он только мог слышать в последнее время о железной дороге. Сон вновь устроился в его голове и теперь, похоже, не собирался отступать. В какое-то мгновение Александру Петровичу почудился даже стук колес, и ванная вроде бы как-то дёрнулась, словно захотела пробежаться по железной колее. Это так испугало его, что он мигом выпрыгнул на холодный кафельный пол, кое-как попал руками в халат и выскочил в комнаты.

Маргарита Сергеевна заметила странное поведение мужа и поинтересовалась, всё ли с ним в порядке.

– Немного знобит, – соврал он, но вскоре, и правда, почувствовал озноб, такой, как бывает при температуре. Это испугало его ещё больше. Он поставил себе термометр и долго не мог поверить, что у него тридцать шесть и шесть, – голова была тяжелая, он задыхался, тело ослабело. С невероятным трудом он съел немного яичницы и сделал всего пару глотков кофе. Его тошнило. Перед глазами всё плыло, а в ушах стучали поезда.

Маргарита Сергеевна заставила его выпить аспирина и напоила чаем с малиновым вареньем. После чего уговорила позвонить «в контору»

и отпроситься на сегодня. Затем чмокнула его в лоб и убежала на работу. А дочь уехала в институт.

Александр Петрович принялся расхаживать по дому. Он никак не мог найти себе место. То садился, то ложился на диван, то пересаживался в кресло, то подолгу стоял у стенки и рассматривал расставленные на полке безделушки: двух глиняных котиков, голубков, держащих в клювах огромное розовое сердце, негритянку с корзиной на голове, пузатую позолоченную лягушку с монетой в безобразной пасти, поставленную для привлечения денег и удачи. Иногда он брал одну из них в руки, вертел на свету, разглядывал, вздыхал, ставил на место. И ему вдруг стало легче: то ли аспирин подействовал, то ли чай с малиной, то ли эти глиняные талисманы, но тошнить перестало, и голова прояснилась, и даже слабость помаленьку прошла.

Александр Петрович вдруг повеселел и даже стал насвистывать песенку, но внезапно запнулся, потому что она была о железной дороге. В сердцах выругался, вылетел из зала, забился в комнату дочки. Здесь сел на её кровать и попытался вспомнить, какая она была в детстве. Ничего не получалось. От этого только разболелась голова, и он уже было хотел уйти полежать в спальню, но тут его взгляд упал на раскрытую книгу, небрежно лежащую на столе. Александр Петрович принялся рассеяно пробежать взглядом страницы, что-то насторожило его, он пробежал ещё раз, ещё, и тут только до него дошло: это сон-

ник! Он был открыт на странице, где говорилось о путешествиях.

«Прощаться с близкими – к долгой болезни», – прочитал он. Затем: «Уезжать из дома – к смерти», «сны, увиденные в четверг утром, исполняются через три дня».

Поражённый, он сел и вновь перечитал. Отложил книгу. Уставился в стену. В висках застучало. Сердце забило в груди. «А, выходит, неспроста меня знобило», – подумал Александр Петрович и принялся ощупывать себя, – не болит ли чего. Ему показалось, что живот немного болезнен, да и печень слегка припухшая. Это сильно испугало его, и он вновь заметался по дому, и вновь то ложился, то садился на диван, и вновь возвращался в дочкину комнату и перечитывал написанное в книге.

«Не может быть, – говорил он себе. – Я ещё так молод».

Вновь взял лягушку с монетой, долго смотрел в её выпученные глаза.

– Нелепица! Нелепица! – резко и с раздражением поставил её на место и упал в кресло.

Лоб покрылся холодным потом, горло сдавило тисками. Вспоминалось, как умерла его бабушка. Внезапно, неожиданно высохла за несколько дней. Её нашли мёртвой в кресле, с вязанием в руках. Александр Петрович вскочил с кресла и принялся отряхиваться. Потом с тоской окинул зал и заплакал. Казалось, мёртвая бабушка где-то рядом, может быть, вновь сидит в кресле.

Он так испугался, когда она умерла. Ему было двадцать, и он не считал себя робким парнем. Александр вернулся с университета домой. А она сидела неподвижно. Рот приоткрылся, обнажив пожелтевшие зубы, глаза остекленели, щёки обвисли.

«Неужели и меня так найдёт моя дочка», – подумал Александр Петрович.

Эта мысль так обожгла его, что он позвонил на вокзал и заказал себе билет куда-то на южное направление. Затем бросился собирать чемодан, раскидывал вещи из шифоньера, выбирая только самое дорогое сердцу.

У порога он остановился. Присел на дорожку, сменяя шляпу в руках. Потом резко встал. Открыл дверь и хотел было уже выйти, но поставил чемодан и оглянулся. Ему хотелось взять что-нибудь ещё. Прошёл в квартиру. Застыл у полки со статуэтками. Несколько раз порывался протянуть руку к какой-нибудь из них, но, в конце концов, открыл ящик, где хранились фотоальбомы и долго листал их, иногда останавливаясь и рассматривая какую-нибудь фотографию. Потом выбрал ту, где они с женой молоды и так красивы, и стоят с маленькой дочуркой у каруселей. Поцеловал её. Положил в карман. Напоследок взял ту самую книгу, что так равнодушно предсказала ему смерть, и только после этого вышел на лестничную площадку.

Александр Петрович боялся, вдруг ему попадётся кто-нибудь из соседей, и тогда начнутся

расспросы – куда вы, да зачем, да когда вернётесь, – а он не знал, как отвечать на это. К счастью, в подъезде никто ему не встретился, и по дороге на остановку тоже, и на остановке. Но когда подошёл автобус, Александру Петровичу показалось, что там, в окне, мелькнул знакомый силуэт, и он решил пропустить этот рейс. Однако и в следующем были подмечены узнаваемые черты.

Пришлось ловить такси, так Александр Петрович думал избежать нежелательных встреч. Но на первом же светофоре, к его ужасу, рядом притормозила машина давней знакомой, и та, открыв окно, принялась что-то кричать ему и энергично жестикулировать. Александр Петрович сделал вид, будто не заметил её, тогда она протянула руку и постучала в окошко такси. От подступившего ужаса сердце ухнуло в груди так громко, что его, пожалуй, было слышно на всю улицу. Александр Петрович испуганно посмотрел на шофёра. Тот, однако, был невозмутим и, похоже, ничего не слышал. А вот светофор, к счастью, расслышал и торопливо переключился на зеленый, что и спасло Александра Петровича от докучливой знакомой. Но он всё равно нервничал и постоянно оглядывался: ему казалось, что эта дама всё-таки заподозрила неладное и преследует их.

Шофёр стал с тревогой поглядывать на него – мало ли психов – и как только Александр Петрович расплатился и забрал свой чемодан, тут же рванул с места, не дожидаясь новых кли-

ентов, словно боялся подцепить заразу от этого странного типа. Впрочем, и сам Александр Петрович был напуган не меньше. Ему показалось, что красная «вольво» знакомой свернула на привокзальную площадь. Вон она стоит в дальнем ряду. Знакомая вышла, и дверка машины так громко стукнула, что заглушила даже городской шум.

«Всё пропало», – запаниковал Александр Петрович и бросился бежать. Долго петлял, запутывая следы, и только когда убедился, что преследовательница его потеряла, вышел на нужную платформу и с облегчением присел на скамейку.

До поезда ещё было сорок минут. Пути пустовали. Однако людей уже было много. Они стояли кучками у чемоданов и о чем-то переговаривались. Долговязый, сухопарый парень в сторонке от скамейки курил, глубоко затягивался сигаретным дымом и с наслаждением выдыхал его через нос, и потому напоминал Александру Петровичу запыхавшегося жеребца после скачек.

Рядом на скамейке сидел интеллигентного вида мужчина с тонкой бородкой клинышком, в круглых огромных очках. «Профессор», – подумал Александр Петрович и сразу же почувствовал к нему невольное уважение. Даже завёл один из тех разговоров, который обычно начинают скучающие пассажиры, чтобы скоротать время ожидания. Собеседник был располагающим, внимательным, и больше слушал, и поддакивал, чем говорил, отчего разговор невольно перетёк

на сон Александра Петровича, и он всё до самой последней капли выложил «Профессору».

– А что это за книга, можно поинтересоваться? – интеллигентно поправив очки, спросил «профессор».

– Знаете, я её захватил с собой, – ответил Александр Петрович. – Сейчас. Я её положил в чемодан. Где же она? А, вот. Вот. Держите.

«Профессор» осторожно взял книгу и повертел её в руках. Долго рассматривал обложку из газеты, что так старательно защищала книгу от посторонних глаз. Затем раскрыл и громко прочитал:

– Мифы и верования русской деревни. Хм!

– Подождите, как «Мифы и верования русской деревни»? Разве это не сонник? – Александр Петрович едва сдержался, чтобы не вырвать книгу из рук «профессора».

«Жеребец» перестал курить и заинтересованно посмотрел в их сторону.

– Ну, да. Это всего лишь суеверия. То, что думали наши предки когда-то, – перелистывая книгу и временами останавливаясь, что-то пробегая глазами, ответил «профессор».

– И выходит, всё это неправда?! – Александр Петрович вцепился в руку собеседника.

– Ну, конечно, голубчик, – досадливо поёжился «профессор» и положил книгу на скамейку между собой и Александром Петровичем. – Вы будто в школе не учились, милчеловек.

Александр Петрович застыл и с минуту молчал. Потом растерянно обвёл перрон глазами. Уже показался поезд. Он медленно подходил к платформе, где-то далеко динамики устало оповещали об этом.

– Да как же... да что же это... да я-то... – залепетал Александр Петрович.

Люди вокруг зашевелились, потянулись к застывшему поезду. Встал и «профессор». Александр Петрович смотрел, как тот медленно отходит от скамейки, потом соскочил, догнал его, вцепился в руку и стал энергично трясти:

– Спасибо! Спасибо! Спасибо! Вы так меня выручили! Так выручили! – и, не обращая внимания на протесты, поцеловал «профессора» в вытянувшееся лицо.

Затем схватил чемодан и побежал к выходу с платформы. «Быстрее! Быстрее! Домой!» – ликовал он. Но у лестницы остановился, вернулся обратно за книгой, посмотрел на неё, пожал плечами, зло выкинул в урну и, припрыгивая, как мальчишка, бросился к метро.

И ему стало так хорошо, так весело, что он тут же пообещал себе никогда-никогда больше не читать этих глупых книг.

ХЛЕБ ЖИЗНИ

Зима сорок третьего года была необычно ранняя, метелистая и злая. За окном подвывала вьюга, и даже рёв редких машин едва-едва пробивался сквозь ветер и колючий снег. В те дни смерть запросто гуляла по улицам: стучалась в окна казёнными листками похоронок, подкарауливала плохо одетых прохожих, толкала их и свистела ветром в проводах (смеялась?), когда они нелепо, бездыханные, падали на снег; или же, к тем, кому особенно благоволила, приходила во сне и уводила с собой вместе с последним сном, в котором ещё дымилась уха или парил на огромном блюде отварной картофель.

Снилась картошка и ей: варёная молоденькая с тёртым сыром и свежей зеленью – мммм! Грезилась и сейчас, наяву, и чтобы как-то отогнать навязчивый образ, Анна плотнее, тугим узлом до боли в горле, обвязала пуховой платок, и, схватившись за дверную ручку, оглянулась напоследок.

В коридоре играли ребяташки, смеялись, бегали друг за другом. Измотанная нянечка прислонилась к стене, её голова клонилась всё ниже и ниже, и когда совсем падала, женщина встряхивалась и протирала глаза покрасневшими, истёртыми руками. Анна знала, как они сейчас

болят, как нудит каждый палец, каждый сустав, как пышут жаром ладони, – у самой горят, будто угольями обсыпанные. Каждый день с птицефабрики привозили в детсад битых кур, и они, ни на минуту не оставляя детей из виду, метались между кухней и детскими залами, чуть ли ни на ходу общипывая и потроша кур, которых уже вечером надо было отправить на фронт. Но, зато, какое же было счастье, когда из потрохов (той небольшой доли, что оставалась у них) детям варили суп. Тогда по всему саду разносился густой аромат мяса, и все невольно замирали, опьянённые запахами, от которых темнело в глазах. А если ещё удавалось раздобыть пару картошек, да мелко покрошить их – получался настоящий пир.

– Анна Аркадьевна, как хорошо, что вы ещё не успели уйти, – в коридор вбежала запыхавшаяся няня. – Танечка Тополева опять отказывается есть.

Анна сбрасывает платок и пальто на лавку, и, не переобувшись, прямо в валенках, спешно проходит в столовую.

Таня, курносая, обсыпанная веснушками девочка, отталкивает тарелку:

– Не буду! Сказала – не буду! Не хочу!

Приходится долго и терпеливо уговаривать её, рассказывать о том, как волнуется за неё мама, как она сейчас переживает – ела ли Танечка, – и как расстроится, если узнает, что такой замечательный суп остался не съеденным. Анна

зачерпывает в ложку прозрачный золотистый суп.

– Давай ложку за маму. Вот! Умничка, молодец!
А теперь за папу.

Поблёскивает поддернутый жирком бульон, переливается под светом ламп и тусклым зимним солнцем, призывно парит, щекочет ноздри. Невольно скапливается слюна во рту и так и тянется рука протянуть ложку не капризной Тане, а себе, так и манит до сосущей боли в желудке. Как редко им, воспитателям, перепадает этого супа из потрохов, лишь в те немногие дни, когда битой птицы много! Тогда и дети поедят, и воспитатели, и даже бывает небольшую баночку можно унести домой, чтобы покормить своих ребятишек. У Анны их двое: светловолосому Паше с задорно вздёрнутым носиком – восемь, а серьезной пухлогубой Марфуше – девять. И пока она и день и ночь пропадает здесь, в саду, с чужими детьми, свои почти сироты, на руках престарелой больной бабушки, с трудом доживающей свой век. Муж на войне... «Был на войне», – одернула себя Анна, она никак не могла свыкнуться с мыслью, что его уже нет, словно и не приходила похоронка, словно это было во сне.

Ей невольно вспомнилось то самое лето, далёкого тридцать второго, тёплое, ласковое. Он, незнакомый парень, подошёл к ней на набережной и, протянув букетик полевых цветов, встал на колени. Она и раньше привлекала внимание

мужчин: высокая, статная, круглолицая с глазами цвета летнего неба, и пышной косой. Но вот так, чтобы сразу на колени, – впервые, и было это так непривычно, так дико для неё, как в романах про королей и королев, бесстрашных рыцарей и прекрасных дам; словно они не в двадцатом веке, а в далёком прошлом, где-нибудь на берегу Сены, или в Версале, или в Петергофе. От этой мысли вдруг стало смешно, и она рассмеялась. Парень растерялся, покраснел, а потом тоже засмеялся. На них оглядывались прохожие, кто с интересом, кто с испугом или осуждением, а они никак не могли остановиться.

Потом гуляли до самого вечера. Володя, казалось, изучал дивный свет, его глаза манили и притягивали, и были так необычны – цвета васильков с золотыми крапинками. Даже солнце заметило его и пристроилось на подбородке с ямочкой, словно хотело прижаться к нему, сильному и крепкому, и впрямь будто сошедшему со страниц старинных романов.

Не потому ли война забрала его первым? Пожил и хватит с тебя? Герои умирают первыми. Да, так говорила её мама, а ещё она сказала:

– Опустись руки – умрёшь!

Подошла к Анне и сильно-сильно (и откуда только силы взялись?) встряхнула её за плечо. Подошла, когда дочка из мелко дрожащих рук выронила на пол примятый листок похоронки; когда Анна белая, словно обсыпанная мукой, уже сползала по стенке.

Опустишь – умрёшь!

– Что Вы, Аркадьевна? – Анна не заметила, как повторила эти слова шёпотом, и нянечка, что стояла у соседнего столика, склонилась к ней поближе.

– Нет, ничего, я так, – встряхнулась Анна.

Потом встала, погладила Танечку по головке, немного задержала руку на прикрытом чёрными кудряшками затылке.

– Пойду я проведу своих, – и, не дожидаясь ответа, вышла.

Прохожих на улице было мало, да и те старались передвигались почти бегом – побыстрее бы укрыться от колючего пронзительного ветра под защитой стен. Запахивались поплотнее, завязывались шарфами и платками так, что лишь глаза поблёскивали. Часто этот блеск заставлял Анну вздрагивать и еще плотнее прижимать за пазухой небольшой кусочек хлеба, тот крохотный паёк, что давали ей на работе. Чтобы не вырвали. Как в тот раз, когда она, ещё наивная, радостно неслась домой и несла хлеб в ладонях, чуть ли не перед собой, как несут самое ценное, необычную диковинку, осторожно, чтобы не разбить. И вот так же бежали по улицам прохожие, и так же поблёскивали их глаза, и вдруг один из них бросился на Анну, ударил по руке, вцепился в хлеб и с жадностью начал запикивать его себе в рот, целиком, не откусывая, и столько в нём было звериного и одновременно по-детски беспомощ-

ного, что Анна от растерянности остолбенела, а потом упала прямо на снег и зарыдала, растирая слёзы ладонями; зарыдала от жалости к себе, и к людям, что кидаются на других из-за крохотного кусочка хлеба.

Теперь, она прятала хлебный паёк поближе к груди, укутывала его как дитя; и спешила домой. Бежала, а рука так и просилась нырнуть под пальто, ухватить хоть кусочек. Только она да, пожалуй, Господь Бог, знали каких усилий ей стоило сдержаться, чтобы всё до последней крошки донести до своих изголодавшихся детей. И как же потом радовалась, глядя, как Павлуша с Марфушкой хватали хлеб, как ели его, почти не пережёвывая, и как спохватывались и тянули ей кусочек и бабушке:

– На мама, покушай! Ты же голодная! Ешь, бабушка!

А если ещё перепало немного супа с потрохами...

На улице стремительно темнело. С севера напозлали тёмные почти чёрные тучи. Ветер затих, но уже в следующее мгновение ударил с новой силой, завертел позёмку, вздыбил снег до самого неба; загудел в проводах протяжно, по-волчьи. И будто и впрямь по дорожке побежали гибкие тени волков, засверкали глазами-окнами по сторонам. Надвигалась буря. Та самая, что так часто нападали в последнее время – безжалостная, вымораживающая до самых костей, как не кутайся.

Анна прибавила шагу, теперь она уже ни на кого не обращала внимания и только мысленно умоляла стихию повременить, подождать, дать ещё немного времени, чтобы успеть добраться домой. А потом уже будет не так страшно, там можно погреться у печи, немного подремать у жаркого поющего сонные песни огня, отвлечься от всепроникающей войны, хоть на минутку вырвать её из сердца.

Анна часто задумывалась: может она слишком обостренно всё воспринимает? Может нет того ужаса, того мрака, что, кажется, так и расползается по земле, и от которого едва заметно, но меркнет солнце? Каждый раз, когда в детсад прибегали на несколько минут проведать детей женщины с военного завода, Анна иногда заглядывала в их глаза, и тут же отводила взгляд в сторону. Ей становилось не по себе от той мертвенной пропасти, что закралась под покрасневшие веки; от той изнурительной усталости постоянных недосыпаний и непосильной круглосуточной работы (они спали прямо там у станков). Такие глаза она видела лишь однажды, когда в деревне они игрались с ребяташками на лугу, и вдруг она споткнулась обо что-то, и упала, а когда поднялась, то заметила в траве коровью голову. Потревоженные мухи раздраженно вились над головой, и садились на широко распахнутые глаза, покрытые мутноватой плёнкой безысходности и смертной тоски, словно корова в последнее мгновение своей жизни внезапно

осознала, что ждет её, и в отчаянии возопила на небо, но так и не успела донести до Творца немой молитвы.

Эти уставшие, полуживые женщины, невольно, даже сами того не осознавая, поддерживали её, что она не одинока, что ни одна держит в своём сердце боль и пустоту утраты. И то, подчас не кстати, всплывающее раздражение, что нападало в особо напряженные минуты, на капризничавших детей, и которое приходилось подавлять и глушить в себе, тут же изглаживалось, словно и не было его и бессонных ночей у детских коек; словно новые силы вливались. Хотелось бороться, и наперекор злобной судьбе дожидаться, когда же, наконец, всё это закончится. Ведь ужас же не может продолжаться бесконечно? Не так ли?

Буря не вняла её мольбам: мощным ударом, как бревном, навалилась на спину и едва не опрокинула Анну наземь, потом загудела, забилась в снежной судороге, закачалась тараном, заходила обок, и вдруг резко ударила в лицо, испытывая на прочность хрупкую женщину – а выдержишь ли так? И от того, что она ещё шла, что ещё противилась злобно выл ветер над головой, и с каждым шагом всё сильнее вкрадывался в ухо будто детский плач, словно от ярой обиды заплакала буря, и даже вроде как чуть отступила, чуть затихала, когда Анна свернула на проулок, что вёл к её дому. Но плач всё усиливался, тянулся по ветру, обрывался всхлипываниями и хриплым натужным кашлем. И тут Анна словно в стену удари-

лась, круто остановилась, – да ведь это человек плачет, ребенок! Неужто мерещится уже?

Снег иголками колет глаза, приходится закрываться одной рукой, другой же по-прежнему сжимать хлеб за пазухой, чтобы не выпал впопыхах, хоть и надежно завязан (и всё же). Осматривается Анна, – трудно различать сквозь пургу, едва-едва дома проглядывают, и только плач всё громче и громче, как маячок тянет к себе, зовёт. Только по нему и набрела Анна на ещё не высокий, но стремительно растущий сугроб, из которого торчала детская головка. Девочка, лет пяти, уже едва всхлипывала и, увидев незнакомую тетку, замолчала и пристально уставилась на неё.

– Да что же это делается! – Анна спешно подхватила девочку подмышки и выдернула из сугроба. Девочка замолкла, обмякла словно кукла, бледная, обессиленная, головка склонилась набок. И только когда Анна, испугавшись, встряхнула её за плечи – жива ли – вдруг ясно посмотрела в глаза.

– Тетя, кушать.

Анна, достала из-за пазухи укутанный в платочек кусочек хлеба, отломилась половину девочке. Больше она побоялась дать: кто знает сколько дней девочка голодает?

– Ешь, ешь, милая, – и расплакалась, когда девочка непослушными руками вцепилась в хлеб и стала отрывать куски и проглатывать их.

– Где твоя мама?

– Там, – махнула в сторону девочка. – Она ушла.

Брошенная? Оставлена на улице на милость судьбы? Может её мать погибла: замёрзла? убита?

Сможет ли она найти её родных в этом заснеженном суровом городе? А вдруг она сирота? Что с ней тогда делать? Своих двое, еле-еле концы с концами сводят, а тут...

Буря на мгновение стихла, опал ветер, тяжело упал на землю снег, но Анна знала уже как обманчиво это затишье, чуяла, как собирается с силами стихия, чтобы ударить в последней раз. На раздумье не оставалось времени, Анна поймала себя на мысли, что уже приняла решение, и вдруг, не ожидая сама от себя такой прыти, подняла девочку на руки и побежала по улице, – скорее, скорее домой. И девочка, словно поняла, крепко обняла Анну за шею, уткнулась в грудь, обмякла и затихла, но Анна уже не боялась за неё, она знала, что девочка будет жить. Жить ради себя, ради Анны, ради синего летнего неба, даже ради этой свирепой безжалостной бури. Наперекор войне, ради хлеба... хлеба жизни!

ПОИСК

Возможно решалась его судьба. Фирма была на взлете: расширялись, набирали новых сотрудников (вот и к ним в отдел взяли сутулого паренька-очкарика с ярко-рыжей родинкой над тонкими губами – Славку), и в курилках пошли разговоры о головокружительных перспективах, открывающихся перед сотрудниками. Павел больше молчал, глубоко затягивался удушливым дымом с наслаждением, будто эти самые перспективы для него уже стали реальностью, а потом уже за рабочим столом, долго, не моргая, смотрел в монитор, думая как бы не упустить момент, как бы словить удачу и крепко вцепившись выбраться (наконец-то!) на вершину всего того, что Паша звал жизнью.

И вот шанс в его руках. Накануне их отделу выдали задание разработать новые предложения по расширению производства и со всеми выкладками предоставить начальству в максимально кратчайший срок. «Приезжают англичане» – шептались в отделе.

Но голова шла кругом, думалось плохо. Кофе, что старательно наводила всем худая тонкобровая Лариса, только будоражил и не помогал. И всё чаще Павел убегал в курилку, – «подумать». Впро-

чем, судя по тому, что и сама Лариска и толсто-
брюхий Алекс-Сашка (все из его отдела) усердно
пасли его в прокуренной комнате, дела шли у них
ничуть не лучше. Лишь очкарик Слава, усердно
корпел над клавиатурой, куда-то выходил зво-
нить (почему не пользовался служебным теле-
фоном?), грыз карандаш, смотря как за окном
падают последние уже почерневшие листья,
блаженно улыбался чему-то; несколько раз про-
лил кофе на бумаги и пол; отчего Лариска долго
ворчала.

Он вообще был чудачком этот Славка. Паша
улыбнулся, вспомнив, как в свой первый рабо-
чий день Слава чуть ни сел мимо стула, и пытаюсь
удержаться едва ни перевернул принтер со стола.
Он тогда был необычно говорливый (наверное от
волнения) о чём-то щебетал, пытался шутить, и
почему-то боялся повернуться к Павлу спиной.
Это потом он сделается молчаливым и сосре-
доченным. «Пчела майя» – обзывала его Лариса,
и никогда с тех пор не называла Славу по имени:

- «Наша пчела майя опять забыл свои перчатки»
- «Пчела майя оставил свой кошелёк»
- «Пчела майя весь в работе».

И вот эта «пчела майя» похоже опять самая
успешная «в улье».

Вечером, когда за окном стремительно тем-
нело, и Лариса убежала забирать дочку из сада,
и Алекс-Саша, тяжело вздыхая ушёл домой,
Слава оживился, пару раз победно потёр ладо-
нями, замурлыкал маловразумительную мелодию,

вышел из кабинета, затем заглянул обратно – «Я сейчас» – и убежал.

Паша пожал плечами. Голова раскалывалась, хотелось домой. Он устало прошёлся к окну, подёргал форточку в раздумье, достал сигарету и, зажав её губами, присел на подоконник. Сонно урчали компьютеры, за окном загорались звёзды, злобно стучали проползающие трамваи. Паша смотрел, как они уносят в себе скрюченные чёрные фигурки людей, и жевал сигарету. В какой-то момент он развернулся и его взгляд упал на Славкин компьютер.

Славки всё не было, а монитор призывно светился; дремала мышь слабым красноватым огоньком, и в голове Павла от этого зрела щекочащая мысль.

Павел проворочался с боку на бок всю ночь, обдумывая как же обойти Славу, как сделать так, чтобы «его» проект лёг на стол начальства первым. Лишь под утро он задремал, но тут же двери открылись, и с тихим мурлыканием в комнату вошел Слава, подкрался к кровати, нагнулся, и громко прокричал в самое ухо: «Вор!». Паша испуганно открыл глаза, – в комнате никого не было. Мерно тикали часы, за спиной посапывала жена, в лёгком ночном воздухе чудился терпкий аромат мужского одеколona, того самого, что любил Слава.

Павел после долго стоял в ванной. Зрело в нем нечто непонятное, дурное, словно он измазался чем-то липким. Журчала вода из-под крана, закручивалась водоворотом в раковине. Паша разделся и долго скреб себя под душем, – в голову лезли странные мысли. В какой-то момент, он подумал, что сейчас выйдет из ванной и выкинет эту поганую флешку в мусорное ведро или, на худой конец, сотрёт всё к чертовой матери, даже пойдёт и повинится во всём этому чуднОму Славику. В конце концов, он же не плохой парень, и заслуживает получить свой шанс. А Паше? Зачем ему все эти «головокружительные перспективы»? Он и так зарабатывает хорошо, и жена у него милая, и ребенок растёт, и квартира и, пусть старая, но уютная дача, где по выходным они собираются на шашлыки, – ароматные, с лучком и свежими помидорами, с шутками и песнями. Только в этом ли смысл жизни?

Однажды он заглянул к соседу по даче. Они сидели с ним в саду за столом, ели сотовый мёд, запивали молоком и говорили о жизни: о ценах, новом губернаторе, об урожае. Сосед раскраснелся; его мясистый нос то надувался как шарик, то опадал, жадно хватая распаренный воздух, настолько тягучей, что едва проходил в лёгкие. В топлёном сливочном мареве летнего солнца тяжело гудели за высокой сеткой пчёлы: несколько самых юрких крутились у Пашиных рук и то и дело садились на мёд, что чернел в белой до боли в глазах чашке. Сосед попытался их отогнать, и одна едва не цапнула хозяина за руку, – тогда мужчина несколькими громовыми ударами приشلепнул пчёл; потом вдруг охнул, побледнел и стал заваливаться на стол. Словно время растянулось – так медленно, неестественно медленно все было: прошла вечность, пока голова мужчины с глухим стуком ударилась о выцветшие доски столешницы. Этот чужой звук вывел Пашу из оцепенения. Он крикнул «на помощь!» и кинулся поднимать голову соседа, но тот уже был мертв. Паша понял это по неестественно растянувшемуся носу – он стал как выжатая тряпка, один глаз был полуприкрыт, на веко налип кусок облупившейся краски, лоб пропечатали доски. Павел опустил голову обратно на стол и сел. Недобитая пчела билась в судорогах у чашки с мёдом; жалобно пищала; дёргала лапками, крыльями. Паша смотрел на неё и вдруг подумал: «а ведь мы такие же как и они. Совсем такие же». Мысль

была сухой, мимолётной, и как пришла, так и убежала с ленивым полусонным ветерком, что обдувал голову, и ему стало горько, безысходно горько и страшно. «Так не должно быть» – говорил себе он.

И вот сейчас, под упругими струями воды, Павел вновь вспомнил, как в тот вечер он долго смотрел на старый дачный домик; почерневший от времени и дождей забор, на пасеку, и приходил к выводу, что его то, – этого смысла жизни, – и нет; он просто выдуман людьми из-за страха смерти, как попытка отгородиться от той земли, что, в конце концов, укроет нас для последнего сна.

– Бессмысленный смысл, – прошептал Пашка, перекрыл воду и долго стоял. Вяло вытирался махровым полотенцем, крупно дрожа от подступившего холода, пока за дверью не затрещал будильник. Он поставил его на двадцать минут раньше обычного, чтобы опередить Славу.

И что это всё теперь должно пропадать даром? Его бессонная ночь; пробудившийся будильник, украденный у жены самый сладкий кусочек сна?

Павел оперся о раковину, посмотрел в зеркало на своё осунувшееся лицо, на впалые каштановые глаза, острый нос, зло сплюнул:

– Размазня!

В то утро он успел.

Когда сутулая фигура Славы проскользнула в родной кабинет, там начальник востро уже расхваливал «светлый гений» Павла.

– Вот ты посмотри! – ткнул он Славе под нос его же проект. – Учись, студент!

Слава растерянно пролистывал выкладки, бледнел, потирал подбородок, потом пристально посмотрел на Пашу. Мгновение, другое они смотрели друг другу в глаза. Паша не выдержал, растеряно уткнулся в пол.

– Да, недурно! – произнес Слава и вышел.

Паше вдруг до боли в груди захотелось сказать, что он украл проект, что он вор. Он уже было открыл рот, но в последний момент невероятным усилием сдержался. Вся радость была омрачена. Радовалась Лариса, радовался Алекс-Сашка (хотя чему радоваться, если вместо них, прекрасный шанс ухватил Паша?). Он же опять, как вчера вечером, сидел на подоконнике и рассеяно смотрел в окно. На суетившихся прохожих. На проходящие трамваи. На чудака, что странно размахивал руками и кричал. На внезапно возникшую толчею у трамвайных путей и на грязно-белую карету скорой, возникшую из-за угла. И ему хотелось лишь спать и курить.

– Ну что именинник скис-то? – ткнула его в плечо Лариса.

Она достала стаканчики, Алекс-Сашка откупорил бутылку вина, оставшуюся с прошлых посиделок, и они, прыснув по пять капель («Пчёлку не будем ждать, потом лучше ещё сбрызнем» – зая-

вила Лариса») – отметили удачное начало рабочего дня. И то ли от вина, то ли этой неподдельной (действительно неподдельной!) радости коллег, словно они сбросили с себя ненужный груз, Паша приободрился, и случившееся перестало казаться ему таким страшным и липким, как прежде. «В конце концов, это всего лишь жизнь», – сказал он себе и этой ночью спал как ребенок, сладко посапывая, словно уже держал в руках всё то, что давал ему пресловутый «шанс».

На утро Лариса пришла чуть позже обычного.

– Пчёлка под трамвай попал, – заявила она с порога.

В повисшей тишине громом отозвался звук расстегивающейся молнии.

– Вчера утром летел как оголтелый. Нуу, и... – Лариска повесила куртку, и закрутилась перед зеркалом на стене, оправляя свитер.

– Что и? – не выдержал Павел.

– Ну что?.. На смерть. Завтра на Старом хоронить будут, – она села за стол, достала косметичку и зачем-то добавила:

– Ленка с бухгалтерии его соседка оказывается.

Алекс-Сашка пожал плечами и уткнулся в чтение какого-то сайта. Паша тоже поначалу попытался напустить на себя равнодушный вид, но в голове только и крутилось «Пчёлка попал под трамвай... попал под трамвай». Только присутствие коллег, и боязнь выдать страшную тайну, что это он повинен в гибели Славы, удерживала его от желания встать и бежать отсюда подальше;

от Лариски, подправляющей помаду на губах; от размеренно жующего (уже!) шоколадку Алекса; от самого себя.

Это желание, правда, постепенно слабело под гнётом рабочей суеты, а когда Павел переступил порог дома и вовсе поутихло, так что он было уже обрадовался, что избавился от него окончательно. Но стоило ему на утро вернуться в кабинет, как оно вновь напомнило о себе с удвоенной силой.

«А что было бы, если я тот раз стёр всё с флешки? Или же просто сказал правду?» – думал Паша. Он часто бегал в курилку, заваривал кофе из пакетиков, несколько раз крутился у кабинета шефа, словно хотел во всём сознаться, но не решался. А затем, ближе к обеду, когда по коридорам потянулись люди с чайниками, пирожками и бутербродами из кафе напротив, он вдруг сорвался.

– На Старом говоришь? – спросил он Ларису.

Глаза Павла лихорадочно блестели.

– О чем ты?

– Пчёлка, – бросил он.

– Ага, на Старом, – слегка растягивая слова, ответила Лариса. – Ты куда, Паша? А чай?

Он долго искал на Старом нужную могилу: никак не мог вспомнить Славкиной фамилии, метался меж могил, высматривая свежие, только что засыпанные. Но всё было не то. Лишь, когда уже совсем отчаялся, натолкнулся, на самом краю, у кладбищенской ограды, на скромную

желтеющую комьями глины могилку с деревянным, кажущимся неестественно тонким крестом.

«Томилов Вячеслав Алексеевич... и дата» – золотилось на деревянной табличке. Ленты на одиноком венке растрепались на ветру и Паша поправил их, провёл рукой по сухо шуршащим искусственным цветам, присел на карточки. Букет гвоздик, что купил по дороге, положил под крест, зачем-то отгёр платком и без того сухое лицо. С креста смотрел улыбающейся Слава, смотрел так живо, что Паша почувствовал его взгляд, – усталый и легкий; – и отвел глаза. Ему не было стыдно, и чувство вины, мучившее эти дни ушло, но будто невидимая стена внезапно пролегла между ним и миром, что бурлил и плескался жгучими брызгами за оградой, и внесла то, искомое и непонятое Павлом, потому он так боялся посмотреть Славе в глаза, – знал приговор, который увидит в чёрно-белых пронизательных глазах. Казалось, в них и светился этот самый смысл жизни.

Ветер становился нестерпимо промозглым, перебирал комья земли на могиле, пытался оторвать ленты от венков. Небо затянуло тучами, тяжелыми, мучавшимися от переполненного нутра. Пилой завизжали тормоза на дороге, и словно распорол небеса – посыпался первый в этом году снег, – белый и легкий как пух. Крупными мазками он подкрашивал землю, лез в глаза, стекал обжигающими струйками по щекам, но Паша не шевелился, хотя сыпало

всё сильнее и сильнее. Фотографию уже наполовину залепило, и теперь лишь выглядывала Славина родинка. Из-за деревьев подкрадывались сумерки, сгущались, растекались меж могил. Ожил мобильник. Долго и жалобно пиликал в кармане, потом резко замолчал и в сознание ворвалась звенящая кладбищенская тишина. Паша встал и пошёл к выходу, но с полпути вернулся, очистил от снега крест и фотографию, – только задержался ладошкой на самом лице, возле Славиной переносицы, постоял и нерешительно убрал руку.

– А всё-таки он есть этот смысл, да, Слава? – прошептал Паша.

– Есть, – раздался в ответ едва слышимый шелест в вышине, над головой.

Паша задрал голову к верхушкам деревьев, закружился на месте в поисках, а потом в растерянности посмотрел на крест: на него смотрел улыбающийся Славка и где-то далеко постукивал последний усталый трамвай.

НЕОБРАТИМЫЙ ПОВОРОТ

Он опасался, что попадётся.

Тщательно обмотал банки с краской газетами, на дно просторной спортивной сумки бросил старое тряпье, затем поставил банки, обложил оставшимися тряпками, а сверху забросал грязными спецовками. Петр похвалил себя, что не выкинул их на прошлой неделе. Теперь можно, в случае чего, сказать, что несет домой постирнуть. Знал, что ему поверят. Лишь бы не стали смотреть сумку, иначе все пропадет: его выкинут с позором с работы, и отдадут под следствие. Петр удивился насколько сухо и спокойно он об этом подумал, будто мысли подкинул ему кто-то, сидящей внутри, – безжалостный и бескомпромиссный.

Петр не думал, что все так легко будет проделывать: что выберет краску подороже, – импортную, финскую; что долго и спокойно будет подправлять и подчищать в карточках и журнале записи, – причем сделает это так аккуратно, что даже сам залюбуется, – словно проделывал подобное каждый день. Он даже знал кому продаст эту краску: несколько раз один знакомый уже намекал, что был бы не прочь подкупить, – «ты же знаешь, на рынке всякую дребедень толкают».

Но вот когда сумка была уложена, и с тихим шелестом застегнута молния; за грудиной екнуло, застучало, защекотала кровь в висках. Он понял, что на самом деле ему все это время было страшно, но только злополучное «надо» покрывало коростой страх, и помогало действовать, а вот сейчас почему-то заглохло. Вместо него разрасталось пустое горькое чувство неизбежности провала. Петр попробовал сумку на вес, прощупал банки под матово блестящей тканью и устало присел «на дорожку».

На улице нудно фырчала машина, надсадно кричали. Петр закрыл глаза и откинулся на полку с эмалью, – холодные банки впились колкими ребрами в спину. Послышался скрип сапог, кто-то подошел к двери, замер, – он ждал, Петр тоже, – время тянулось. За дверью переминались с ноги на ногу. Петр не выдержал, резко встал и открыл дверь, – никого.

«Если я сейчас не пойду, то сойду с ума» – подумал он, подхватил сумку и вышел.

Все утро он себя подбадривал: в трясущемся автобусе долго объяснял самому себе почему так надо и что другого выхода нет, что денег нигде больше не достать, а взять в долг невозможно: они и так в долгах – кредиты, соседу, вон, уже месяц отдают тысячу. Жену тут еще с работы сократили. И надо же всему так обернуться! Петр смотрел в окно на мелькающие дома, и думал как много зависит в жизни от случая, ведь если бы не эти сапоги...

Сапоги полетели некстати. Оставалось совсем немного: на дворе март, через две-три недели можно будет ходить в кроссовках. Уже бывало набухал туман, и днем капало с крыш, а они разлетелись вдрызг: отвалилась подошва, расплзлась молния. Петр долго вертел сапог в руках, прикладывал подошву, примерялся, но починить уже было нельзя.

– Походит в кроссовках, – сказал Петр.

– Ты совсем рехнулся! Придурок! – Зинка раздраженно швырнула на стол вилку.

– А что? Я видел ребят в кроссовках и ничего, не мерзнут. – Петр повертел еще сапог, оставил в сторону, и посмотрел на жену.

Зинка раскраснелась, отчего веснушки, что обсыпали ее щеки и нос, будто почернели. Крепко налитая грудь тяжело вздымалась и опадала, пухлые губы нервно подергивались, белая как снег рука злобно встряхивала сковородку с фасолью.

– Вот и будешь ходить в кроссовках, если такой умный! Все мужики как мужики! А этот ребенку даже на сапоги заработать не может.

Петр прищурился и смотрел, как солнечный зайчик греется на кухонном столе. Слушать Зинкину ругань не хотелось, но и уйти было нельзя: раскипятится еще сильнее, и тогда хоть в лес сбегай, все равно достанет. Он и сам понимал, что ходить в кроссовках его дочь не будет. Не потому, что не захочет, а потому что он ей этого не позволит. Ленке шестнадцать, она уже девушка, – вытянулась вон как! Волосы

русые, волной спадают на плечи, – в бабуку, – и глаза серо-желтые, как у кошки. Куда ей кроссовки! Впрочем, и они на ладан дышали, неровен час на ноге расплзутся, и не успеешь из дома выйти.

Надо было покупать сапоги. А на что?

Зинка кипятилась все сильнее. Она не понимала его, и не хотела понять.

С тех пор как его полгода назад поставили завскладом на заводе, жизнь стала невыносимой: не было вечера, чтобы она его не попрекнула, что он не может даже «драных» (она так и сказала, – драных) гвоздей притащить. «Ты что, не знаешь, как это все делается?» – шипела она на него по вечерам. И пилила, пилила, пилила... В какой-то момент, Петр написал заявление о переводе на другую работу, но так и не решился его отнести, долго мялся у кабинета начальника, потом скомкал и выбросил в урну. «Будет только хуже» – решил он. Зинка тогда совсем проходу не даст. Не понимала, что воспитание не позволяет брать, совесть.

– Мозги у тебя пустые, а не воспитание, – плакала Зинка.

Она всегда плакала после длинных тирад о ничемном муже, а Петр уходил курить на балкон, – не терпел женских слез. Или включал телевизор и, не мигая, смотрел на мелькающие картинки.

Но сегодня она не плакала, замолкла, и устало села на стул, уронила голову на руки. Петр подошел к ней, обнял, погладил по плечу.

– Я попробую, – сказал он, помолчал, сел напротив, – Что-нибудь придумаю.

Сумка тяжело тянула плечо, сползала, и постоянно приходилось ее поправлять. Чем ближе он подходил к проходной, тем шел все медленнее и медленнее, и все чаще оглядывался на склад. К нему вдруг подступило чувство, что оттуда кто-то укоряющее смотрит ему в спину, – так смотрела мама, когда он что-то делал не так, так же она посмотрела и в тот раз, когда он с мальчишками, летом в деревне, залез в сад к соседке и сломал ветку на яблоне. Она не ругала его, не била, просто посмотрела тоскливо-укоряюще, покачала головой и не разговаривала с Петей до вечера. И это было так неприятно и так больно, что Петя пообещал себе никогда больше ничего не брать чужого и до сегодняшнего дня это обещание старался выполнить, как бы это тяжело не было. Но сейчас... сейчас... мог ли он поступить иначе? Если хотя бы Зинка работала, а тут.

«Один раз можно» – успокаивал себя Петр. Перед грязной стеклянной дверью проходной остановился, вдохнул полной грудью и резко вошел, но тут же почувствовал неладное.

Наверное, все было написано у него на лице: маслинные глаза вахтера хитро заблестели. Своей трехпалой рукой он медленно перелистывал журнал регистрации, и жадно смотрел на сумку, что висела на плече у Петра.

Сердце гулко застучало в груди; лоб покрылся холодной испариной. Не хватало воздуха, и Петр невольно оперся о стойку.

– Плохо? – вахтер привстал, но при этом не оторвал взгляда от сумки.

Петр смотрел на его изуродованную руку: толстые как сардельки пальцы хищно хватили пожелтевшие страницы, словно боялись упустить их; два розовых обрубка при этом шевелились, потягивались. Казалось, вот-вот и они вырастут и вцепятся в горло Петра.

– Да немного голова кружится. – Петр старался, чтобы его голос звучал спокойно. Достал платок из кармана, оттер лицо.

– Погода не важная. – кивнул вахтер, и снисходительно улыбнулся. Он, наверное, ждал, что с ним поделятся.

Эта улыбка («ничего страшного, в первый раз так бывает») внезапно разозлила Петра, он резко подобрался, поправил сумку.

– На воздухе легче станет! – и вышел.

Он едва сдержался, чтобы не побежать в панике, нарочито небрежно закурил у входа. Из серой начальской «Волги» вылез долговязый молодой шофер, – Вадик, завел разговор про дачу. Стоять было очень трудно, казалось, что вахтер продолжает распиливать взглядом сумку, и, конечно, думает, не стоит ли заложить Петра пока не поздно; или же удастся и самому поиметь что-нибудь. Но Петр упорно выжидал время, –

минуту, вторую, – и лишь когда докурил, попрощался с Вадимом и пошел на остановку.

Возвращался домой уже поздно. По небу разливался бордовым кровоподтеком закат, тучи вытянулись и почернели, снег покрывался серыми налетами вечерних теней. Сумка теперь полегчала: все тряпки и спецовки он вышвырнул в мусорный контейнер во дворе неподалеку; а вместо краски, в кармане похрустывала тысячная бумажка, – как раз на новые сапоги. Не ахти, конечно, какие, но на три недели хватит. «А дальше, что-нибудь, придумаем» – думал Петр.

Стало легче. Странное чувство, что было в автобусе накануне исчезло. Тогда он не смог и двух остановок проехать, выскочил, как только въехали в жилые районы и, дальше, до «Покупателя» шел пешком. Ему казалось, что все знают об украденной краске в сумке. И толстая кондукторша с мужским грубым лицом и черными усиками; и миловидная женщина с выбившейся прядью из-под шапки; и даже собака, что ехала с каким-то мужчиной в старомодной побитой молью шляпе. Они смотрели на него также как и вахтер выжидательно-снисходительно. Сейчас же он мог сесть в автобус спокойно. Кто его может попрекнуть, а? В чем? Разве запрещается возить деньги в кармане? Да и вообще, что они могут и как смеют меня судить? – думал Петр.

Он сидел на остановке, и смотрел на выцветающее небо. На ворону, что нагло сидела на

мусорной урне и не улетаала, даже, когда подошли близко. На людей, что переминались с ноги на ногу; тихо переговаривались; или также, как и он, смотрели на небо или грязный снег.

Подошел автобус. Зашипел, щелкнул дверями. Петр устало сел у окна, прикрыл глаза, задремал, но вдруг резко проснулся, будто кто его толкнул в бок. Перед ним сидела высохшая старушка. Морщинистые щеки ввалились, беззубый рот. Старое поношенное пальто, зеленые рукавицы. Красные слезящиеся глаза с жалобным взглядом. «Как у виноватой дворняжки». – подумал Петр и ему стало стыдно за это. Он отвел взгляд, потом снова посмотрел на старуху. Зачем-то стал думать о ее жизни, о том, что она сейчас, наверное, едет от дочери, которой отдала свою пенсию, потому, что у той двое детей, которых надо кормить и поить, и пьющий муж. А сама будет теперь жить на картошке, что осталось с осени и соленых огурцах. И так до следующей пенсии, и до следующей, пока не умрет. Впрочем, кому сейчас легко?

Пощупал тысячу в кармане. Крепко сжал ее в кулак. Она была почему-то тяжелой и горячей. «Необратимый поворот» – промелькнуло в голове, и Петр испугался, потому что понял, что это о его теперешней жизни. Стал озираться, занервничал, а когда автобус остановился и старушка, неожиданно юрко, поднялась с места и сошла, вдруг кинулся за ней, догнал, вцепился в руку и сунул тысячу.

– Вот, – сказал он.

Она растерянно смотрела на него, и не могла ничего сказать, а он развернулся и побежал домой. «Дома будет скандал» – подумал Петр, остановился перебрал необычно полегчавшую сумку с плеча на плечу, вдохнул свежий морозный воздух.

– Как же легко! Как же необычно легко! – вдруг закричал он и засмеялся.

И вместе с ним смеялась необычно яркая звезда, что вспыхнула на небе, задрожала бирюзовым огоньком и потянула тонкие лучики к земле.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИСТАВНОЙ КОТ.....	3
УТКА.....	15
УСТАНОВЩИК ОКОН.....	27
ЖИЗНЬ – КОЛЕЯ.....	42
САМЫЙ ДЛИННЫЙ МАРШРУТ.....	67
СУХАРЬ И ВАЗА.....	73
ДУША ПЕТРОВА ДОМА.....	79
ТАКАЯ УТОМИТЕЛЬНАЯ БУХГАЛТЕРИЯ.....	92
СТЕРПИТСЯ – СЛЮБИТСЯ.....	128
ОВЦЕВОЛК.....	144
НЕЛЕПИЦА.....	159
ХЛЕБ ЖИЗНИ.....	169
ПОИСК.....	179
НЕОБРАТИМЫЙ ПОВОРОТ.....	191

Сергей Слесарев

Приставной кот

Рассказы

Редактор Е.А. Машукова
Технический редактор Т.А. Агапий
Художник Анна Жиганова